Проф. Петр Мисков.

МИРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Полное издание.

г. Чита.
Тип. об'единен. союза забайк. кооперат.
1921.

Проф. П. П. Маслов.

МИРОВАЯ
социальная проблема

ЧИТА.
Тип. Об'един. Союза Забайк. Кооперат.
1921

Книги П. П. Маслова:

Аграрный вопрос. Т. I. Изд. 6-е. Петербург 1917 г. Изд. „Дело".

Аграрный вопрос. Т. II изд. „Общественная польза", Петербург 1907 г.

Теория развития народного хозяйства. Изд. „Право", Петербург 1910 г.

Капитализм. Т. I. Наемный труд и заработная плата, изд. «Наука и жизнь», Петербург 1914 г.

История народного хозяйства в Западной Европе и России, Изд. 2-е Петербург 1918 г.

Тоже, Омск 1920 г.

Экономические причины мировой войны. Изд. «Задруга» 1917 г.

Итоги войны и революции. Изд. «Книгоиздат. Писателей", Москва 1918 г.

Наука о народном хозяйстве вып. I. Иркутск 1920 г.

Die Agrarfrage in Russland. Stuttgart verl. Dietz. 1906.

Die Theorie des Volkswirtschafts. Leipzig. 1912.

Theorie de l'evolution de l'économie nationale. Giard et Brière. Paris. 1914.

МИРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА.

БА
961
.М3

Пров. 1959

Предисловие.

В начале русской революции, в марте или в апреле, я опубликовал открытое письмо советам рабочих и солдатских депутатов по поводу законодательного установления 8-ми часового рабочего дня. В письме я указывал, что без развития производительных сил, без развития промышленности это завоевание ничего не дает, так как падение индустрии поведет к безработице и к уничтожению рабочего класса. Мое письмо, посланное во все газеты, было напечатано лишь в буржуазных газетах, а социалистические дали мне жестокую отповедь с указанием, что забота о развитии производительных сил страны—дело буржуазии, а не пролетариата, что пролетариат должен заботиться только о своих интересах, а не развитии производительных сил.

Для меня было ясно, что писать в то время о социальной проблеме было преждевременно, что пока не проделан социальный опыт, мои указания были бы приняты, как ересь, мимо которой нужно пройти, не задумываясь.

С тех пор в России были у власти все буржуазные и социалистические партии, социалисты-революционеры, социал-демократы и коммунисты-большевики. Теперь, спустя почти три года после начала опыта, мои указания не могут быть пройдены презрительным молчанием просто потому, что всякому мыслящему человеку опыт прошлого наглядно показал, что я был прав, что вопрос о развитии производительных сил страны является вопросом, в котором кровно заинтересован рабочий класс и при капиталистическом и при советском строе, что проблема продукции не менее важна, чем проблема распределения.

Конечно, и теперь большинством социалистов еще не осознано все значение затронутого мною вопроса, но

в настоящее время уже можно об этом писать в надежде, что над поставленной мною проблемой читатель задумается. Поскольку мне пришлось наблюдать, проблема продукции в России привлекает все больше внимания со стороны социалистов и уже не раз мне приходилось выслушивать мнения, что социалисты всегда имели ее ввиду и даже отыскиваются соответствующие цитаты у наиболее авторитетных социалистов-писателей. Так как для верующих людей чрезвычайно важно изменение взглядов подкреплять авторитетом учителей, то замеченное явление служит признаком того, что скоро будет усвоено правильное понимание социальной проблемы. Главное препятствие к усвоению изложенных здесь идей, предпосылки которых читатель найдет в моей „Теории развития народного хозяйства", заключается в том, что я не ссылаюсь ни на какие авторитеты, а, напротив, критикую их, и в том, что не защищаю никакие партийные и политические интересы, а исхожу исключительно из интересов развития хозяйства. Для коммунистов трудно усвоить изложенные идеи, потому что я не коммунист, для противников коммунизма, потому что я указываю на их ошибки и не ругаю коммунистов. Тем не менее запросы жизни сильнее партийных предубеждений и страстей и кое-что от написанного ниже останется в головах людей даже предубежденных.

Конечно, я не питаю иллюзий пробить толщу сектантского самодовольства массы представителей различных партий, но это вообще непосильная для отдельных лиц задача.

В настоящий момент, когда идет ожесточенная социальная и политическая борьба, довольно трудно подойти к экономической проблеме, игнорируя партийные разногласия. К постановке вопроса подходят с меркой: большевик, меньшевик, эс-эр, революционер, контр-революционер и т. д. Тем не менее я считаю необходимым подойти к социальной проблеме, совершенно игнорируя те или другие партийные соображения и полагая, что именно они иногда мешают правильной постановке вопроса с точки зрения интересов развития народного хозяйства, не всегда совпадающих с текущими

интересами того или другого класса, той или другой партии.

Представители различных общественных течений, ознакомившиеся с книгой, все утверждали, что первое ее чтение, до ознакомления с ней в целом, вызывает реский внутренний протест, так как в ней многое противоречит сложившимся представлениям, и только во втором чтении усваиваются и становятся понятными идеи, изложенные в разных частях книги.

К сожалению, этого недостатка или затруднения я устранить не могу.

Автор.

Март, 1921 г.

Вместо введения.

ГЛАВА I.

Элементы веры в социализме.

1.

Обладая ограниченными мускульными и нервными силами, человек для сохранения своего существования должен и сознательно и инстинктивно растрачивать их таким образом, чтобы получались наибольшие результаты с наименьшей затратой мускульной и нервной энергии. Только при этом условии возможно его самосохранение и существование. В своей хозяйственной деятельности, при затрате труда человеку приходится работать таким образом, чтобы получать хозяйственные результаты с наименьшей затратой его физических и нервных сил. Только при этом условии возможно удовлетворение физических потребностей. Принцип экономии своей энергии,*) которым руководствуется работающий суб'ект, настолько ясно проявляется в этой области, что едва ли кто-нибудь будет оспаривать его значение. Гораздо труднее наблюдать проявление этого принципа в познавательной деятельности человека Однако, рассматривая и эту область человеческой деятельности, мы увидим господство того же принципа. Самое знание является орудием для экономии энергии. Орудием экономии энергии оно является

*) Принцип экономии энергии нужно, разумеется, различать от закона сохранения энергии, формулирующего факт непрерывности и безконечности движения. В принципе *экономии* энергии есть известная целесообразность, хотя часто бессознательная. Так, растение поворачивается листвой к солнцу, чтобы данной ее площадью получить наибольшее количество солнечного света. Как сознательная, так и бессознательная экономия энергии вырабатывается в течение миллионов поколений путем выживания и подбора приспособленных организмов.

потому, что дает возможность избежать бесполезной ее затраты. Ребенок, не зная, что нельзя схватить в руку дым от папироски или солнечный блеск, бесплодно ловит его, пока не узнает, что они не уловимы. Дикарь бесплодно молится своему идолу, чтобы получить какой-нибудь результат, не зная, что эта затрата его энергии совершенно бесплодна.

Но для того, чтобы знать внешнюю среду, в которой приходится действовать каждому индивидуальному человеку, недостаточно своего личного опыта. Ребенок, сделавши несколько попыток поймать солнечный блеск, на опыте убеждается, что поймать нельзя. Но, как мы заметили, физические и нервные силы каждого человека в отдельности крайне ограничены и для сохранения своего существования каждому индивиду было бы недостаточно собственных сил, если бы ему приходилось все узнавать собственным опытом. Едва ли бы много оставалось в живых детей, если бы они только на собственном опыте убеждались, что в глубокой реке они могут утонуть, если бы им не помогал опыт других.

Но воспользоваться опытом других возможно только тогда, когда есть вера в него, т. е. когда один человек верит в то, что испытал или знает другой. Путем веры и традиции, являющихся ее результатом, опыт десятков, сотен и тысяч поколений передается друг другу.

В своей борьбе за самосохранение, благодаря вере, каждый индивидуальный человек может обогатиться, воспользоваться опытом миллионов других людей. Таким образом результатом веры является знание, непроверенное личным опытом или умственным анализом.

Не трудно видеть, какая колоссальная экономия нервной и физической энергии получается благодаря этому орудию—вере. Вместо того, чтобы затрачивать физическую энергию на опыт и умственную энергию на то, чтобы делать выводы из этого опыта, каждый получает готовый вывод, который может быть сделан иногда только благодаря колоссальной затрате физической и нервной энергии целыми поколениями.

Вполне естественно, что у каждого человека есть постоянное стремление воспользоваться опытом других и верить в этот опыт, а не повторять его самому. Чем меньше изменяются внешние условия, к которым относится опыт, тем полезнее опыт других и тем полезнее оказывается вера. Например, условия произрастания растений остаются неизменными. Поэтому способы добывания полезных растений в главных чертах остаются одинаковыми, основанными на опыте целых сотен и тысяч поколений.

Весной хлеб сеют, предварительно взрыхляя землю, осенью убирают и т. д. Никому не приходит в голову сеять хлеб зимой или среди лета, так как опыт предыдущих поколений происходил при таких же условиях произрастания злаков.

У животных, вследствие постоянных *неизменяющихся* отношений к природе, опыт предыдущих поколений принимает характер инстинкта; причем инстинктивные действия являются наиболее экономной затратой мускульной и нервной энергии. Так, пчела инстинктивно, привычно делает соты, не растрачивая энергии на придумывание наиболее целесообразного их устройства. Эта работа уже сделана тысячами предыдущих поколений.

Очень многие действия производятся человеком также помимо его сознания и в них проявляется наибольшая экономия энергии. Но и в тех действиях которые делаются сознательно, человеку удается пользоваться опытом предыдущих поколений при помощи веры и традиций. Это орудие является полезным, как мы заметили, только тогда, когда условия деятельности, основанной на вере и на традиции, являются неизменными. Только в этом случае вера и традиция могут быть орудием экономии энергии и давать благоприятные результаты. Например, в приведенном выше случае культуры злаков при редком населении наиболее целесообразной и производительной является экстенсивная переложная система хозяйства, без удобрения. Последнее является при этих условиях невыгодным и обыкновенно у крестьян в редко населенных районах существует традиционно установившееся мнение, что удобрение вредно для произрастания хлебов. Но вот,

население уплотняется, и наиболее выгодным является при новых условиях интенсивное хозяйство. Старая вера в то, что удобрение вредно, оказывается не только бесполезной, но вредной, так как при новых условиях, когда распашки захватывают большую часть поверхности территории, на полях без удобрения должен наступить неурожай. Вера в опыт, применявшийся раньше, при новых изменившихся условиях является уже вредной, потому, что опыт других поколений, происходивший при других условиях, дает совершенно другие результаты. Вера и основанная на ней традиция при новых условиях уже не облегчают борьбу за жизнь, а затрудняют ее, так как новые условия не соответствуют тому опыту, к которому относится вера.

Чем более текучи и изменчивы те условия. к которым относится вера, тем больший вред приносит это орудие экономии энергии.

2.

Условия жизни не только животных, но и человека на первых шагах его развития являлись неизменными для целого ряда поколений. При таких условиях не только инстинкт животных, но и вера и традиции человека являются наиболее сильным орудием экономии энергии. В развитии общества вплоть до начала развития капитализма отношение людей к природе и друг другу оставалось неизменным в течение ряда поколений. Вера и традиция оказывались полезными для целого ряда последующих поколений и охватывали почти все стороны жизни, так как жизненные условия или не изменялись, или изменялись чрезвычайно медленно и незаметно.

Только с началом развития капитализма жизненные условия—как отношения к природе, так и общественные отношения,—изменяются не только с каждым последующим поколением, но теперь даже на глазах одного поколения. Но некоторые стороны психики человека не изменяются так быстро, как изменяются общественные отношения. Вредное при новых условиях значение веры и традиции не может уничтожить стремления людей пользоваться этим орудием экономии сво-

ей энергии в тех случаях, когда это вредно, тем более, что во многих случаях оно продолжает быть полезным. Ребенок, как прежде, так и теперь, не рискует утонуть только тогда, когда он верит старшим, что в воду лесть не следует, что в воде можно утонуть. Многие условия, особенно природные условия, остаются неизменными, и по отношению к ним вера продолжает быть необходимой: огонь жжется, падающий камень ушибает или убивает, как бы ни изменялись общественные отношения и отношения к природе. Поэтому вера и традиция продолжают оставаться важными элементами в экономии энергии, хотя все больше и больше они являются вредными, так как все больше и больше изменяются общественные отношения и отношения к природе.

Преимущество веры над инстинктом заключается в том, что вера быстро разрушается личным опытом. Когда условия жизни изменяются, и человек на опыте узнает несостоятельность своей веры, она быстро падает и заменяется знанием, основанным на опыте.

Однажды в деревне мне пришлось быть свидетелем такого случая. В реке около деревни утонул мальчик. Собравшиеся бабы об'ясняли этот случай тем, что уже больше месяца прошло, как они не пугали детей „мотовилихой", дети осмелели и стали бродить в речке. Обыкновенно через известные промежутки времени одна из баб выворачивала шубу и садилась около речки, а другие бабы показывали на нее своим детям и говорили, что это сидит мотовилиха, которая живет в воде и таскает ребятишек, которые заходят в воду. В данном случае принцип экономии энергии, при помощи веры для устранения опыта проявляется наглядно. Взрослые на основании личного опыта уже убедились, что никакой мотовилихи, которая таскала бы детей,—нет. Но для того, чтобы дети не проделывали рискованного опыта об опасности реки для них, взрослые внедряют в детей ту веру в мотовилиху, которая и их когда то спасала от опасности утонуть. Таким образом, при отсутствии других способов уберечь детей взрослые прибегают к заведомо ложным знаниям, которые при помощи веры дают возможность детям экономить свою

энергию на непосредственный рискованный опыт. Из приведенного нами примера видно также, что вера в тех случаях, когда она может быть проверена опытом, имеет временное значение и исчезает, как только оказывается, что она не соответствует опыту.

Но бывают некоторые стороны отношения человека к внешней среде, которые не поддаются опыту и не могут быть им проверены. В этой области отношений человека к внешней среде вера уже является более постоянной и может храниться поколениями в течение веков. До настоящего времени недоступны непосредственному опыту были многие силы, действующие в природе. Человечество только путем опыта, накопленного веками, постепенно познает отдельные стороны этих сил. Только по этим отрывкам знаний познаются силы, организующие мироздание. Естественно, что чем меньше знания этих сил, чем меньше опыта у человечества, тем больше господствует традиционная вера в то представление о них, которое сложилось у предыдущих поколений. Эта вера составляет сущность религии, которая складывается из традиционного миропонимания, основанного на вере. Недоступные опыту силы представляются сверхестественными, управляющими всей природой и человеком. Так как эти силы недоступны непосредственному опыту, то представление о них может изменяться только постепенно в зависимости от опыта поколений, основанного на изучении явлений природы.

Религиозное миропонимание, складываясь рядом поколений, охватывает не только отношение людей к природе, но и взаимные их отношения, которые являются менее устойчивыми, чем явления природы. Поэтому, хотя Бог является в глазах людей строителем природы и наблюдателем и судьей над их отношениями, но представление о нем изменяется в зависимости от изменения отношений к природе и, в особенности, взаимных отношений людей. Установившиеся традиционные отношения рассматриваются как единственные угодные Богу, но постепенное изменение социальных отношений ведет и к изменению содержания того, что в данный период развития общества представляется угодным Богу.

Изменение отношения к природе, вследствие накопления опыта и знаний, а также изменение социальных отношений, должно повести к изменению содержания религии, в которой формулируется человеческий опыт и отношение людей к мирозданию. Выражается ли это изменение в религиозной реформации или в образовании новой религии, одинаково новое миропонимание опирается на веру и имеет консервативную тенденцию бороться со всяким новым миропониманием.

Итак религиозные чувствования являются миропониманием, основанным на вере, одним из проявлений экономии энергии посредством веры и традиций. При недостаточности знания сил, действующих в природе и внутри нас, религиозное миропонимание является наиболее „экономным" для верующей личности, так как чрезвычайно упрощает это понимание, относя все неизвестное и непонятное к сверхчувственному. Казалось бы, религиозное миропонимание могло бы охватывать только вопросы о силах создающих мироздание и не касаться земных дел, взаимных отношений людей и отношения к природе. Но такого религиозного миропонимания не может быть, потому что отношения людей друг к другу и к природе являются необходимыми и неизбежными элементами религии. Религия неизбежно захватывает и общественные отношения и стремится их фиксировать сообразно установившейся традиции. Между тем общественные отношения и отношения к природе постепенно изменяются. Среди тех людей, которые наиболее остро чувствуют и замечают происходящие изменения, является сомнение в правильности установившихся традиционных воззрений на эти отношения. С другой стороны те общественные элементы, которых не коснулось изменение старых отношений, или которые заинтересованы в их сохранении, употребляют все усилия, чтобы бороться с новыми воззрениями, проникающими в общественную среду. Естественно, что при таких условиях, в борьбе этих противоположных течений в общественной мысли, должно употребляться различное орудие. Новое реформаторское, или революционное течение в своей борьбе для доказательства своей правоты может прибегать или к непосредствен-

ному опыту, или, при невозможности его применить, к использованию логических противоречий между новым общественным опытом и знаниями с традиционным мировоззрением. Старое консервативное течение может использовать только склонность людей к вере, требующей наименьшей затраты энергии для усвоения мировоззрения, опыта других и проч. Для старых воззрений новый опыт, новые знания, проникшие в общество являются наиболее опасными и разрушительными, и чтобы помешать их распространению приходится прибегать к вере, убеждая общество, что эти новые знания, новые воззрения опасны, вредны, неугодны Богу, что это ересь и т. п. Старушка, которая принесла связку дров на костер Ивана Гусса, обнаружила не только „святую простоту", но прсявила обычное стремление к экономии своих нервных сил. Для нее, прожившей целый век со старым опытом, в полной гармонии с установившимся миросозерцанием, колебание веры представляется опасным разрушением всего старого опыта, всего, чем она жила.

Является человек, который говорит нечто новое, противоречащее традиции. Так как то, что он говорит, гораздо больше соответствует новым знаниям, новым отношениям, складывающимся в обществе, то бороться с ним возможно одним путем, спекулируя на вере, об'явивши, что он еретик, т. е. совершенно устранить попытку об'яснения нового опыта и примирения его с существующим мировоззрением.

Обыкновенно судьями, решающими вопрос о признании нового взгляда еретическим, а лиц. разделяющих этот взгляд, еретиками, являются авторитетные лица, знающие хорошо традицию, но в большинстве случаев приговора авторитетного лица бывает недостаточно и такому лицу—судье приходится ссылаться на другой высший авторитет, авторитет Бога, или лиц, признаваемых непогрешимыми, или просто на традиции и предания. Этого уже вполне достаточно для простодушных старушек, не затронутых новым опытом, чтобы тащить дрова на костер.

В области общественных отношений, для сохранения традиций, иногда достаточно ссылки на авторитет

высшей земной власти для того, чтобы внедрить сознание правильности и нормальности существующих отношений, хотя ссылка на непогрешимую божественную власть и волю всегда является более убедительной, так как вера в нее не поддается критике при помощи непосредственного опыта и поэтому является более прочной.

Всякое новое мировоззрение, упрочившись и приобретя традиции, стремится бороться с вновь появляющимся уже при помощи веры, если только новые факты, новый опыт начинают разрушать первое. А это неизбежно, потому что общественные отношения и отношения к природе изменяются и развиваются. Так как, благодаря внедрению веры легче всего бороться с разложением старых взглядов и развитием вновь установившихся, то безапелляционное об'явление новых взглядов, нового опыта еретическими, является излюбленным средством борьбы с развитием идей.

Напротив, когда старое мировоззрение является более правильным, т. е. более подтверждается новыми фактами жизни, оно борется с новым, менее правильным мировоззрением или об'яснением отдельных фактов путем анализа этих фактов, путем логики, или путем применения нового опыта. Поэтому, в большинстве случаев, более правильное понимание явлений природы и жизни, отчасти, определяется тем, каким путем поддерживается или распространяется это понимание, путем ли веры и традиций или путем применения нового опыта, анализом этого опыта и т. п.

Как уже замечено, пользуясь верой, легче всего добиться результатов с наименьшей затратой. Поэтому как бы ни было правильно то или другое понимание явлений природы и жизни у отдельных лиц, особенно мало способных к анализу и к логическому мышлению, всегда является склонность спекулировать на вере, если не в свой авторитет, то в авторитет других для доказательства своих взглядов.

Человеческий ум не терпит противоречий. Я не буду здесь останавливаться на причинах этого явления. Во всяком случае, если какой нибудь факт противоречит установившимся в голове взглядам, то человек при-

бегает, обыкновенно, к двум выходам. Или отворачивается, старается не знать этого факта, или отказывается от старого взгляда и принимает новый, примиряющийся с новым фактом. Чем больше новый факт задевает основы всего мировоззрения человека, чем труднее усвоить новый факт и примирить его со своим мировоззрением, тем больше соблазна не замечать новых явлений, чтобы не разрушить мировоззрение. Ибо установление цельного мировоззрения, т. е. соединение всех фактов, всего опыта жизни в одно стройное мировоззрение является наиболее трудной работой мысли. Естественно, стремление уклониться от признания противоречащих мировоззрению фактов, чтобы не тронуть его, естественно также, что борьба за сохранение установившегося мировоззрения, повидимому не затрагивая материальных интересов, вызывает крайнее ожесточение среди борющихся.

Разрушение установившегося мировоззрения происходит крайне медленно, и должно накопиться очень много новых фактов, новых явлений, чтобы его разрушить. Поэтому в процессе общественного развития, представители нового мировоззрения до своей победы обнаруживают колоссальную работу мысли, так как им приходится не только разрушать старое, но и приводить в систему новые факты, опыты, которые повели к разрушению старого. Но как только мировоззрение сложилось и начинает приобретать господство, так начинается полный застой, потому что новые факты, новый опыт, противоречащие сложившемуся взгляду, действуют на него так же разрушительно, как и на предшествовавшее. Работа мысли замирает в старом лагере. Начинается господство традиции и начетчиков.

Стремление массы людей к экономии своей умственной энергии приводит к тому, что в идейной борьбе принимается во внимание, главным образом, не то, что говорит или пишет каждый из идейных противников, а кто. Какую бы глупость ни сказал признанный авторитет, она часто защищается и принимается только потому, что ее сказал авторитет. Это вполне понятно. Чтобы взвешивать по существу мысли противников, требуется большое умственное напряжение, между тем,

как вера в авторитет избавляет от этой работы*). Людей, верящих в данный авторитет, называют изуверами. Но не трудно заметить, что такое изуверство свойственно огромному большинству людей. Различие заключается лишь в авторитетах. Для одних авторитетом является невежественный старец, для других солидный ученый и т. д. Даже социалисты, ставящие своей задачей борьбу со старыми авторитетами и изуверством, проявляют часто изуверство по отношению к своим авторитетам из того же принципа экономии энергии.

3.

Современный социализм является результатом разложения старых общественных отношений и отношений к природе, старого мировоззрения. С этой стороны он имеет много общего со всяким другим новым мировоззрением; но современный социализм отличается от других раньше господствовавших воззрений тем, что основывает все на признании необходимости и неизбежности дальнейшей эволюции общественных отношений. Он отличается тем, что, по крайней мере, на словах он не признает фиксированных общественных отношений, фиксированного мировоззрения, которое могло бы быть превращено в традицию и, таким образом, укрепляться и опираться на веру. Общественные отношения настоящего не должны и не могут быть удовлетворительны для ближайшего будущего, как бы эти отношения ни были хороши для настоящего. Такое мировоззрение по существу является враждебным тем знаниям и взглядам, которые основаны на вере и на традиции. Оно должно стремиться каждый новый опыт общественных отношений и отношений к природе делать достоянием народных масс, чтобы разрушить веру в старый опыт, в

*) Традиционная вера почти у всех религиозных людей подкрепляется еще постоянным словесным самовнушением, что исповедуется вера самая лучшая. Одни верующие называют себя правоверными, другие православными, третьи истинными, ортодоксальными и т. д. Иногда это самовнушение и „самоопределение" принимает курьезные формы. Например, многие называют себя „последовательными марксистами", давая таким образом сами себе определение даже в последовательности. Все виды такого рода самоопределения служат очень крепким барьером против излишней затраты энергии на мышление.

старые общественные отношения и в отношения к природе. Он, повидимому, враждебен религиозному миропониманию и не может превратиться в своего рода религию. Это не значит, что у большинства социалистов и идущих за ними масс не является желания, основанного также на принципе экономии энергии, воспользоваться верой других для распространения своих взглядов, но противоречие между социализмом и теми средствами, к которым прибегает социалист, обычно, не замечается.

Если следить за социалистической литературой последних десятилетий, и практикой социализма, проявившейся теперь, особенно, в России, то может показаться, что современный социализм (я говорю одинаково как о марксизме, так и о народничестве) переживает судьбу, сходную с судьбой других религиозных мировоззрений. После Маркса и Энгельса, совершивших колоссальную умственную работу, систематизировавших современные им знания и опыт в цельное мировоззрение и далеких от доктринерства, умственная работа социализма в значительной степени замерла. Русский марксизм, в области теории совершивший большую работу по освещению и об'яснению фактов русской действительности с точки зрения марксизма, занялся повторением заученного, или отлучением от церкви еретиков, которые появлялись все в большем и большем количестве.

В современной жизни каждый член общества имеет новый опыт, благодаря хозяйственному и умственному развитию этого общества. Но кроме „общечеловеческого" опыта имеется еще классовый опыт, получаемый благодаря условиям, в которых живет тот или другой общественный класс. Каждый член общества теперь может наблюдать новые явления: появились железные дороги, пароходы, машины, различные изделия и т. д. Но вместе с тем, один общественный класс живет совершенно в иных общественных и экономических условиях, чем другой. Опыт жизни в этих условиях совершенно различен. Это различие настолько глубокое, что одно и то же новое явление, один и тот же факт производят часто совершенно противоположное впечатление на

представителей различных классов. Например, к политической свободе, к равенству гражданских прав совершенно различно относятся землевладелец и рабочий. То, что одному кажется хорошим, полезным, приятным,—другому кажется гибельным, неприятным. Один выигрывает от того, от чего теряет другой. Естественно, что, благодаря различию классового опыта, мировоззрение представителей различных классов, в общем, должно быть различным. Одно и тоже новое явление влияет различно на мировоззрение представителей различных классов.

Рабочий класс, благодаря развитию капитализма, имеет более или менее одинаковый социальный опыт в различных странах. Отношение к природе, поскольку оно проявляется в труде, также более или менее одинаково. Этот опыт научно формулировал в цельное мировоззрение К. Маркс, и система Маркса стала основанием пролетарского мировоззрения.

Для научного построения этой системы недостаточно было только жизненного опыта рабочего класса. Необходимо было воспользоваться опытом и знанием науки, которая разрабатывается представителями других классов. Эти знания имели огромное значение для освещения и понимания классового опыта, лежавшего в основании нового мировоззрения. Но с другой стороны они освещались и входили составным элементом в мировоззрение других общественных классов, главным образом, буржуазии.

Маркс в большинстве случаев с'умел очень удачно воспользоваться знаниями и опытом современной ему науки для построения социалистического мировоззрения.

Таковы основы построения современного социализма.

Но научные знания и жизненный опыт не прекратились со смертью Маркса. Общество развивается. Наука и жизнь дают все новые и новые знания, которые используются мировоззрением других классов.

Рабочий класс в свою очередь использует свой непосредственный жизненный опыт и пополняет им свое мировоззрение, так как этот жизненный опыт, в общем,

не противоречил, а, напротив, подтверждал и укреплял основы того мировоззрения, которые заложил Маркс, развивался вширь, захватывая все новые и новые группы последователей.

Гораздо труднее было ему развиваться вглубь, т. е. усваивать и ассимилировать те новые знания, которые дает жизнь и наука.

Прежде всего новые факты, хотя не противоречат основному жизненному опыту рабочего класса, могут противоречить тому или другому утверждению Маркса, или традиции. Тем не менее ко всяким поправкам вроде указанной, подавляющее большинство социалистов относилось отрицательно.

Психологически основы такого явления вполне понятны и вытекают из экономии энергии. Новые знания, новые факты становятся известными в большинстве случаев в освещении, враждебном мировоззрению рабочего класса. Философия, общественные науки и проч. разрабатываются учеными, вольно или невольно находящимися в большинстве случаев под влиянием враждебного рабочему классу мировоззрения. Для того, чтобы воспользоваться знаниями, даваемыми наукой, приходится освобождать их от той шелухи, в которую об лекают ее тот или иной ученый. Эта задача чрезвычайно трудная, особенно при условии, если тот или другой факт требует некоторой поправки в мировоззрении; гораздо легче совершенно игнорировать „неподходящие" факты.

Уверенность в собственной правоте, обыкновенно, сопровождается не только уверенностью в неправоте противника, но и сомнением в его искренности, а следовательно сопровождается и неуважением к нему. Этим сознательно или несознательно облегчается совесть тех старушек, которые исключительно заняты таскaнием дров. С другой стороны, чем больше накопляется знаний в протиположном лагере, знаний необходимых и для социалиста, тем больше перебежчиков, работы тем, кто занят отлучением от церкви и анафемствованием еретиков. „Работа" охранителей чистоты мировоззрения все больше и больше сводится к утверждению в вере посредством цитат из авторитетного

источника, как последнего и наиболее сильного аргумента. Этот метод доказательства ничем по существу не отличается от метода полемики представителей различных сект с противниками и от этого метода, к которому еще в средние века прибегали католические святые отцы, отправлявшие еретиков на костер.[1]).

Я уже заметил, что классовый опыт рабочих в мирное время все более и более подтверждал основы социалистического мировоззрения; не смотря на неблагоприятные условия для ассимиляции новых знаний, это мировоззрение становилось все более и более популярным и оказывало огромное влияние на умственное развитие всего общества. Оно имело блестящее будущее. Поэтому, базируя на этих основах, социалист ортодокс всегда мог рассчитывать, что общественное развитие на его стороне, что основы его мировоззрения будут делаться достоянием все большего и большего числа людей. Но чем больше игнорировались новые факты, новые знания, тем больше грозила этому мировоззрению опас-

---

[1]) На этой почве создается своеобразный фетишизм слов, которым придается большее значение, чем действиям. Многим социалистам оборона страны от капиталистических стран, стремящихся к экономической эксплуатации соседей, казалась ненужной и вредной, но опыт показал, что одними словами в период Керенского страну нельзя защитить, и оборона страны была принята под формулой „обороны завоеваний революции", так как это звучит более „революционно". Не трудно сообразить, что капиталистические страны стремятся получить от соседей не их „революционные завоевания", а возможность их эксплоатировать, следовательно, как бы ни называлась оборона страны, она является обороной ее экономической и политической независимости. Это не мешало самым ожесточенным спорам и анафематствованию друг друга из-за слов, которыми формулировалась оборона страны от внешней опасности. Такие споры очень напоминают ожесточенные споры между православными и старообрядцами о том, как нужно писать слово: „Иесус" или „Иисус", а сомнение в правильности того или другого положения Маркса или Энгельса вызывает такое же отношение, как сомнение еретиков в непорочном зачатии. Точно также только благодаря вере в формулы, оценка методов социальной борьбы определяется не столько их целесообразностью, сколько их „революционностью", их „левизной". Благодаря этому, социалистические партии пугают и укоряют друг друга не тем, что те или другие шаги не достигают цели, а тем, что они недостаточно „революционны", что они „оппортунистичны" и т. д. Благодаря этому наблюдается постоянная боязнь, чтобы не показаться недостаточно левым. Такая боязнь, конечно, не содействует правильному пониманию социальной проблемы, так как свойственна не только наиболее тупым людям...

ность превратиться в мировоззрение, основанное на вере, а не на опытах и знаниях. Может быть этим **отчасти** об'ясняется тот факт, что в то время, как в политической и экономической **жизни** социализм завоевывал все новые и новые позиции, выдвигал в Западной Европе талантливых политиков и агитаторов в области науки, углубления мировоззрения на счет новых знаний, его развитие совершенно остановилось, и в теории стал господствовать начетчик и доктринер, к которым так враждебно относились основатели научного социализма Маркс и Энгельс. Естественно, что вокруг начетчика могут группироваться только люди, может быть, и сильные верой, но слабые умом, или масса, имеющая еще мало знаний и только верующая, не знающая о накопившихся знаниях.

Стремление спекулировать на вере приводит к боязни признания собственных ошибок, ошибок авторитетов, так как вера в непогрешимость является большим подспорьем в спекуляции на вере. Уверенность в непогрешимости облегчает веру. Поэтому сверх-ортодокс начетчик „никогда не ошибается", как бы ни менялись его взгляды на тот или другой вопрос. Поскольку такая вера в традиционные общие положения и тезисы упрочилась в различных социалистических партиях, постольку там развивается пренебрежение к научному анализу действительности, постольку демогогия и публицистика вытесняют науку. „Научный", на словах, социализм, в действительности, превращается в несколько сакраментальных фраз и положений, которые может каждый усвоить. Благодаря этому каждый, усвоивши эти положения, может считать себя вполне авторитетным во всех социальных вопросах и относиться с полным пренебрежением к науке. Публицистика, как суррогат науки, брань, как аргумент водворяется среди наиболее популярных социалистических партий в России и в Западной Европе. *).

*) Выше изложенное *было написано 10 лет тому назад*, но не могло быть напечатано, потому что было направлено против элементов веры в социализме и против начетчиков Таким образом, самая судьба написанных срок служит иллюстрацией той светобоязни, которая развивается на почве спекуляции на вере. Ни «Наша Заря», ни „Современный Мир" в 1910 году не решились напечатать самокритику.

Было бы несправедливо приписывать указанное мною свойство только социалистическим партиям. В гораздо большей степени это относится к, так называемым, буржуазным партиям, где успех, основанный не только на вере, но даже на невежестве и грубом эгоизме, где сознательное искажение истины является наиболее употребительным оружием в социальной борьбе. Если я упоминаю об этих недостатках среди социалистов, то потому, что ведь они стремятся внести нечто новое в общественные отношения, внести устроение жизни на новых лучших началах. Выше я достаточно пояснял, что спекуляция на вере, боязнь критики противоречит самому существу социализма, что если у консерватора эта боязнь понятна, то для прогрессиста она является непримиримым внутренним противоречием, которое превращает его в консерватора, т. е. в собственного антагониста.

В Германии и в России руководящие начала политической и социальной борьбы для марксистов были выработаны в конце сороковых годов прошлого столетия (коммунистический манифест), а для с.-р. еще Чернышевским и народовольцами, т. е. в 60-х, в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов, т. е. когда классового опыта рабочих даже в Западной Европе почти не было. Для русского катехизис половины прошлого столетия оказывался современным, потому что политическое и социальное развитие России почти соответствовало тогдашнему политическому развитию Европы. Но изложенные выше условия развития социалистической мысли и в Западной Европе мешали ее развитию и, как увидим далее, отсталость в понимании социально-экономической проблемы, оказавшейся роковой при опытах социального переустройства, является общей и для западно-европейского социализма. Все перечисленные выше условия развития социалистической мысли лишь служат об'яснением основной ошибки социализма, которая осталась в наследие от его основоположников, и традиционное сохранение которой об'ясняется изложенными мною условиями. Можно не соглашаться с моим об'яснением, которое я привел, но основная причина „болезни", от этого не изменяется;

эта причина—неправильная постановка самой проблемы социального освобождения, освещение которой и составляет задачу этой работы. Формулируя кратко, мы можем сказать, что социализм ставил в основу своей практической политики проблему **распределения** национального дохода без постановки рядом и неразрывно с ней проблемы развития производства, развития производительных сил. А поскольку мимоходом этот вопрос ставился, он ставился, как я докажу, не научно и неправильно.

ГЛАВА II.

Постановка социальной проблемы

Весь мир охвачен безумием отчаянной борьбы за существование. Жадность небольшой группы хищников, вызвавших мировую бойню, в конце концов заразила весь мир, и идет ожесточенная борьба классов почти во всех государствах, борьба, от которой прежде всего пострадают борющиеся. Ожесточение в борьбе мешает взвесить те последствия, к которым она приводит, и опасность одичания, нищеты и бедствий все более и более приближается. Необходимо пытаться найти выход из создавшегося положения, от которого страдает все общество и производительные силы которого падают. Может быть, тягостное положение, в которое попали все страны заставит все таки искать этого выхода и решения социальной проблемы не путем сокращения производительных сил в ожесточенной борьбе, а путем их развития. Разумеется, борьба общественных классов была и останется при тех экономических отношениях, которые сложились при капитализме, но правильно намеченный путь этой борьбы, ведущий не к падению, а к развитию народного хозяйства, будет уже спасением от надвигающегося варварства, которое создается падением производительных сил капиталистических стран.

Десять лет тому назад в книге „Теория развития народного хозяйства" по поводу современного состояния экономической науки я писал следующее:

„Главное внимание экономистов обращалось на хозяйственную деятельность **капиталиста** и на результаты этой деятельности с его точки зрения.

„Возьмем такое первостепенной важности явление, как процесс перераспределения производительных сил

в народном хозяйстве между различными отраслями производства. Если мы станем искать ответа у экономистов на вопрос, почему затрачивается столько то рабочих сил на предметы роскоши, столько то на производство хлеба, и т. д., то нигде ответа не найдем. Между тем, без ясного представления об этом процессе распределения производительных сил не может быть ясного представления и вообще о народном хозяйстве. Если бы мы при рассмотрении частного хозяйства не ознакомились, сколько производительных сил затрачивается на ту или другую работу, не выяснили, почему они затрачиваются, то можно смело сказать, что мы не ознакомились с этим хозяйством. Между тем, анализа процесса распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве ни **одна школа** политической экономии не дает. Конечно, каждый экономист упоминает о росте городов, об относительном и абсолютном сокращении земледельческого населения в капиталистических странах, но этот факт, констатированный в общей форме, совершенно не анализируется и не об'ясняется. Нечего и говорить, что перераспределение населения между городом и деревней еще не дает представления о перераспределении производительных сил.

„Перед политической экономией стоит задача найти закономерность в распределении и перераспределении производительных сил, направление, в котором оно происходит, и причины, вызывающие его.

„Теоретик экономист на такое требованіе к науке политической экономии едва ли даст какой-нибудь ответ, кроме безусловно неверного утверждения, что ответы на поставленные вопросы не существенны и не необходимы. Всякий не предубежденный читатель, напротив, должен признать, что, не получивши ответа на эти вопросы, он не будет знать основного механизма современного экономического строя.

„Чем меньше какая либо наука развивается, чем больше в ней застой, тем больше встречается самодовольства у людей, интересующихся ею. Застой экономической науки должен создать такую атмосферу на

учного самодовольства, что постановка перечисленных выше вопросов может показаться неуместной и излишней".

Застой экономической науки был так прочен, что и социалисты и экономисты-академики и во французской и в немецкой и в русской печати, обратившие внимание на историческую часть вышедшей книги, прошли совершенно мимо той части книги, которая трактует указанные выше вопросы. Опыт жизни еще не толкал науку на анализ тех сторон хозяйственной жизни, которые, представляя мало интереса для отдельного хозяйствующего субъекта, тем не менее одни только и могут осветить организацию и развитие народного хозяйства в целом.

Опыт войны и революции, мне кажется, должен так сильно ударить даже по самым самодовольным головам, что заставил и экономистов и общественных деятелей задуматься и обратить внимание на поставленную мною проблему. Пережитый опыт так ясно указал на несостоятельность существующих представлений о развитии народного хозяйства, как ученых экономистов, так и социалистов, что теперь у меня есть надежда на более внимательное отношение к проблемам, поставленным мною.

Я сказал, что опыт войны и революции указывает на неправильность существующих представлений о развитии народного хозяйства. Но это, вероятно, не всем еще ясно, так как не видно, чтобы экономисты пытались пересмотреть установившиеся взгляды на экономические явления. Поясню несколькими примерами.

И среди экономистов всех направлений, и среди социалистов существует твердо установившееся мнение, что высокая прибыль на капитал служит признаком быстрого накопления национального капитала и обогащения класса капиталистов, в руках которых и находится капитал народного хозяйства. В то же время всем известно и никто этого не оспаривает, что в воюющих странах прибыль на капитал была так высока, что государства должны были принимать чрезвычайные меры для урегулирования этих высоких прибылей. Между тем, едва ли кто либо будет сомневаться, что

воюющие государства обеднели, что реальный капитал, находящийся в руках предпринимателей, торговцев и т. д. сократился, что сократилось количество сырья, машин, паровозов, вагонов и т. д. Чем же об'яснить это противоречие? Почему при высоких прибылях капитал в руках капиталистов сократился? Патентованный и не патентованный экономист этого противоречия не об'яснит, так как об'яснение его лежит в том отделе политической экономии, которого в науке еще пока нет и которому была посвящена третья часть упомянутой выше книги „Теория развития народного хозяйства". До опыта войны и революции те идеи, которые там проводятся, не могли быть усвоены, потому что не было опыта, который бы указал, что для понимания народного хозяйства в целом недостаточно исследования одних частно-хозяйственных отношений, которыми занята экономическая наука, что, например, обогащение страны не есть только сумма прибылей частных предпринимателей.

Возьмем другой пример.

Основываясь на изучении политической экономии, социалисты большевики в России попытались организовать хозяйство на новых началах. Им казалось, что организованное на этих новых началах хозяйство должно окрепнуть и развиваться, если в их руках находится власть, регулирующая хозяйственные отношения. Между тем, производительные силы народного хозяйства продолжают падать с катастрофической быстротой, и экономическая наука пока не дает этому удовлетворительного научного об'яснения.

Третий пример. С начала войны стало ясно, что война требует от страны колоссального экономического напряжения, что требуются огромные расходы, которые нужно чем нибудь покрывать. Экономическая наука оказалась совершенно бессильной указать какие бы то ни было рациональные меры к ослаблению процесса хозяйственного разорения. Практические меры, принимавшиеся правительствами во время войны и сыгравшие свою положительную роль, обязаны своим существованием не теории политической экономии, а здравому смыслу политических деятелей. Запрещение

ввоза предметов роскоши в Англии, регулирование потребления в Германии, Англии и др. странах вовсе не обязано своим осуществлением экономической науке. Наука до войны была совершенно невинна в анализе и понимании значения непроизводительного потребления для народного хозяйства и этим вопросом не занималась. Даже на третий год войны, когда в докладе ученому обществу экономистов (общество имени А. И. Чупрова), я указал на то, что финансисты и финансовая наука продолжают предлагать рутинные приемы финансовой политики, не соображаясь с влиянием непроизводительного потребления на народное хозяйство и не сообразуясь с экономическим значением того или другого характера потребления,—мой доклад вызвал только бурю негодования, как дерзкий вызов, признанным„ научным" положениям и авторитетам. Теперь, я полагаю, эти указания уже не будут „дерзостью", так как опыт войны и революции, как увидим, с достаточной ясностью показали что научному самодовольству в области теории экономической науки не должно быть места.

ГЛАВА III.

Источники прибыли.

1.

Из анализа образования и развития меновой ценности*) мы видели, что до развития капиталистического строя торговец экзотическими продуктами получал прибыль путем эксплоатации потребителя. Покупая товары по одной цене в одном районе он продавал их в другом по значительно более высокой цене. так же как и товары из второго района в первом. Таким образом первой формой прибыли, как нетрудового дохода, получаемого от обладания предметами произведенными трудом человека, является торговая прибыль.

По мере превращения ремесла, изготовляющего предметы для сбыта непосредственно потребителю в кустарное производство, когда ремесленник работает на неопределенный рынок, а не на потребетеля, когда он принужден сбывать свои изделия скупщику, источником прибыли делается эксплуатация самого производителя. Вынужденный продавать скупщику дешевле кустарь теряет часть своего дохода в пользу скупщика. Таким образом, торговый капитал постепенно переходит в эксплоатацию производителя. Вместе с увеличением числа кустарей, работающих на хозяина сдельно, а потом с накоплением капитала в виде машин на фабриках увеличивается число наемных рабочих, работающих орудиями производства предпринимателя; предпринимательская прибыль начинает играть первую роль, между тем как торговая прибыль является только частью предпринимательской прибыли. Но и тот другой вид прибыли получается из права обладания продукта-

*) См. П. Маслов. „Теория развития народного хозяйства" Пб. 1910 г.

ми человеческого труда в виде товаров, орудий и средств производства. Таким образом, продукты труда, поскольку они делаются источником прибыли, эксплуатации чужого труда, накопляясь в руках предпринимателя, превращаются в капитал.

Уже из изложенных соображений ясно, что источником прибыли может быть не только труд наемного рабочего, продающего непосредственно свой труд предпринимателю, но и труд мелкого самостоятельного производителя, сбывающего продукты своего труда на рынок через торговца.

И тот и другой вид прибыли, как замечено, в различных стадиях хозяйственного развития общества играет не одинаковую роль.

Источник прибыли, получаемой предпринимателем от эксплуатации наемного труда, гораздо труднее вскрыть, чем источник торговой прибыли.

Рабочий, продавая свой труд на определенное время, производит в течение этого времени больше ценностей, чем получает сам в виде заработной платы. Поэтому предприниматель, уплативши рабочему заработную плату, не только покрывает все издержки производства, но и получает некоторую долю продукта сверх издержек производства, в которые входит и заработная плата. Эта доля, остающаяся в пользу капиталиста и составляет прибыль.

Так как предпринимателю дает прибыль, с его точки зрения, затраченный им капитал в виде заработной платы, средств и орудий производства, то прибыль считается по отношению к единице затраченного капитала (выражаясь в денежной сумме, напр., на каждые 100 рублей). Затраты капитала делаются предпринимателем только в таком предприятии, которое дает на каждую единицу капитала не ниже определенного процента прибыли.

Хотя продукты производства создаются трудом, следовательно трудом создается и та часть, которая остается предпринимателю в качестве прибыли, но для него источником прибыли представляется капитал, потому что каждым отдельным предпринимателем прибыль получается пропорционально величине затрачен-

ного им капитала. Поэтому, как указывалось выше, продукты при капиталистиччском строе обмениваются (продаются) не пропорционально затратам труда на производство каждого продукта, а выше или ниже их трудовой ценности в зависимости от затрат капитала на производство продуктов.

Хотя вся сумма прибыли, получаемая всеми капиталистами является результатом эксплуатируемого труда, но эта прибыль, распределяясь пропорционально величине капитала каждого предпринимателя, теряет непосредственную связь с непосредственно эксплоатируемых трудом. Если в одном предприятии одного производства работает тысяча человек при затрате одного миллиона рублей, а в другом при затрате тоже миллиона рублей работает 10 тысяч рабочих, то предприниматели будут получать прибыль пропорционально затраченному ими капиталу, а не пропорционально занятому у них числу рабочих.

Весь национальный доход, как выше замечено, распадается на три доли: на заработную плату, ренту и прибыль. Естественно, что при данной сумме национального дсхода доля прибыли тем больше, чем меньше доля заработной платы и ренты. Поэтому происходит постоянная борьба между предпринимателями и рабочими из за высоты заработной платы, которая уменьшает долю прибыли. Но общая сумма национального дохода зависит от состояния и развития производительных сил страны, между тем, как в отдельном частном хозяйстве сумма дохода зависит от производительности труда. Чем больше абсолютная сумма получаемого продукта, тем больше может быть и доля в виде заработной платы и прибыли.

В отдельном частном хозяйстве сумма увеличивается не от общего развития производительных сил страны, а от производительности труда в этом хозяйстве. В отделе о потреблении мы укажем, что отдельное хозяйство может быть занято производством, сокращающим производительные силы страны, например, изготовлением оружия и тем не менее получать прибыль в зависимости от производительности в нем труда. Поэтому интересы частных предпринимателей

могут встать в противоречие с интересами экономического развития страны, так как они преследуют свои частно хозяйственные интересы,—получение прибыли в своем хозяйстве. Во время войны, вызванной этими частно хозяйственными интересами, предприниматели, изготовлявшие оружие, получали высокую прибыль, хотя тем самым сокращали производительные силы страны, сокращали общую сумму национального дохода, а следовательно сокращали все три доли национального дохода и общую сумму заработной платы, и общую сумму прибыли, и общую сумму ренты.

Следовательно, увеличение производительности труда не всегда увеличивает общую сумму национального дохода и прибыли Во время войны производительность труда в изготовлении оружия могла очень сильно возрасти и тем не менее от этого национальный доход только сокращался, так как возрастало непроизводительное потребление сырья, материалов и проч. Таким образом, каждому отдельному предпринимателю кажется, что сумма заработной платы и сумма прибыли, как частей национального дохода, определяется производительностью труда. Это представление, разделяемое и многими экономистами, правильно лишь по отношению к сумме заработной платы и прибыли, получаемой в отдельных предприятиях, сравнительно с другими предприятиями. В данном случае, как и во многих других, частно хозяйственная точка зрения не только не совпадает, но иногда противоречит народно-хозяйственной. Точно так же повышение земельной ренты, вследствие перехода к менее производительным затратам с точки зрения землевладельца, дает больший доход в виде ренты и увеличивает „производительность" их хозяйств, между тем как с народно-хозяйственной точки зрения этот переход является результатом падения производительности труда в земледелии.

2.

Со стороны потребления прибыль в свою очередь распадается на две части: одна часть идет на удовлетворение личных потребностей класса капиталистов, другая часть затрачивается на производство и, по мере

накопления капитала, на расширенное производство. При капиталистическом строе организатором предприятия является предприниматель—капиталист, так как у него имеются орудия и средства производства. Хотя предприятие организуется капиталистом для получения дохода ради удовлетворения своих личных потребностей, но конкуренция других капиталистов предпринимателей побуждает каждого из них накоплять капитал и затрачивать его в производство, так как величина дохода предпринимателя зависит от величины затрачиваемого в производство капитала.

Эта положительная сторона капитализма делается его отрицательной стороной, когда капитал, во имя частно-хозяйственных интересов, начинает разрушать производительные силы общества. Не раз нами указанный пример мировой войны и непроизводительных затрат на орудия разрушения явился результатом обращения накопленного капитала на производство предметов разрушения, хотя это производство давало высокие прибыли отдельным капиталистам, сокращая вместе с тем национальный доход.

Так как каждый отдельный капиталист заинтересован только в получении для себя прибыли, то непроизводительные затраты национального дохода не только не затрогизают его интересов, но представляются даже выгодными (напр. производство оружия): капиталистическое хозяйство может разрушать производительные силы общества, совершенно не подозревая этого, хотя результатом разрушения производительных сил страны является сокращение капитала, находящегося в руках капиталистов и сокращение общей суммы их дохода. Этот процесс начинает замечаться лишь по косвенным признакам: по расстройству государственных финансов, по вздорожанию жизни и т. д.

Политическая экономия, игнорируя законы потребления, тем самым не могла вскрыть противоречия между интересами отдельных хозяйствующих субъектов и интересами развития всего народного хозяйства в целом. Увеличение прибыли отдельных капиталистов она рассматривает, как увеличение всего национального дохода, а накопление у них капитала, как увеличение всего

национального капитала. Поэтому для современного общества явилось совершенной неожиданностью сокращение национального капитала и национального дохода в некоторых воюющих странах при повышении частнопредпринимательских военных прибылей. Не смотря на это повышение прибылей, как известно, капитал и производительные силы воюющих стран сократились.

Из приведенных примеров ясно, что общая сумма, сумма прибыли и заработной платы зависит от состояния и развития производительных сил страны, а не от производительности труда в отдельных хозяйствах. Напротив, распределение национального дохода между отдельными предприятиями, распределение между ними суммы заработной платы и прибыли зависит от производительности труда в каждом из них.

Если у предпринимателя А., благодаря лучшей технике, производительность труда рабочих выше, чем у предпринимателя В., то и прибыль и заработная плата в предприятии А. будет выше, чем в предприятии В. А так как производительность труда определяется главным образом орудиями и средствами производства, то экономисты, стоящие на частно-хозяйственной точке зрения и об'ясняют высоту прибыли производительностью капитала (орудий и средств производства), а высоту заработной платы производительностью труда. Это распределение дохода в каждом отдельном предприятии происходит путем борьбы за высоту заработной платы между предпринимателем и рабочим и регулируется изложенными выше законами заработной платы.

Норма прибыли определяется отношением всей суммы прибыли к сумме капитала, находящегося в руках капиталистов. Поэтому, благодаря сокращению капитала в воюющих странах, норма прибыли предпринимателей во время войны не понижалась, несмотря на падение производительных сил.

3.

Кроме предпринимательской прибыли, источником которой является эксплоатация наемного труда, имеется еще торговая прибыль, получаемая от эксплоатации производителя. Эта торговая прибыль получается глав-

ным образом в результате обмена продуктов капиталистического производства на продукты мелкого хозяйства.

При рассмотрении законов, регулирующих высоту заработной платы, мы уже указали,*) что стоимость воспитания рабочих падает на мелкое крестьянское хозяйство. Таким образом, уже при найме рабочих крупный капитал перелагает часть стоимости содержания и воспитания рабочей силы на мелкое хозяйство и таким образом повышает долю прибыли. Но кроме того в процессе товарообмена продуктов производства мелкого хозяйства на продукты крупной индустрии, мелкий самостоятельный производитель теряет, благодаря низкому строению своего „капитала", благодаря незначительной ценности средств производства. Поэтому, несмотря на свою „самостоятельность", мелкий товаропроизводитель часто получает доход не выше заработной платы наемного рабочего в крупных предприятиях, а иногда и ниже. Эксплоатация мелкого самостоятельного производителя в процессе обмена достигает иногда таких размеров, что его средства производства постепенно сокращаются, происходит пролетаризация крестьянства и мелких ремесленников, хотя непосредственной эксплоатации их труда и не происходит. Это перемещение дохода и средств производства мелких хозяйств в руки крупного капитала в виде прибыли происходит в процессе обмена и особенно сильно проявляется в экономически отсталых странах, вовлеченных в обмен с развитыми капиталистическими странами. Таким путем „передовые" капиталистические страны эксплоатируют население, не только своих колоний, но и независимых государств, в которых преобладает мелкое хозяйство. Колониальные войны, так же как и минувшая мировая война являются результатом стремления капиталистических стран монопольно эксплоатировать мелкое хозяйство отсталых стран.

Из этих соображений видно, что прибыль получаемая капиталом, является не только в результате дележа национального дохода между трудом и капиталом,

*) См. П. Маслов „Капитализм" 1914 г. т. I.

но и между капиталом и мелким хозяйством: последнее отдает часть своего дохода крупному капиталу в процессе обмена своих продуктов на продукты крупного производства, причем заработная плата фабричного рабочего иногда значительно превышает доход „самостоятельного" мелкого производителя; заработок английского рабочего в несколько раз превышает доход индийского или русского крестьянина или ремесленника, сибирского охотника и т. д.

Эти потери мелкого хозяйства происходят благодаря относительно низким ценам продуктов мелкого хозяйства и относительно более высоким ценам предметов обрабатывающей промышленности, в которые входит прибыль на затраченный предпринимателем капитал. Мелкое хозяйство поставляет крупному производству и относительно дешевые рабочие руки и относительно более дешевые продукты своего производства.

Таким образом, проблема распределения национального дохода заключается не только в распределении его между рабочими и капиталистами, но между рабочими, капиталистами и мелкими собственниками и не только в национальном, но и международном масштабе.

ГЛАВА IV.

Прибыль и социальная проблема.

До сих пор социальная проблема ставилась экономистами, в особенности социалистами, как проблема распределения даже не национального дохода, а дохода предприятия между рабочими и предпринимателем, ибо предполагалось, что прибыль предпринимателя получается от эксплоатируемых в его предприятии рабочих. Такой постановкой вопроса он очень упрощается, потому что распределение дохода предприятия между лицами, участвующими в нем, задача довольно простая. Если же принять во внимание, что доход, получаемый каждым отдельным предприятием, получается в зависимости не столько от количества занятых в нем рабочих рук, сколько от размеров капитала, орудий и средств производства, затраченных в нем, то проблема становится сложнее, так как доход в одном предприятии на каждого рабочего может превышать в несколько раз доход на каждого рабочего в другом предприятии. В книге „Капитализм" мы уже указывали, что, например, в казенных винных складах „производительность" рабочего, главным образом, судомоек в среднем достигает 8256 р. в год, а в текстильной промышленности—578 р. т. е. в 51 раз ниже, в электрических станциях, 3666 р., т. е. в 6 раз выше, чем в текстильной и т. д. Следовательно, если рабочий будет получать „продукты своего труда", то судомойка должна получать 8 тыс рублей, а ткач 500 руб. и т. д.

Проблема еще более усложняется, если мы примем во внимание, что высокий доход крупных капиталистических предприятий с большим основным капиталом является результатом не только распределения национального дохода между различными по величине капитала капиталистическими предприятиями, но и между крупным капиталистическим производством с одной

стороны и мелким некапиталистическим производством, и не только в рамках национального хозяйства, но в мировом масштабе, при этом за счет сокращения дохода, например, индийского земледельца повышается не только прибыль английского предпринимателя, но в известной части, может быть, и заработная плата английского рабочего. Естественно, что иное распределение дохода между рабочим и капиталистом, например, социализация предприятия ничуть еще не разрешает проблемы распределения, так как индийский земледелец ничего не выиграет от того, что будет иначе распределяться тот доход, который получается в фабричном предприятии Англии: продукты труда английского рабочего будут продолжать обмениваться на продукты труда мелкого производителя по прежнему в такой пропорции, что последний будет продолжать находиться на границе голода и удовлетворять только примитивные потребности.

Социальная проблема, т. е. проблема коренного улучшения положения малоимущих классов и, в частности, проблема распределения национального дохода тесно связана с проблемой потребления, законы которого изложены нами ниже. Сокращение непроизводительного потребления дает возможность за его счет увеличить производительные силы населения и уже при увеличении производительных сил является возможным абсолютное увеличение потребления всех общественных групп, которые принимают участие в производстве, т. е.. мелких хозяев-производителей и рабочих. Только на почве развития производительных сил может быть поставлена и решена проблема распределения национального дохода между этими двумя крупнейшими группами современного общества, исключая ту долю этого дохода, которая должна затрачиваться на орудия и средства производства. До сих пор эта проблема ставилась как вопрос о распределении дохода между капиталистом и рабочим. Поэтому вся социальная проблема в целом носила утопический характер, так как было неясно на счет какой доли национального дохода должно улучшиться положение рабочего класса и крестьян мелких собственников.

Сделанные до сих пор попытки решения указанной нами социальной проблемы происходили в виде относительного увеличения доли личного потребления крестьян и рабочих за счет накопления орудий и средств производства, за счет развития производительных сил, т. е. за счет будущего хозяйственного развития страны.

Это происходит потому, что в социальной проблеме только ставился вопрос о распределении национального дохода, но не потребления. На последнем вопросе социальные реформаторы не останавливали своего внимания, между тем как он имеет важнейшее значение.

Внимание социальных реформаторов останавливалось исключительно на том, **кто** потребляет больше национального дохода, а не на том, **как** потребляется и должен потребляться этот доход.

ГЛАВА V.

Значение потребления.

В человеческом обществе биологический закон экономии энергии принимает более сложныя формы, чем у животных прежде всего потому, что потребности человека гораздо разнообразнее. Запас энергии, которым обладает та или другая группа хозяйствующих суб'ектов, должен распределяться планомерно между затратами на удовлетворение этих потребностей, чтобы обезпечить свое существование. Приходится затрачивать энергию не только на добывание пищи, но и на устройство жилища, его отопление, на одежду и т. д. Хозяйствующие суб'екты должны распределять свои производительныя силы для удовлетворения своих потребностей таким образом, чтобы прежде всего обезпечить свое существование.

Распределение производительных сил в народном хозяйстве тесно связано с характером потребления обществом производительных продуктов. Поэтому без анализа потребления этого общества нельзя изучать и распределение производительных сил. Между тем, изучение потребления продуктов народного хозяйства до настоящего времени не входило в задачу науки о народном хозяйстве „Вся область потребления выключается нами из сферы хозяйственного труда, ибо потребление есть цель нашей деятельности, а не средство для чего либо иного . . . . Если бы стали включать и потребление в сферу хозяйства, то хозяйство охватило бы всю нашу жизненную деятельность, которая сводится к удовлетворению наших потребностей—иначе говоря, к потреблению". *).

*) Проф. М И. Туган-Барановский. Основы политической экономии, 4-ое изд., стр. 7—8.

Мы видим, что для экономиста вопросы потребления вовсе не входят в область его иследований. Однако не трудно доказать, что частично по тому или другому поводу все экономисты затрагивают вопросы потребления, но случайное мимоходом трактование важнейшей стороны народного хозяйства, разумеется, не может удовлетворить тем требованиям, которые мы должны пред'явить экономической науке.

В учебниках по политической экономии, которые посвящают „потреблению" целый отдел, этот отдел заполняется, отчасти, поучениями из прописной морали, что бережливость полезна, а мотовство и роскошь предосудительны и вредны, отчасти же главами, относящимися к другим отделам политической экономии: вопросами страхования, о потребительной кооперации и т. д. Это показывает на признание необходимости дать место в политической экономии отделу о потреблении и на отсутствие материала для этого отдела.

Между тем, наука, но не политическая экономия, а статистика, в последние десятилетия дает колоссальный материал для отдела потребления в виде бюджетных исследований, исследований о нормах потребления и т. д. Но этот сырой материал нуждается в научной теоретической обработке экономистов, что бы осветить другую сторону народного хозяйства,—процесс потребления,—чтобы войти в политическую экономию до сих пор занимавшуюся только изучением производства и распределения.

Отсутствие анализа потребления приводит к тому, что и финансовая наука, которая должна формулировать наиболее рациональную систему государственного хозяйства, не имеет под собой научной почвы, хотя финансовое хозяйство имеет огромное влияние и на развитие народного хозяйства.

Народно-хозяйственная жизнь, как мы заметили, состоит из двустороннего процесса—производства и потребления, затраты трудовой энергии и ея восстановления. Эти две стороны хозяйственного процесса так тесно связаны одна с другой, что искусственное их разделение, как делает политическая экономия, выбрасыва-

ющая из своего поля зрения вопросы потребления, может совершенно исказить представление о народном хозяйстве.

Если мы возьмем любую отрасль производства, например, хлеба, то увидим, что процесс производства есть вместе с тем процесс потребления. В производстве хлеба прежде всего потребляется тот же хлеб в виде семян, потребляется энергия домашних животных, возстановляемая продуктами сельского хозяйства, потребляются орудия производства, потребляются рабочими предметы их потребления и т. д. Мы видим, что успешность хозяйственной деятельности, производство определяется характером потребления уже произведенных продуктов. Если семена, вместо затраты на производство в качестве материала, будут потреблены непосредственно людьми, а не будут посеяны, то и самое производство хлеба остановится.

Если, как было во время войны, национальный доход будет потребляться непроизводительно, то производительныя силы страны будут падать, хотя предприниматели будут получать прибыль. Из этих примеров ясно, что процессы потребления нельзя выкинуть из поля зрения экономиста и что одностороннее изучение только процесса производства (включая сюда обмен и распределение) не может дать правильной картины народного хозяйства. Как увидим ниже, эта односторонность повела к роковым ошибкам в разрешении социальной проблемы.

Распределение производительных сил страны находится исключительно в зависимости от характера потребления национального дохода, хотя нельзя отвергать и обратную зависимость характера потребления от организации производства. Эти две стороны народно-хозяйственной жизни так тесно связаны друг с другом, что было бы бесплодным занятием решать, которая из них важнее. Так, от характера потребления своего дохода господствующими классами во времена падения Римской Империи зависило падение производительных сил страны, так как весь „доход", получаемый патрициями шел на удовлетворение их личных потребностей. Напротив, развитие производительных сил при

капитализме, когда предприниматель принужден значительную часть своего дохода затрачивать на расширение производства, чтобы конкурировать с другими, ведет к развитию производительных сил и к соответствующему их распределению. Но такой характер потребления в значительной степени зависел от организации производства, основанной в первом случае на рабском труде, а при капитализме на наемном труде и на конкуренции. Тем не менее, как мы видели во время войны, даже при капиталистическом строе может произойти изменение потребления в сторону увеличения непроизводительного потребления до таких размеров, что производительныя силы страны падают: изменение потребления ведет к перераспределению производительных сил в сторону расширения производства предметов непроизводительного потребления и к падению производительных сил, т. е. к разрушению производства.

Во всяком случае законами потребления определяется характер распределения производительных сил и поэтому изучение хозяйства приходится начинать с изучения законов потребления, как общих законов во все периоды развития хозяйства.

Изучая распределение производительных сил изолированного натурального хозяйства или современного народного хозяйства в целом, мы видим, что производительные силы как изолированного хозяйства, так и современного общества распределяются в зависимости от настоятельности различных потребностей, что в конечном счете потребностями в каждом продукте определяются и размеры его производства. Но с другой стороны, удовлетворение потребностей находится в зависимости от производства, от количества производимых продуктов и затрат на производство каждого из них. Так, увеличение производительности труда, сокращая количество его затрат на единицу продукта, делает его более доступным и ведет к расширению его потребления. Напротив, большие затраты на производство и добывание продукта сокращают его потребление, согласно принципу экономии, на котором основано всякое хозяйство.

Таким образом процесс потребления продуктов в народном хозяйстве нужно рассматривать в тесной связи с условиями их производства и распределения национального дохода.

В свою очередь условия производства и развития производительных сил могут быть понятны только в связи с характером потребления национального дохода и распределения его между различными группами населения.

ГЛАВА VI.)

Распределение производительных сил.

а) В натуральном хозяйстве.

В своей хозяйственной деятельности человек, как и животное, при добывание пищи, руководствуется принципом экономии своей энергии. Как мольеровский герой не подозревал, что говорит прозой, так и хозяйствующий суб'ект не подозревал, что только руководствуясь этим принципом, он во все периоды экономического развития мог развивать производительныя силы человеческого общества и создать современный сложный хозяйственной строй.

В период ли охотничьяго быта, или в период пастушеский, или земледельческий, хозяйствующие субекты должны были затрачивать свою рабочую силу таким образом, чтобы не только экономить ее в процессе самой работы, например, на охоте или при уходе за скотом, при обработке земли, но и распределять свой труд между различными работами, по определенному плану, в известной пропорции, так как только при этом условии они, располагая ограниченным количеством рабочей энергии, могли удовлетворить свои наиболее настоятельныя потребности. У животных распределением энергии руководит инстинкт: удовлетворивши потребность пищи, животное затрачивает энергию на игру и проч. Хозяйствующий суб'ект при большом разнообразии своих потребностей, чтобы их удовлетворить, руководствуется определенным хозяйственным планом, который в свою очередь определяется внешними условиями.

В зависимости от плотности населения организуется та или другая система хозяйства: охотничья, скотовод-

*) Глава VI взята из книги „Теория развития нар. хозяйства".

ческая или земледельческая. Этой системой определяется и распределение производительных сил каждого хозяйства. В охотничьем хозяйстве его производительные силы распределяются и затрачиваются на добывание различных продуктов иначе, чем в скотоводческом или в земледельческом. Но во всех хозяйствах при всякой системе распределением производительных сил между различными отраслями производства руководит принцип экономии трудовой энергии, так как, только руководствуясь им, человек может удовлетворять свои потребности.

Итак, планомерность распределения производительных сил в хозяйстве и обществе, вытекающая из экономии производительных сил, должна быть основана на общем принципе, которым должны руководиться все хозяйства.

Эта главная сторона хозяйственной жизни общества, к сожалению, не привлекала внимания экономистов, детально разработавших многие второстепенные стороны современной хозяйственной жизни. Груды ученых работ посвящены отдельным второстепенным сторонам хозяйственной жизни, кредиту, банкам, торговле и проч, но если бы мы спросили любого экономиста, почему и как распределяются производительные силы общества, чем оно руководствуется, затрачивая определенное количество рабочих сил на ту или другую отрасль производства, то получили бы ничего неговорящий ответ, что размеры производства определяются спросом на продукты.

Для каждого должно быть ясно, что в распределении производительных сил существует определенная планомерность и закономерность, но эта закономерность совершенно не выяснена, и основной вопрос науки о народном хозяйстве, вопрос о законах распределения его производительных сил наукой даже не ставится.

Прежде всего мы должны выяснить принцип распределения производительных сил в простейшем хозяйстве, в натуральном. Продукты в хозяйстве производятся для удовлетворения потребностей членов этого хозяйства. Но потребности людей не одинаково насто-

ятельны; при чем, удовлетворение какой-либо потребности ослабляет ее настоятельность, по удовлетворении ее настоятельность ослабевает и на первое место выдвигается другая потребность. В данном случае действует известный психофизиологический закон, по которому ощущение ослабевает по мере повторения раздражения. Предмет, удовлетворивший какую-нибудь потребность, уже не доставляет такого же ощущения, как до удовлетворения потребности.

Хозяйствующие суб'екты считаются не только со своими потребностями, но и с размерами производительных сил, которыми они располагают. Они должны распределить производительные силы хозяйства таким образом, чтобы данными силами удовлетворить лучше свои потребности, те потребности, которые являются наиболее настоятельными.

Распределение производительных сил в натуральном хозяйстве мы можем иллюстрировать следующей схемой, которую дает Менгер, совершенно неосновательно применяющий ее к определению меновой ценности *) Если римскими цифрами обозначить различные потребности хозяйства по их важности, напр., под цифрой I—потребность в пище, под II—в жилище, III—в одежде и т. д., а под арабскими цифрами обозначить степень их настоятельности, или степень потребности в удовлетворении, то получим таблицу:

I	II	III	IV	V	VI	VII
10	9	7	5	4	2	1
8	6	5	2	1	1	1/2
5	3	3	1	1/2	1/2	
4	2	2	1/2			
3	1	1/2				
2	1/2					
1/2 и т. д.						

*) К сожалению, школа Менгера при анализе экономических явлений вместо того, чтобы анализировать общественное хозяйство, общественное производство, рассматривает экономические явления с частно-хозяйственной точки зрения. Это привело ее к бесплодной попытке определять ценность продуктов настоятельностью потребностей или предельной полезностью. Дальше мы остановимся на этом подробнее.

Первая потребность, например, в пище является наиболее важной, и пока она не удовлетворена, настоятельность в ней равна 10. Чем больше хозяйство добывает хлеба, тем меньше настоятельность потребности в нем. Если первые 100 пудов хлеба в хозяйстве удовлетворяют чувство голода, и настоятельность в них наивысшая, то следующие 100 пудов, которые получаются хозяйством, могут служить лишь кормом для скота, и настоятельность потребности в них опускается до 8, следующие 100 пудов, которые служат, например, кормом для птицы, удовлетворяют еще меньше настоятельной потребности и т д. Если под цифрой IV у нас будет значиться потребность в обуви, то настоятельность потребности в одном украшении, например, в бусах, равна 4, а настоятельность потребности в других бусах опускается до 1. Ясно, что хозяйство удовлетворит сначала наиболее настоятельные потребности в хлебе, в одежде, жилище, обуви и т. д. Но, приобретая первую пару сапог, настоятельность в которых равна 5, оно не будет приобретать второй пары сапог, так как настоятельность потребности в бусах сильнее (равна 4), чем во второй паре сапог (равна 2). Мы видим, что принцип настоятельности потребностей или предельной полезности предметов имеет огромное значение в распределении производительных сил хозяйства между различными отраслями труда, но степень удовлетворения каждой потребности удовлетворяется производительными силами хозяйства, т е. теми затратами труда, которые требуются для производства продуктов. Представим себе, что при данных технических условиях хозяйство располагает одной тысячей производительных единиц (рабочих дней в году), т. е. тремя рабочими силами, которые в совокупности работают в течение года тысячу дней. Если бы на производство каждого продукта, удовлетворяющего одной степени настоятельности потребности, затрачивалось 100 рабочих дней, т. е. для удовлетворения потребности в хлебе (равной 10), в жилище (равной 9) и т. д., то хозяйство распределило бы свои производительные силы следующим образом: удовлетворило бы одной сотней рабочих дней наиболее настоятельную потребность в хле-

бе (равную 10), второй сотней первую потребность в жилище, (9), третьей сотней вторую потребность в пище (8), четвертой сотней первую потребность в одежде (7) и т. д. Хозяйство распределило бы свои производительные силы по следующей схеме:

1)	I	II	III	IV	V
	10	9	7	3	4
	8	6	5		
	5				
	4				

Больше всего своих производительных сил оно затратит на производство пищи (1)—400 дней; затем на жилище (11)—200 дней и на одежду (111)—200 дней, между тем, как на производство обуви (IУ) и на украшения оно затратит меньше — всего по 100 дней.

Представим себе, что производительность труда в хозяйстве увеличилась, и то, что производилось раньше в течение 100 дней, теперь производится в 60 дней. При этом условии менее настоятельные потребности, равные 3 и менее, также могут удовлетворяться, и будет лучше удовлетворена потребность не только в пище, жилище, и т. д., но и новая потребность под литерой VI. Таблица примет следующий вид:

2)	I	III	II	IV	V	VI
	10	9	7	5	4	2
	8	6	5	2		
	5	3	3			
	4	2	2			
	2					

Затратилось бы: на пищу 360 дней, на жилище и одежду по 240 дней, на обувь 120 дней, на украшения 60 дней и на новую потребность 60 дней. На ряду с расширением потребностей произошло **перераспределение** производительных сил.

Таким образом, степень удовлетворения потребностей, как и удовлетворение новых, зависит исключительно от затраты труда на производство продуктов. А степень удовлетворения потребностей определяет и „пре-

дельную полезность" хлеба, как и предельная полезность других производимых в хозяйстве продуктов, опустилась до 2, вследствие увеличения производительности труда и сокращения затрат труда на производство каждого продукта. Настоятельность потребности влияет на распределение производительных сил в хозяйстве, но относительная стоимость различных продуктов определяется затратами труда на их производство, так как только от затрат труда зависит возможность получить тот или другой продукт и понизить настоятельность потребности в нем. *)

Мы указывали, что в натуральном хозяйстве различные продукты имеют различную относительную стоимость, в зависимости от затрат труда на их производство. Настоятельность потребности в продукте или „предельная его полезность" не имеют на относительную стоимость никакого влияния, потому что количество продуктов, а, следовательно, и настоятельность потребности, определяется затратами труда. Очевидно, что если затраты труда определяют предельную полезность предмета, настоятельность потребности в нем, то они определяют и его относительную стоимость

*) В своей интересной, но тщетной попытке примирить трудовую теорию ценности с теорией предельной полезности М. И. Туган-Барановский упускает из виду, что предельная стоимость определяется исключительно затратами труда и имеет влияние только на распределение производительных сил. Туган-Барановский пишет: „если мы предположим, что потребность под рубрикой 1 есть потребность в хлебе, а под рубрикой 5 потребность в золоте, то без труда поймем, почему золото ценится выше хлеба: правда, абстрактная полезность хлеба гораздо выше, чем золота, но ведь и общий запас золота еще гораздо меньше общего хлебного запаса». (Основы политической экономии. стр 63). «Значит, заключает автор, хотя абстрактная полезноеть хлеба гораздо выше, чем золота, предельная полезность (т. е. конкретная полезность последней единицы золота) выше, чем хлеба".

Автор упускает из виду, что „Общий запас" хлеба, как и золота, зависит от затрат труда на их добывание; и стоит только сократить затраты труда на добывание хлеба и увеличить затраты на добывание золота, чтобы „запас" золота оказался излишним, чтобы пала его „конкретная" полезность, и чувствовался недостаток в запасе хлеба, т. е. поднялась его „конкретная полезность". Таким образом, в конечном счете „предельная полезность" продуктов определяется затратами уда на их производство, а настоятельность потребности только влияет на распределение производительных сил.

для хозяйства. Например, вода необходима для существования человека, но около реки настоятельность потребности в воде или ея предельная полезность равна нулю, потому что для получения воды не требуется никаких затрат труда.

Выше мы предполагали, что хозяйство производит только предметы, непосредственно удовлетворяющие потребности членов хозяйства Но для того, чтобы добывать или производить эти предметы, нужны орудия и средства производства. Для того, чтобы получить хлеб, нужно иметь орудия производства в виде сохи или плуга, нужно иметь лошадь, чтобы на ней вспахать пашню, нужно иметь семена, чтобы их засеять, серп, чтобы снять урожай и т. д. Для производства и добывания этих орудий и средств производства нужна также затрата производительных сил хозяйства. Таким образом, для удовлетворения личных потребностей необходима известная затрата производительных сил на хозяйственные потребности или на производство орудий и средств производства. В крестьянских хозяйствах в Воронежской губ. распределение производительных сил хозяйства между личными и хозяйственными потребностями, было следующее: в хозяйствах до 5 дес. личные потребности поглощают 60, 6% а хозяйственные 39,4% всего бюджета, между тем как в хозяйствах свыше 25 дес. личные потребности поглощают 52,9% хозяйственные—47% бюджета.

Из этих цифр мы усматриваем прямую связь между размерами хозяйства и характером потребления этим хозяйством своего дохода. Чем больше хозяйство, тем меньшую долю из своего дохода оно затрачивает на личное потребление и тем большую долю затрачивает на хозяйственные потребности. Конечно, каждый индивидуальный хозяин, имеющий, например, посев на земле 15—25 десятин, может затратить на личные потребности не 53% своего бюджета, а, например, 70% т. е. на хозяйственные надобности затратить не 46%, а 30%, но такой характер потребления дохода поведет к сокращению и, наконец, к уничтожению и самого хозяйства, ибо для его сохранения необходимо затрачивать

на хозяйственные потребности (на корм скота, на инвентарь и т. д.) не менее 46%.

Лишь в наиболее крупных хозяйствах, имеющих свыше 25 десятин земли, личное потребление может несколько расшириться, так как вся сумма дохода хозяйства значительно выше среднего уровня. Напротив, в малоземельных хозяйствах личное потребление поглощает большую долю дохода, потому что общая сумма недостаточна, приходится удовлетворять самые настоятельные потребности членов семьи и, таким образом, сокращать удовлетворение хозяйственных потребностей. А сокращение последних ведет, в свою очередь, к сокращению и размеров производства. Поэтому в мелких хозяйствах, несмотря на то, что личное потребление поглощает наибольшую долю дохода хозяйства, личные потребности удовлетворяются хуже, чем в хозяйствах с большим посевом, хотя последние больший процент своего дохода затрачивают не на личные, а на хозяйственные потребности.

Аналогичное распределение дохода на личное и хозяйственное потребление мы найдем и у ремесленника, изготовляющего изделия на рынок из покупного материала посредством купленных им орудий производства. Разница между хозяйством крестьянина и ремесленника будет заключаться в том, что у ремесленника и личные и хозяйственные потребности будут удовлетворяться исключительно через куплю—продажу, т. е. выражаться в деньгах. И в том и в другом случае и в крестьянском в натуральном и в ремесленном хозяйстве потребление дохода будет распадаться на две части: 1) на личное потребление и 2) на хозяйственное или **производительное** потребление. Но личное потребление в свою очередь бывает неодинаково. Та часть потребляемого дохода, которая удовлетворяет жизненным потребностям и должна потребляться и в самом малодоходном хозяйстве, составляет **необходимое** потребление, т. к. без него вообще невозможно существование. Другая часть личного потребления, которая потребляется только в хозяйствах, имеющих относительно большой доход, является **непроизводительным** потреблением, не

необходимым ни для производства, ни для существования членов хозяйства

Принцип экономии энергии требует для сохранения существования хозяйствующих суб'ектов планомерной ее затраты и пока наиболее настоятельные потребности не удовлетворены, затраты труда на непроизводительное потребление нецелесообразны. Определение же производительности и непроизводительности потребления, а, следовательно, и нецелесообразности производства тех продуктов, которые потребляются непроизводительно, выясняется следующими соображениями.

Стремление к экономии своих сил является общим для работающих суб'ектов на всех стадиях хозяйственного развития Стремление к экономии сил хозяйствующих суб'ектов в изолированном хозяйстве обусловливается, прежде всего, тем, что затрата труда на производство различных продуктов и удовлетворение потребностей находится в определенном соотношении.

Члены хозяйства нуждаются в пище, одежде, жилище, удовольствиях и т. д. Поэтому хозяйство не может затратить все свои производительные силы на производство или добывание одного какого либо продукта, удовлетворяющего одной потребности, например, не может заниматься все время приготовлением для себя только жилища или только одежды. Может быть, было бы построено и прекрасное жилище, сшита более роскошная одежда, но обитатели дома, или члены хозяйства, занятые приготовлением одежды, умерли бы с голоду. Следовательно, производительные силы хозяйства должны быть затрачены на производство различных продуктов в определенном соотношении: некоторая часть труда должна быть затрачена на постройку или на ремонт, отопление жилища, некоторая доля— на добывание пищи, одежды и т д

Соотношение затрат труда на производство различных продуктов находится в зависимости от двух условий: от настоятельности потребности в тех или других продуктах и от производительности труда при производстве и добывании этих продуктов.

Поясним это примером. Допустим, что для удовлетворения потребностей членов хозяйства в течение года

требуется затрата 100 дней на добывание пищи, 50 дней —одежды, 50 дней—топлива, 100 дней на орудия и средства производства (напр, уход за лошадью, на ее корм, на производство орудий и т. д.) и 100 дней на удовлетворение эстетических потребностей и потребностей в удовольствиях.

Таким образом, на удовлетворение потребностей хозяйства, более или менее полное, потребовалось бы в течение года 400 дней. Очевидно, что во 1-х, некоторые потребности при этом условии не могут удовлетвориться вполне и, во 2 х, полнее удовлетворяются те потребности, которые наиболее настоятельны у членов хозяйства.

Если производительность труда в хозяйстве так поднялась, что на добывание той же пищи потребуется 75 дней, на средства производства также 75 дней, то при этом условии потребности будут удовлетворяться полнее, или могут появиться новые потребности, на удовлетворение которых может быть затрачен тот труд, который сократится в производстве пищи и средств производства.

Каждая потребность может удовлетворяться различно. Потребность в пище может удовлетворяться 1) хлебом: а) ржаным, требующим затраты 20 дней, б) пшеничным—30 дней, с) продуктами садоводства и огородничества—40 дней; 2) мясом: а) домашнего скота с затратой 20 дней, б) птицы взрослой при затрате 30 дней, с) цыплят—40 дней; 3) а) молоком—при затрате 10 дней, б) сливками—40 дней; 4) а) водой— при затрате труда —0, б) квасом при затрате 5 дней с) медом или пивом —30 дней.

В приведенном выше примере хозяйство, располагающее 100 днями для добывания пищи, не может удовлетворять свои потребности продуктами, требующими наибольшей затраты труда, так как на их производство требовалось бы 140 дней; 30 (пшеница) + 40 (цыплята) + 40 (сливки) + 30 (мед или пиво). При ограниченности производительных сил хозяйство может удовлетворить свои потребности в пище перечисленными продуктами в различной комбинации, но таким образом, чтобы для производства суммы потребляемых продук-

тов требовалось не больше 100 дней. В противном случае другие потребности не могут быть удовлетворены. В нашем примере хозяйство будет потреблять ржаной хлеб вместо пшеничного, квас вместо пива и т. д. Следовательно, удовлетворение потребностей определяется состоянием производительных сил. Процесс потребления, повидимому, зависящий от суб'екта, определяется об'ективными условиями.

Допустим, что в хозяйстве, построенном по схеме (I) вместо изготовления жилища и топлива, т. е. вместо второй группы потребностей (II), настоятельность которых равна 9 и 6 стали бы изготовляться в большем количестве украшения или содержаться животные для удовольствия, например, собаки, настоятельность потребности в которых равна 2

Вследствие ограниченности производительных сил хозяйства, оно имело бы украшения и собак, но не имело бы жилища и топлива, настоятельность в которых равна 9 и 6.

Такое перераспределение производительных сил в хозяйстве угрожало бы самому существованию членов хозяйства, которые зимой замерзнут, удовлетворивши менее настоятельную потребность. Таким образом, целесообразная затрата производительных сил в изолированном хозяйстве требует, чтобы удовлетворение менее настоятельных потребностей не лишало удовлетворения потребностей более настоятельных.

Если хозяйство производит для потребления продукты, удовлетворяющие менее настоятельным потребностям за счет удовлетворения более настоятельных, то потребление этих продуктов, удовлетворяющих менее настоятельным потребностям, будет непроизводительным потреблением, а производство их—производством продуктов для непроизводительного потребления за счет необходимого.

Таким образом, одна и та же потребность может удовлетвориться различными продуктами, требующими различной затраты труда. Если хозяйство в приведенном примере будет удовлетворять потребность в напитках медом за счет удовлетворения потребности в пище, то потребление меда будет уже непроизводительным

потреблением, так как оно мешает удовлетворению более настоятельной потребности—необходимому потреблению.

Очевидно, что непроизводительное потребление при низком состоянии производительных сил хозяйства перестанет быть таковым, если оно не происходит за счет сокращения более настоятельных потребностей. Если производительность труда в хозяйстве так повысилась, что оно может удовлетворять все более настоятельные потребности, настоятельность которых определяется цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5, то оно может перейти к удовлетворению потребностей, настоятельность которых равна 4 и 3; между тем, как раньше это было нецелесообразно и вело к опасным последствиям для членов хозяйства.

В натуральных хозяйствах организация производства и удовлетворение потребностей поставлены по изложенному выше принципу. Тем не менее отдельные хозяйства нарушают этот принцип.

Обычно причиной разрушения хозяйств, проистекающего из неправильного потребления, является алкоголизм, потребление вина или водки, благодаря которому или сокращается удовлетворение других, жизненно необходимых потребностей, или сокращается производительное потребление, т. е. орудия и средства производства.

Под влиянием алкоголизма, ради потребности, неимеющей жизненного значения, может быть разрушено хозяйство, являющееся источником средств существования.

Для производства продуктов необходима затрата труда на орудия и средства производства. Очевидно и производительность потребления этих орудий и средств производства определяется тем, какое значение имеет потребление производимых этими средствами продуктов.

Если взять два хозяйства одинакового типа, но с различными бюджетами, то мы увидим, что в обоих хозяйствах одинаковые потребности будут удовлетворяться различно, посредством потребления продуктов, требующих различной затраты труда или имеющих раз-

личную цену. Более производительное хозяйство будет потреблять, относительно, больше тех продуктов, которые требуют большей затраты труда.

Если, благодаря тем или иным условиям, производительность труда при добывании какого либо продукта увеличилась, и если этот продукт в такой же мере удовлетворяет потребностям, то он делается наиболее доступным для массового употребления. Например, благодаря климатическим условиям, в производстве кукурузы на южных окраинах России труд производительнее, чем в средней России, где кукуруза может произрастать только в огородах. Поэтому в южных хозяйствах она может занимать место ржи не только по количеству труда, затрачиваемого на его производство, но и по размерах потребления, а в средней России она будет играть роль суррогата, как овощи. В Японии или в Китае роль наиболее употребительного продукта в хозяйствах с наименее производительными силами играет рис и т. д. Следовательно, производительность труда при производстве данного продукта определяет относительные размеры его потребления в хозяйстве.

Потребительная ценность постоянно меняется в зависимости от настоятельности потребности в каждый момент. Относительная трудовая ценность каждой потребительной ценности—величина более или менее постоянная и изменяется лишь в зависимости от изменения производительности труда при производстве. Настоятельность потребности еще не определяет ее относительной ценности. Потребность в воде у человека может быть не менее настоятельной, чем например, потребность в пище одежде и жилище. Но если для получения воды не требуется никакой затраты труда или требуется ничтожная затрата, то относительная ценность воды для хозяйства равняется нулю и в хозяйственные расчеты она не входит. Когда возникает обмен, хозяйство не променяет предметов, удовлетворяющих наименее настоятельным потребностям, но требующих затраты труда, на воду, не требующую такой затраты, хотя потребительная ценность воды очень высока. Таким образом, хотя настоятельность потребности в различных продуктах влияет

на распределение призводительных сил в хозяйстве между различными отраслями труда, но это распределение в конечном счете зависит от производительности в каждой отрасли производства. Если производительность труда при добывании пищи увеличивается, то хозяйство, получивши достаточно пищи при меньшей затрате труда, может больше затрачивать его на удовлетворение других потребностей. Улучшение орудий производства увеличивает производительность труда. Поэтому при техническом прогрессе в какой-либо отрасли труда, хозяйство начинает меньше затрачивать в этой отрасли и больше затрачивать на производство орудий труда. Изобретение водяной мельницы вместо ручной повело к сокращению мукомольного труда, хотя и увеличило затрату труда на изготовление водяной мельницы вместо ручной. В данном случае, как и в других случаях, при техническом прогрессе перераспределение производительных сил выражается в увеличении затраты труда на средства производства и в сокращении труда, затрачиваемого на непосредственную обработку продукта.

Из изложенного ясно, что изменение системы хозяйства, т. е. переход от скотоводчества к земледелию и т. д. изолированного и вообще натурального хозяйства, обусловливается тем, что при изменившихся условиях,—как мы показали, благодаря росту населения,—труд при производстве или добывании других продуктов становится производительнее, чем при добывании тех продуктов и тем путем, каким они добывались раньше. Например, при уплотнении населения, охота уже не может удовлетворить потребности в пище увеличившегося населения, и оно принуждено перейти или к земледелию, или к скотоводству.

С первого взгляда кажется, что мы впадаем в противоречие, так как указывали на то, что производительность последовательных затрат труда падает, что более экстенсивное хозяйство производительнее, чем интенсивное. Но это противоречие только кажущееся Пока население очень редко и диких животных и съедобных растений для этого населения более чем достаточно, или пока скотоводческое население редко и пастбищ

достаточно для скота, они способны прокормить наличное население,—затраты его труда ничтожны. Но увеличение населения ведет к тому, что диких животных и растений становится недостаточно для охотничьих племен, а пастбищ для пастушеских Увеличившееся население должно или непроизводительно затрачивать труд на охоту за редкими теперь животными, или на пастьбу относительно малого количества скота, так как территория охоты и пастбищ для скота *относительно* сокращается; когда одно хозяйство имеет и пасет двадцать штук скота, труд его производительнее вдвое, чем тогда, когда эти двадцать штук принадлежат двум хозяйствам. При ограниченности территории и при увеличении населения производительность труда начинает падать, и является необходимым переход к новой системе хозяйства. Тем не менее это явление не уничтожает факта падения производительности последовательных затрат. Например, при экстенсивном скотоводческом хозяйстве в Оренбургской губ. двадцать штук скота могут пастись на двадцати десятинах и требовать затраты труда одного семейства на их пастьбу и кормление. В Швейцарии при интенсивном хозяйстве на тех же двадцати десятинах может содержаться вдвое больше скота—40 штук, благодаря тому, что земля удобряется, введено стойловое содержание скота в течение трех четвертей года. Но содержание такого количества скота требует труда не двух, как при экстенсивном хозяйстве, а 5—6 семейств.

Труд стал менее производителен. Тем не менее, если население увеличилось в 3—4 раза, то оно принуждено, и ему выгоднее при натуральном хозяйстве ввести более интенсивную культуру, хотя в ней труд и менее производителен. Ибо, если раньше одно семейство могло содержать 20 штук скота, потому что каждое семейство располагало двадцатью десятинами земли, то теперь при увеличении населения, на двадцати десятинах принуждены хозяйничать 5—6 семейств, из которых каждое, ведя экстенсивное хозяйство может содержать только 3—4 штуки скота, а ведя интенсивное хозяйство—6—8 штук. Производительность труда при уплотнении населения и при введении интенсивного

хозяйства упало, но все таки при новых условиях выгоднее ввести интенсивное хозяйство, вследствие уменьшения территории по отношению к увеличившемуся населению.

Этим об'ясняется постепенный переход, по мере уплотнения населения, от скотоводческой к скотоводческо-земледельческой и, наконец, к земледельческо-скотоводческой системе, при чем добывание хлеба и вообще растительной пищи расширяется на счет сокращения количества скота в натуральном хозяйстве. То же явление происходит и в товарном хозяйстве, но осложняется рыночной коньюктурой.

Итак, изолированное хозяйство, руководствуясь принципом экономии своих производительных сил, при добывании пищи прибегает к такой системе хозяйства (охотничьей, скотоводческой экстенсивной и интенсивной земледельческой), которая является наиболее целесообразной при данной плотности населения. Такая тенденция в известной степени проявляется и при товарном производстве. Поэтому китаец с первобытными орудиями ведет такое же интенсивное хозяйство, какое ведет европеец около больших городов, пользуясь современной техникой, и киргиз использует территорию так же экстенсивно, как аргентинский или австралийский переселенец. Переход к земледельческому хозяйству, как было замечено, усложняет труд изолированного хозяйства: оно принуждено больше затрачивать труда на производство средств производства, и распределение производительных сил изменяется. Но принцип, которым руководствуется хозяйствующий субъект, остается тот же: производительные силы распределяются таким образом, чтобы удовлетворить полнее наиболее настоятельные потребности с наибольшей экономией. Таким образом, удовлетворение потребности зависит не только от ее настоятельности, а, главным образом, от затраты труда на все продукты, которыми удовлетворяются данные потребности.

Соотношение настоятельности потребности и затраты труда на производство продуктов, удовлетворяющих каждой потребности, служит руководящим принципом для планомерной организации изолированных

хозяйств. При полной изолированности одного хозяйства от другого (одно хозяйство может быть в одной части света, другое в другой), но при одинаковых производственных условиях, организация производства и распределение производительных сил в хозяйствах могут быть одинаковы, хотя ими руководит свободная, повидимому, воля хозяйствующих суб'ектов.

Вследствие ограниченности своих производительных сил, а также вследствие своей изолированности и необходимости получать продукты из своего собственного хозяйства, натуральное хозяйство не может удовлетворять разнообразно потребности его членов. Но и в пределах своего несложного хозяйства производитель стремится так организовать труд, чтобы потребности удовлетворялись полнее при наименьшей затрате труда их на производство. Житель Сибири будет удовлетворять потребность в фруктах ягодами, которые растут при сибирском климате на открытом воздухе, а не будет разводить фруктовых садов, требующих в Сибири теплиц. Гвозди он будет делать из дерева, а не из золота, хотя золото в Сибири можно достать. Потребность в гвозде, как таковом, удовлетворяется полнее деревянным гвоздем, потому что остальные потребности будут удовлетворены при условии, если производство гвоздя не поглощает слишком много производительных сил хозяйства. Если бы изолированное хозяйство могло так легко производить гвозди из железа или из золота, как из дерева, то деревянные гвозди сменялись бы железными или золотыми.

Нарушение принципа соотношения затрат труда на производство продуктов с наибольшей экономией приводит к крушению хозяйства, к невозможности вести его в прежних размерах Увеличение доли личного потребления на счет средств производства сокращает воспроизводство продуктов. Если употребление средств производства назвать производительным потреблением, а потребление продуктов, которые не служат средствами производства, потреблением личным, то для изолированного хозяйства мы можем установить следующее положение: чем больше продуктов идет на производительное потребление и чем меньшая доля их идет на

личное, тем шире развивается процесс воспроизводства продуктов,—расширенное производство. Из этого положения, повидимому, следует вывод, что размеры производства определяются характером потребления, а не обратно; между тем, такой вывод был бы неправильным. Доля продуктов, которая может быть затрачена на средства производства, зависит от состояния производительных сил хозяйства.

В бюджетах крестьянских хозяйств, независимо от субъективных свойств крестьян-хозяев, личное и хозяйственное потребление находится в зависимости от размеров хозяйства, от состояния его производительных сил. Бедное хозяйство не может сократить личное потребление, потому что производит ничтожное количество продуктов. из которых должны быть удовлетворены и личные, и хозяйственные потребности. Процесс воспроизводства по необходимости заставляет более зажиточных крестьян большую долю производительных сил хозяйства затрачивать на средства производства.

Расширенное производство в изолированном хозяйстве может быть только до определенных, оче ь ограниченных размеров. Какая бы доля из производительных сил хозяйства ни затрачивалась на средства производства, эта затрата в конечном счете имеет в виду производство предметов, удовлетворяющих личным потребностям. Но так как изолированное хозяйство при ограниченных размерах не может разнообразить производство таким образом, чтобы удовлетворять все новые и новые потребности, то производство и может достигнуть таких только размеров, чтобы производимыми хозяйством продуктами вполне удовлетворялись личные потребности членов хозяйства. Дальнейшее расширение производства в хозяйстве становится бесцельным, так как произведенный им избыток продуктов не может потребляться. Поэтому чем ближе хозяйство приближается к типу изолированного, тем меньше возможности имеется для расширенного производства. Введение каких-либо усовершенствованных орудий, значительно увеличивающих производительность труда, не имеет смысла, так как доставляемая ими масса продук-

тов не может потребляться в хозяйстве, хозяйство стремится к экономии труда в пределах, определяемых его потребностями. А эти потребности ограничены его размерами, находящимися в определенных нами границах. Таким образом, изолированное хозяйство находится, как тип, в состоянии устойчивого равновесия, пока оно является изолированным. Бедное хозяйство при возможности расширенного производства может достигнуть относительного благосостояния, **при котором расширенное производство** прекращается и переходит в простое воспроизводство продуктов. Эта устойчивость создает и в свою очередь создается ограниченностью потребностей, удовлетворяемых только собственным хозяйством и ведет к неподвижности общей культуры населения. Новые потребности могут явиться и быть удовлетворены только другими неизолированными хозяйствами и уже нарушают описанное нами устойчивое равновесие...

Недавно в глухих уголках Сибири можно было встретить такие крестьянские хозяйства, в которых хлеб лежал в амбарах нетронутым по 20 и более лет. Потребности хозяйства удовлетворялись простым воспроизводством и избытки от обильного урожая оставались нетронутыми, так как некому было их потреблять. Благодаря таким условиям, расширение воспроизводства происходит обыкновенно по мере роста семей и рабочих сил в хозяйстве. Достигнув известных пределов, хозяйство распадается при разделе семьи, и в свою очередь каждая новая семья расширяет производство лишь по мере своего роста. С развитием товарного обмена открывается возможность к безграничному расширению производства, так как продукт может сбываться на рынок и употребляться огромным количеством других хозяйств.*)

---

*) Очень близко к типу изолированных хозяйств по условиям воспроизводства подходит крестьянское „продовольственное“ хозяйство, которое, благодаря некоторым социальным условиям, не может в значительной степени увеличивать производительность труда и до больших размеров расширять производство. По существу, однако, продовольственное и изолированное хозяйство—два совершенно различных типа хозяйств, так как устойчивость первого обусловливается неблагоприятными условиями его развития. См. об этом „Аграрн. вопр.“.

б) В товарном хозяйстве.

Из анализа распределения производительных сил в натуральном хозяйстве мы видели, что это распределение обусловливается настоятельностью потребностей в каждом продукте, с одной стороны, и количеством затрат труда на производство каждого продукта— с другой. Соотношение затрат труда и настоятельности потребности точно определяет распределение производительных сил. Так как техника производства в натуральном хозяйстве мало изменяется и так как потребности людей при данных хозяйственных условиях более или менее постоянны, то и распределение производительных сил в натуральном хозяйстве более или менее постоянно и одинаково.

При превращении натурального хозяйства в меновое и в товарное, производство каждого продукта— товара определяется уже потребностями всего общественного хозяйства, так как каждый товаропроизводитель производит для рынка, для удовлетворения потребностей других хозяйств. Распределение производительных сил в обществе создается уже не в отдельных хозяйствах, а во всем общественном хозяйстве. Но принцип распределения остается неизменным: затрата общественных производительных сил на различные отрасли производства определяется настоятельностью общественной потребности в каждом продукте и затратами труда на его производство и только в капиталистическом обществе затраты труда заменяются издержками производства, которые не вполне сводятся к затратам труда.

Каждый товаропроизводитель изготовляет свои изделия для рынка, где предлагает их покупателям и где находит на них спрос. Спрос на каждый продукт определяется совокупностью хозяйств, нуждающихся в этом продукте. Но возможность купить продукт определяется не только настоятельностью потребности каждого покупателя, но и его покупательными средствами. Производя какой-нибудь один продукт, хозяйство удовлетворяет свои потребности обменом этого продукта на те предметы, потребность в которых наиболее настоятельна. Следовательно, и при существовании обме-

на в каждом хозяйстве потребности удовлетворяются по той схеме, которая была приведена для натурального хозяйства. Но степень удовлетворения потребностей обусловливается покупательными силами каждого хозяйства, потому что все предметы, которые не производятся в хозяйстве, можно приобрести только куплей. Как бы ни были различны покупательные силы в различных хозяйствах, все-таки у всех хозяйств они ограничены, так же, как ограничены и производительные силы общества.

Схема потребления хозяйствами, обладающими малыми покупательными силами, примет следующий вид (мы примем такое же обозначение потребностей, как и в схеме натурального хозяйства). Если для удовлетворения каждой степени потребности требуется 50 рублей и если хозяйство может затратить на удовлетворение своих потребностей в течение года 500 рублей, то будут удовлетворяться следующие потребности (схема а):

I	II	III	IV	V
10	9	7	5	4
5				
4				

т. е. потребность в хлебе, одежде, жилище, обуви и в украшениях. Если хозяйство занимается самостоятельным производством каких-либо продуктов, то оно должно сделать значительные затраты на средства производства и относительно больше сохранить затраты на личное потребление.

Хозяйство, обладающее большими покупательными силами, расширит свое потребление посредством большого разнообразия потребляемых продуктов и расширения своих потребностей (схема б):

I	II	III	IV	V	VI	VII и т. д.
10	9	8	7	6	5	4 и т. д.
8	6	6	5	5	2	3 и т. д.
5	3	3	2	2		и т. д.
4	2	2				
3						
2						

Хозяйство не только полнее и разнообразнее будет удовлетворять потребности в пище, одежде, жилище и проч., но явятся новые потребности, которых совершенно нет в других хозяйствах.

Общественная потребность в каждом продукте определяется совокупностью потребностей отдельных хозяйств. Очевидно, что производиться в большем количестве будут те продукты, в которых нуждаются все хозяйства, а в ничтожном количестве будут производиться изделия, которые потребляются только в хозяйствах, обладающих наибольшей покупательной силой. Если продукт или изделие, требуя большой затраты труда, удовлетворяет мало настоятельной потребности, то он и будет производиться в небольшом количестве, будет „редким", и потреблять его будут хозяйства с наибольшими покупательными силами. Ясно, что высокая цена таких продуктов обусловливается не их редкостью, как об'ясняет школа „предельной полезности", а, наоборот, их редкость зависит от больших затрат труда на производство и от того, что, благодаря этому, они не потребляются массой хозяйств и не производятся в большом количестве [1]).

Итак, при наличности массы хозяйств с небольшим бюджетом и ничтожного количества хозяйств с огромным бюджетом, т. е., когда в народном хозяйстве при массовой нищете населения существует небольшое количество хозяев с огромными доходами, производительные силы этого общества должны затрачиваться, главным образом, на добывание и производство предметов первой необходимости, главным образом, грубой пищи и примитивных жилищ и одежды, с одной стороны, и на производство предметов роскоши, с другой—„редких предметов", редких, именно благодаря указанному распределению производительных сил.

Напротив, увеличение покупательной силы у большей части хозяйств, благодаря-ли техническому прогрессу и удешевлению продуктов, или благодаря повышению общего уровня благосостояния, поведет к расши-

---

[1]) Исключение составляют предметы, воспроизводство которых невозможно, и цена которых является монопольной.

рению массового производства продуктов, удовлетворяющих новым потребностям.

Если сравнить распределение производительных сил страны в конце прошлого столетия в России, с одной стороны, и в Германии или Соединенных Штатах, с другой, то мы увидим, что Россия представляет тип народного хозяйства первого рода (схема а); благодаря ничтожной покупательной силе массы населения и огромной покупательной силе части хозяйств, будет и соответствующее распределение производительных сил: огромная часть населения занята производством грубых продуктов, удовлетворяющих наиболее настоятельным потребностям. В Германии и Соединенных Штатах значительно большая часть производительных сил занята производством предметов, удовлетворяющих менее настоятельным потребностям (схема б).

Таким образом, общий принцип распределения производительных сил, как в изолированном натуральном хозяйстве, так и в товарном, одинаков.

Во всех типах хозяйств существует указанная нами планомерность, определяемая различием настоятельности потребностей. Но в изолированном хозяйстве каждый продукт производится и расчитан на определенного потребителя, между тем как товарное хозяйство производит на неопределенный рынок, на котором спроса на производственный продукт может и не быть. В товарном хозяйстве не учитывается, сколько требуется того или другого продукта для удовлетворения потребности в нем. Эта потребность выясняется уже после, тогда, когда продукт произведен и поступил на рынок.

Итак, каждый товаропроизводитель изготовляет свои продукты для рынка в расчете, что там их купят, что будет спрос на эти продукты. Так как каждое хозяйство будет предъявлять спрос на различные продукты, согласно выше приведенной схеме, то сумма спроса на каждый продукт будет определяться степенью настоятельности потребностей всех хозяйств в данном продукте.

Из анализа*) образования и развития меновой ценности мы знаем, что каждый самостоятельный производитель стремится продать свои продукты не ниже их трудовой ценности. К тому же стремится и каждый покупатель, ибо продавец одних продуктов является в то же время покупателем других.

Если мы возьмем районное хозяйство, состоящее из тысячи хозяйств, у которых покупательная способность соответствует схеме *a*, то потребуется следующее количество продуктов:

I. Пищевых (настоятельность потребности 10, 8, 5, 4) по 50 руб.—200 руб. на хозяйство, а всего на 200.000 руб.

II. Жилищных (настоятельн. потребности 9, 6) по 50 руб.—100 руб. на хозяйство, а всего на 100.000 руб.

III. Одежды (настоятельн. потребн. 7, 5) всего на 100.000 руб.,

IV. Обуви (настоят. потребн. 5) всего на 50.000 руб.

V. Украшений (наст. потреб. 4) также на 50.000 руб.

Представим себе, что во взятом нами районе увеличилось число сапожников вдвое, так что они производят изделий не на 50 тыс. рублей, а на 100.000 руб. Так как покупательные силы всех хозяйств ограничены и покупка сапог на всю сумму в 100 тыс. рублей повела бы к сокращению других более настоятельных потребностей, то половина сапог останется непроданной, или все сапоги будут проданы значительно ниже их трудовой ценности. Но каждый сапожник может удовлетворить свои потребности по схеме *a* только в том случае, если он продаст свои изделия по их трудовой ценности, потому что только при этом условии он будет обладать достаточными покупательными силами. Очевидно, что если произошло увеличение числа сапожников без увеличения потребности в сапогах, то лишние сапожники не найдут спроса на свои сапоги и принуждены будут заняться каким-нибудь другим промыслом. Таким образом, планомерность распределения производительных сил общества создается по схеме настоятельности потребностей, но через посредство рынка, где спрос и предложение оказывают соответствующее

*) См. „Теория развития народного хозяйства".

давление на производителей и регулируют производство каждого продукта.

Как в натуральном хозяйстве, благодаря техническому прогрессу, понижение относительной ценности продукта ведет к увеличению его потребления, так в меновом хозяйстве понижение меновой ценности, выраженное в цене, или увеличение покупательной силы хозяйства, также ведет к увеличению потребления продукта. Это достаточно поясняется схемою расширения потребления в натуральном хозяйстве.

Мы показали, что в натуральном хозяйстве при увеличении производительности труда не только расширяется потребление всех продуктов и являются новые потребности, но и происходит **перераспределение** производительных сил, при чем произошло сокращение затрат на производство хлеба и увеличение затрат на одежду и жилище. В денежном хозяйстве затраты на удовлетворение потребностей выражаются в деньгах, и расширение потребностей происходит или благодаря удешевлению продуктов или увеличению денежных средств хозяйства. Обыкновенно, увеличение покупательной силы хозяйства сопровождается абсолютным улучшением удовлетворения всех потребностей и относительным сокращением затрат на пищу, так как потребность в лучшей пище не так настоятельна, как новые потребности. В приведенных выше схемах натурального хозяйства произошло следующее перераспределение производительных сил:

Благодаря увеличению производительности труда (то, что производилось в течение ста дней, производится в течение 60 дней), на производство хлеба затрачивается вместо 400 дней только 360; на жилище вместо 200 дней—240, также и на одежду вместо 200 дней—240 и явилась новая потребность, раньше совершенно не удовлетворявшаяся.

В денежном хозяйстве это изменение затрат выражается в деньгах: увеличение покупательной силы хозяйства приводит к абсолютному расширению всех потребностей и к относительному сокращению затрат на наиболее настоятельные потребности. Сравнение бюджетов различных хозяйств с различной покупатель-

ной силой показывает, что именно таким образом происходит изменение потребления и, как результат этого, перераспределение производительных сил народного хозяйства.

Например, в хозяйствах берлинских рабочих с бюджетом до 1000 марок, физическое содержание семей поглощает 86,09% всего бюджета, а с бюджетом 2300-2400 марок оно поглащает только 72,93% бюджета. Одно питание у первой группы поглощает 51,95% бюджета, а у второй группы—42,98%. В бюджетах богатых классов (у чиновников, банкиров) с доходом от 18 до 75 тысяч марок питание поглощает только 17% общего годового расхода. Очевидно, что чем выше производительные силы общества и чем больше покупательных средств у большинства населения, тем больше производительных сил этого общества должно быть направлено на производство продуктов, удовлетворяющих менее настоятельным потребностям, если бы даже хлеб и другие продукты питания не ввозились из других стран. Распределение производительных сил в Соединенных штатах Северной Америки показывает более высокую покупательную силу широких слоев населения, чем, например, в России, поэтому, несмотря на вывоз хлеба, все больший и больший процент населения занят производством продуктов массового не пищевого потребления.

Каждый товаро-производитель старается произвести и доставить на рынок по возможности больше товаров, чтобы иметь возможность больше купить. Так как производство регулируется после того, как продукты произведены, регулируется спросом и предложением, и так как в различные моменты на рынке и спрос и предложение бывают то больше, то меньше, то и рыночные цены колеблются около средней нормальной цены, определяемой при простом товарном производстве средней затратой труда, необходимой для производства продуктов. При капиталистическом производстве нормальная цена определяется издержками производства. Таким образом, колебание цен выше или ниже нормальной цены под давлением спроса и предложения и влияет посредственно на распределение произ-

водительных сил, так как увеличение настоятельности потребности в каком-либо продукте выражается в повышении спроса, а, следовательно, и цены этого продукта. Повышение цены ведет к расширению производства данного продукта и к сокращению производства тех продуктов, цена которых относительно понизилась. Таким образом на рынке имеется чувствительный аппарат, колебания которого расширяют или сокращают производство каждого продукта. Тем не менее колебания цен не могут значительно уклоняться от нормальной цены, соответствующей трудовым затратам при простом товарном производстве и издержкам производства при капиталистическом. Ибо длительное повышение цены выше нормы ведет к увеличению производства, к увеличению предложения и к понижению вздутых цен, до их нормы. Точно также происходит и обратное колебание: длительное понижение цены ведет к сокращению производства, предложения товара и к повышению его цены.

Итак, рыночная цена, как и нормальная цена, определяется затратами труда на производство продуктов (в капиталистическом хозяйстве—издержками производства, которые не вполне совпадают с трудовыми затратами). Колебания цен происходят под влиянием спроса и предложения, а распределение производительных сил между различными отраслями производства—под влиянием степени настоятельности общественной потребности в каждом продукте. Эта степень настоятельности потребности выражается в спросе и предложении, посредством которых происходит давление на распределение производительных сил в народном хозяйстве. Длительные колебания цен вверх или вниз под влиянием спроса и предложения, т. е. под влиянием изменения „предельной полезности", изменяют распределение производительных сил страны, **но совершенно не влияют на среднюю нормальную цену, около которой колеблются рыночные цены.**

ГЛАВА VII.

Потребление в народном хозяйстве.

Выше мы рассматривали потребление и распределение производительных сил в отдельных хозяйствах. Хотя народное хозяйство состоит из суммы таких частных хозяйств, но изложенных нами законов потребления в частных хозяйствах не достаточно для об'яснения хозяйственных процессов, совершающихся в целом народном хозяйстве.

Иллюстрацией этого положения может служить уже упомянутое нами состояние народного хозяйства во время войны.

Каждое отдельное хозяйство получало во время войны, повидимому, больший доход, чем в мирное время.

Прибыли капиталистов были высоки, а между тем несомненно воюющие страны беднели. Какое изменение потребления произошло в народном хозяйстве в целом?

Допустим, что целый ряд хозяйств занят приготовлением для государства пушечных снарядов. Допустим далее, что этим производством занято 100 тысяч рабочих, из которых каждый потребляет свою заработную плату, сообразно изложенным выше схемам, т. к. только при таком планомерном потреблении они и могут существовать. Все происходит закономерно и, тем не менее, для народного хозяйства результаты военного производства и потребления национального дохода будут совершенно другие, чем при производстве теми же 100 тысячами рабочих хлеба или орудий производства.

Для того, чтобы выяснить значение производительного и непроизводительного потребления национального дохода, нужно рассматривать все народное хозяйство в целом, так же, как мы выше рассматривали частное хозяйство.

Так же, как и в изолированном натуральном хозяйстве, в национальном хозяйстве должны удовлетворяться, как личные потребности членов данного общества, так и хозяйственные потребности совокупности всех хозяйств страны

Но существуют и чрезвычайно важные черты, которые отличают народное хозяйство и принципы распределения его производительных сил от натурального частного хозяйства.

Первое самое существенное различие заключается в том, что в распределении производительных сил частного хозяйства по принципу экономии энергии существует планомерность, руководство этим распределением хозяйствующего суб'екта, который заинтересован в наиболее целесообразной затрате производительных сил, которыми он располагает. Для сохранения хозяйства и существования членов хозяйства это необходимо. В товарном хозяйстве, производящем продукты для продажи, удовлетворение потребностей членов хозяйства, т. е. потребительский бюджет хозяйства также подчиняется этому принципу. Но товарное хозяйство производит товары не для собственного потребления, а на рынок и может производить продукты, потребление которых, с точки зрения хозяйственной экономии, непроизводительно.

В народном хозяйстве нет ни коллективного ни единоличного хозяина всего хозяйства, нет хозяйствующего суб'екта, который бы планировал и распределял производительные силы всего общества, сообразно принципу экономии энергии. Правда, каждый хозяйствующий суб'ект в отдельности планирует свое частное хозяйство по определенному плану и в результате во всем национальном хозяйстве, благодаря этому, создается также некоторая планомерность при посредстве спроса и предложения. А именно, каждое отдельное хозяйство (потребляющее) пред'являет рынку спрос на те продукты, которые требуются его потребностями. Поэтому, если в национальном хозяйстве имеется 1 миллион потребительских хозяйств, требующих от рынка по 50 пудов в год хлеба, по 1 паре сапог и т. д., то в национальном хозяйстве производительные силы и бу-

дут распределены так, что будет производиться или доставляться рынком 50 миллионов пудов хлеба, 1 миллион пар сапог и т. д. Если бы покупательные и производительные силы всех хозяйств были одинаковы, то все народное хозяйство планировалось, его производительные силы распределялись бы так же, как и в изолированном хозяйстве, только каждого продукта производилось бы в миллион раз больше.

Но покупательные силы отдельных частных потребительских хозяйств не одинаковы. Между тем, как одно хозяйство затрачивает на личные потребности тысячу рублей для удовлетворения потребностей 5 человек, другое хозяйство для удовлетворения потребностей пяти человек затрачивает 100 тысяч рублей, т. е. в сто раз больше. Если бы последнее хозяйство удовлетворяло потребности так же, как и первое хозяйство, то оно затрачивало бы также только тысячу рублей, между тем оно на 99 тысяч рублей затрачивает больше, чем хозяйство первого типа.

Второе хозяйство с точки зрения хозяйствующего суб'екта первого хозяйства затрачивает 99 тысяч рублей непроизводительно. Но второй хозяйствующий суб'ект, затрачивая в год 100 тысяч рублей, удовлетворяет свои потребности сообразно доходу своего хозяйства и затрачивает планомерно. Что же происходит во всем народном хозяйстве при существовании того и другого типов народного хозяйства?

Допустим, что в народном хозяйстве имеется 1000 хозяйств первого типа, потребляющих по тысяче рублей—всего 1 милл. руб. и 10 хозяйств второго типа, затрачивающих по 100 тыс. руб.—всего тоже 1 милл. рублей.

Если народное хозяйство затрачивает на удовлетворение потребностей хозяйств того и другого типа два миллиона дней на сумму два миллиона рублей, в том числе и на орудия и средства производства и, таким образом, удовлетворяет потребности хозяйства в указаных нами размерах, то общее построение народного хозяйства будет, сравнительно с изолированным хозяйством, менее рационально. Половина производительных сил общества 1 милл. рабочих дней, затрачи-

ваемых на удовлетворение наиболее настоятельных потребностей тысячи хозяйств, будут затрачены рационально, производительно, потому что по схеме настоятельности потребностей этот труд, так же как и орудия и средства производства этой части национального труда удовлетворяют наиболее настоятельным, необходимым потребностям. Но из второго миллиона трудовых дней, только десять тысяч, удовлетворяющие наиболее настоятельные потребности 10 хозяйств с 100 тысячным бюджетом, с точки зрения национальной затраты труда будут производительными. Остальные 990 тысяч рабочих дней затрачиваются или на удовлетворение менее настоятельных потребностей, или на удовлетворение наиболее настоятельных потребностей, но продуктами, требующими колоссальной затраты труда.

Такого рода построение народного хозяйства было при крепостном праве, когда на тысячу крестьянских хозяйств приходилось до десяти помещичьих хозяйств, затрачивавших огромную часть, около половины труда крепостных, на удовлетворение своих потребностей. Огромное количество дворовой челяди, мастеров, поваров и т. д. обслуживали потребности помещика и хотя они производили ценности, но с точки зрения народного хозяйства их труд был непроизводительным.

Почти половина национального дохода шла на непроизводительное потребление и в результате этого может образоваться хозяйственный застой. Такого типа национальные хозяйства существовали в древних восточных деспотиях, в Индии до прихода туда англичан и т. д.

Совершенно противоположные результаты получились бы в том же национальн. хозяйстве, состоящем из 1000 мелких хозяйств и 10 крупных, если бы личное потребление группы из 10 крупных хозяйств приближалось бы к характеру потребления мелких, а огромный доход, получаемый этими хозяйствами, затрачивался на орудия и средства произвдства для расширенного производства. Такой характер потребления был в период первоначального накопления при капитализме, когда предприниматели, получая большой доход, затрачивали

его не на личное потребление, а на развитие и увеличение производства. К сожалению, этот период продолжается недолго, так как целью накопления капитала частными предпринимателями является их личное потребление, а не интересы народного хозяйства в целом и, по мере накопления капитала, предприниматели увеличивают свое личное потребление, которое из необходимого превращается в непроизводительное. Но для хозяйствующего и потребляющего суб'екта то, что он потребляет, хотя бы это было с об'ективной точки зрения и непроизводительным потреблением, ему лично представляется необходимым, как бедняку кажется необходимым кусок хлеба, который поддерживает его существование.

Таким образом, существует суб'ективная и об'ективная оценка потребления производимых продуктов.

Об'ективная оценка непроизводительного и необходимого потребления определяется состоянием производительных сил данного общества; этим состоянием определяется норма необходимых для наиболее удовлетворительного существования членов общества продуктов; чем выше состояние производительных сил общества, тем большее количество потребностей членов общества возможно было бы удовлетворить при наиболее равномерном распределении потребления.

Суб'ективная оценка потребляющим суб'ектом его потребления определяется его личными покупательными силами, так как с состоянием производительных сил общества никакой потребляющий суб'ект не считается.

Точно также различие между личным и производительным потреблением определяется и суб'ективно и об'ективно.

Для предпринимателя, нанимающего рабочих и оплачивающего их труд, потребление его капитала в виде заработной платы рабочих и его затраты на средства производства, например, на каменный уголь, на сырье, на машины, которые потребляются в производстве, все эти расходы являются производительным потреблением, так как и заработная плата и материалы и машины затрачиваются в производство для получения им прибыли. А предприниматель считает произво-

дительной такую затрату, которая дает ему прибыль. Затраты же на удовлетворение своих личных потребностей он считает личным потреблением, а налоги для удовлетворения общественных потребностей он считает непроизводительной затратой, непроизводительным потреблением. Между тем с общественной об'ективной точки зрения заработная плата идет на личное потребление, а общественные расходы могут быть и производительными и непроизводительными, в зависимости от того, ведут ли они к увеличению общественной продукции или их затрата является прямым минусом для общественного хозяйства, как например, содержание войска, изготовление оружия и т. п.

Один и тот же продукт, в зависимости от характера его потребления может потребляться с об'ективной точки зрения и производительно и непроизводительно Автомобиль, лошадь или вагон, эксплоатируемые одним лицом, потребляются непроизводительно, между тем, как предназначенные для перевозки продуктов, они потребляются производительно, а предназначенные для перевозки массы людей идут на необходимое для общества потребление.

Метельщик улиц, обслуживая город для его оздоровления, делает необходимую работу, между тем, как лакей, обслуживающий одно семейство, занят непроизводительным трудов. Иногда непроизводительность затрат очень трудно уловима, хотя может достигать огромных размеров. Так организация железноделательных заводов там, где нет сырых материалов, ни угля, ни руды, ни железа, благодаря тем или другим обстоятельствам,—например особому покровительству государства, может быть выгодна предпринимателям, если дает прибыль.

Поэтому затрата капитала и труда на это производство кажется производительной. Между тем, перевозка огромного количества сырья на большое расстояние вместо переработки его на месте с точки зрения общественного хозяйства является непроизводительной затратой.

Жилище, в размерах, необходимых по размерам для здорового существования живущих в нем людей,

является предметом необходимого потребления, между тем, как огромный особняк для одной семьи является непроизводительным потреблением.

Картина, купленная частным лицом для частного дома, потребляется, используется менее производительно, чем когда она приобретена музеем, репродуктируется в копиях и делается доступной массе людей. Богатые люди, чтобы иметь предметы, недоступные массе, часто заставляют уничтожать всякую возможность репродукции (покупая статуэтку у художника, заставляют уничтожить оригинал, по которому она отлита), так как иметь предмет, который не могут иметь другие, считается признаком богатства, роскоши и шика.

Таким образом, непроизводительная затрата производительных сил страны, т. е. частичное их разрушение, в конце концов делается целью обогащения,—противоречие, присущее как капитализму, так и предшествующим стадиям развития хозяйства, основанного на рабском труде. Противоречие заключается в том, что производство организуется с целью непроизводительного потребления, которое ведет к разрушению производительных сил.

Мы заметили, что на известной ступени хозяйственного развития цели хозяйствующего суб'екта вступают в противоречие с процессом хозяйственного развития, так как хозяйствующий суб'ект ставит целью организации своего хозяйства непроизводительное потребление, ведущее к разрушению народного хозяйства, если это потребление достигает больших размеров.

Это чрезвычайно важное противоречие является основной причиной, которая на известной ступени капиталистического развития делает капиталистический строй изжившим себя, как было с сословно крепостным строем даже с точки зрения предпринимателя—рачительного хозяина.

В самом деле, если в настоящее время какой-нибудь владелец богатства безумно расточительствует, то современный закон налагает опеку на имущество расточителя, чтобы оно не было растрачено. Но растрата отдельного хозяйства не может нанести значительного ущерба национальному хозяйству, так как растрачивае-

мое богатство отдельного лица в значительной части лишь переходит в руки других лиц. Совершенно к другим последствиям ведет расточение национального дохода, его непроизводительное потребление целым классом, которое владеет национальным богатством. Общественный класс, втягивающий страну в военную авантюру, т. е. в непроизводительную затрату национального дохода, очевидно, не способен распоряжаться имуществом, которым он распоряжается, как тот мот, над которым вводится опека.

Но и каждый отдельный разбогатевший суб'ект, как мы упомянули, неизбежно вступает в противоречие с основным принципом рациональной общественно-хозяйственной деятельности. Когда личный его бюджет в десятки и сотни раз превышает бюджет среднего хозяйства в стране, то целью всей хозяйственной деятельности этого суб'екта делается непроизводительное потребление с точки зрения об'ективно-общественной. Если целью хозяйственной деятельности фабриканта, между прочим, является разведение парка с оленями для охоты, содержание собак, псарей и другой челяди, то с точки зрения народно хозяйственной—это является преступным расхищением национального дохода, так как ведет к сокращению производительного и необходимого потребления и имеет такое же значение для народного хозяйства, как в приведенном выше примере непроизводительное потребление в натуральном хозяйстве. Если, тем не менее, при капиталистическом строе при нормальных условиях эти суб'ективные цели хозяйствующих суб'ектов не ведут к разрушению производительных сил страны, то только потому, что взаимная конкуренция заставляет капиталистов в известной мере ограничивать свое личное потребление.

Тем не менее, размеры непроизводительного потребления в капиталистических странах колоссальны.

В Англии насчитывается около $1^1/_2$ миллиона прислуги, из которых значительная часть обслуживает отдельных лиц или отдельные семьи.

Значительно больше непроизводительно затрачивается на содержание армий и на оружие. Эти затраты являются непроизводительными и вместе с тем необхо-

димыми постольку, поскольку во главе хозяйственной и политической жизни государств стоят классы, занятые наживой внутри страны и склонные к хищнической наживе за счет других стран.

Судьба Лиги Наций является яркой иллюстрацией этого положения. Более сознательные слои буржуазии видят печальные результаты вооруженного мира и еще более печальные результаты войны. Тем не менее, это не может остановить малочисленные, но политически и экономически сильные, общественные группы стремиться к эксплоатации других стран и препятствовать всеобщему разоружению. Хищники Франции обвиняют хищников Германии, хищники Германии обвиняют в том же французов, англичан, американцев и т. д. Все они правы относительно друг друга и только не хотят признать этого по отношению к себе.

Непроизводительное потребление свойственно не только богатым людям, но и беднякам, но лишь в более ограниченных размерах. Потребление спиртных напитков, табаку является одним из видов такого потребления, ничуть в общем не повышающего жизненный уровень потребителей.

Часто непроизводительное потребление более ценных продуктов проистекает из недостаточной организованности хозяйства; так кочевники скотоводы вместо употребления веревок из дешевого материала—пеньки, изготовляют их из ремней, конского волоса и других очень ценных материалов только потому, что недостаточно высоко их оценивают и недостаточно организован обмен и сбыт сырья—с одной стороны и готовых веревочных изделий—с другой.

Резюмируя все сказанное, мы можем назвать в народном хозяйстве, как и в частном, необходимым потреблением такое потребление, которое повышает жизненный уровень массы населения, повышает его работоспособность и производительность его труда.

Производительным потреблением называется целесообразная затрата продуктов на **производство и расширение производства для необходимого потребления.** Непроизводительное ведет к обратным результатам, поглощая часть производительных сил общества, которые

могли быть затрачены производительно на удовлетворение необходимых потребностей.

Не трудно видеть, что с развитием производительных сил непроизводительное потребление может превратиться в необходимое. В бедной стране, в которой население не имеет достаточно необходимых для существования средств, многие предметы комфорта являются роскошью и их потребление является непроизводительным потреблением. При удовлетворении более настоятельных потребностей эти предметы комфорта явятся уже предметами необходимого потребления.

ГЛАВА VIII.

Потребление национального дохода.

Чтобы выяснить значение характера потребления национального дохода, посмотрим, какое изменение в народном хозяйстве воюющих стран произошло за время войны.

Прибыли капиталистов за время войны не только не сократились, но даже увеличились, заработная плата рабочих, во всяком случае, не понизилась. Повидимому, никаких изменений в экономических отношениях не произошло. Между тем, воюющие страны разорились. В чем же дело?

Благодаря сложности современной хозяйственной жизни, последствия войны не были заметны, по крайней мере, в первое время—не только предпринимателям и рабочим, но даже и экономистам. Это подтверждается также тем, что до сих пор и в Западной Европе и России производительные силы воевавших стран продолжают разрушаться, и в настоящее время капиталистический мир не находит выхода из создавшегося положения.

Мы заметили уже, что и для отдельных хозяйствующих суб'ектов и для общественных классов, и для экономистов, наблюдающих народное хозяйство по отношениям между отдельными хозяйствующими суб'ектами не заметно никаких изменений в народном хозяйстве во время войны. Повидимому, нет никакой разницы между тем, производят ли предприниматели плуги и машины, как было до войны, или они производят пушки, ружья и гранаты. Прибыль получается не меньшая, заработная плата также остается прежней, изменился лишь характер производимых продуктов.

Допустим, что вместо плуга во время войны стали производиться пушки. И плуг и пушки не потреб-

ляются непосредственно. Ни то, ни другое не удовлетворяет личных потребностей представителей какого либо класса. Так что и с этой стороны, повидимому, не происходит никаких изменений. Однако, если мы посмотрим на характер потребления плуга и пушки, то увидим существенную разницу. Плуг служит средством производства, орудием для производства хлеба, т. е. получает производительное потребление, между тем, пушка служит средством уничтожения других произведенных продуктов—снарядов,—не говоря уже о том, что она уничтожает своим действием людей, здания и т. д. В одном случае (плуг) продукт труда увеличивает количество производимых продуктов, в другом случае, продукт труда (пушка) в лучшем случае—при бездействии—является непроизводительной затратой труда, не увеличивающей богатства нации.

Но, как предприниматель, сбывающий пушки, так и рабочий, их изготовляющий, получают свои доли, один прибыль, другой—заработную плату, одинаково, как и раньше, когда они изготовляли плуги. Откуда же берется их доля, если производимые ими продукты—пушки, ружья и т. д. не только не прибавляют ни одной единицы к национальному доходу, а, очевидно, производятся в ущерб национальному богатству, так как материал, из которого изготовлена пушка, так же как машины, заработная плата, прибыль предпринимателя и т. д., потреблены без всякой пользы с точки зрения национального хозяйства. И заработная плата и прибыль, и материалы для изготовления пушки взяты из общего национального дохода страны. Поэтому сокращение национального богатства, благодаря производству пушек, для отдельных хозяйствующих суб'ектов не заметно. Только статистическим учетом можно установить, что количество плугов сократилось, что сократилось, благодаря этому, общее производство хлеба, но какого либо изменения хозяйственных отношений и обеднения страны не будет заметно. Прибыли предпринимателей, изготовляющих пушки, могут даже повыситься; поэтому и связь между обеднением страны и усиленным производством пушек установить очень трудно. Когда в Англии стали замечать, что предметов потребления

становится недостаточно, что страна начинает все больше и больше нуждаться в предметах, необходимых для существования, то буржуазия стала обвинять рабов невоздержанности, в том, что они много потребляют, а рабочие обвиняют буржуазию в том, что предприниматели получают слишком большие прибыли. В действительности, потребление рабочих не увеличилось, а сократилось, у предпринимателей же, несмотря на повышенные прибыли, общая сумма реального капитала сократилась, и Англия, несомненно, обеднела. Ни рабочий класс, ни буржуазия, ни экономисты не замечали тех хозяйственных процессов, которые происходили за спинами производителей: процессов общего сокращения производительных сил страны и ее капитала, благодаря изменению характера потребления производимых продуктов.

Каждый общественный класс предполагает, что увеличение его дохода зависит от уменьшения доли другого класса, которая получается из национального дохода. Поэтому рабочий класс полагает, что его заработная плата уменьшилась во время войны, благодаря высоким прибылям предпринимателей, между тем, как последние в свою очередь, об'ясняют уменьшение национального капитала, который находится в их руках, излишним потреблением рабочих и их высокой заработной платой. Заблуждение и тех и других происходит благодаря тому, что общественные классы, занятые борьбой из-за величины своей доли в национальном доходе за счет доли другого класса так же, как и экономисты, не обращают внимания на то, как потребляется национальный доход.

Чтобы составить правильное представление о характере потребления национального дохода, нужно рассматривать не только его распределение между различными классами, как делают и социалисты и их антогонисты, но и распределение между производительным и непроизводительным потреблением. А эта сторона народно-хозяйственной жизни не привлекала внимания ни той, ни другой из борющихся групп. Пока они борятся между собой из-за увеличения своей доли за счет другой, производительные силы продолжают падать.

С точки зрения народно-хозяйственной, а не с точки зрения того или другого класса, производимые народным хозяйством ценности по характеру потребления делятся на три части. Одну часть составляет заработная плата рабочих и предметы личного потребления мелких производителей—крестьян, ремесленников и т. д. Другую часть составляют орудия и средства производства и транспорта в крупных и мелких предприятиях, как в земледелии, так и в индустрии. Наконец, третья часть национального дохода идет или на личное потребление групп населения получающих высокий доход, или на потребление таких групп населения, которые не имеют никакого отношения к сохранению и увеличению народно-хозяйственной продукции: личная прислуга, армия и т. д

Первая часть национального дохода составляет необходимое потребление, без которого невозможно существование производительных классов—крестьян, рабочих, ремесленников, служащих. Эта часть национального дохода существовала и будет существовать на всех стадиях хозяйственного развития, так как ею обеспечивается существование производства и вообще человечества.

Вторая часть национального дохода определяет состояние и рост производительных сил народного хозяйства, так как от размера затрат на орудия и средства производства зависят и размеры продукции и производительность труда в народном хозяйстве.

Эта часть национального дохода в мелких крестьянских и ремесленных хозяйствах поступает в распоряжение самих мелких хозяев, которые и делят полученную ими всю сумму дохода между своим личным потреблением и производительным потреблением на орудия и средства производства.

В крупных капиталистических предприятиях эта часть национального дохода поступает в полное распоряжение капиталистов, которые, затрачивая ее в производство, в зависимости от размеров затраты, расширяют его или сокращают.

Очевидно, что если бы существовали и социалистический строй, то эта доля национального дохода

поступала бы на продолжение и расширение производства, а не на личное потребление производительных классов. Очевидно, также, что чем эта доля больше, тем быстрее должно происходить увеличение продукций и развитие хозяйства.

Наконец, третья часть национального дохода идет на непроизводительное потребление, или непосредственно—класса капиталистов или—через государственную власть, поскольку она затрачивает свой доход на расходы, не увеличивающие продукцию народного хозяйства. Эта доля национального дохода может быть уменьшена не только не в ущерб развитию производительных сил, но как раз в пользу их развития, поскольку ее уменьшение будет содействовать увеличению производительного потребления. Едва ли кто либо может оспаривать, что по характеру потребления национальный доход делится именно на три указанные нами части.

Каждая из трех частей, на которые распадается национальный доход, может быть увеличена, или на счет остальных двух частей, или на счет общего увеличения продукции страны, на счет общего увеличения ее производительных сил.

До сих пор все напряжение классовой борьбы в решении социальной проблемы направлялось первым путем со стороны рабочих и со стороны капиталистов по следующим основаниям:

При капиталистическом строе вторая и третья доля национального дохода, т. е. и та часть, которая идет на производство, и та часть которая идет на производительное потребление, получаются капиталистом, при чем от его усмотрения зависит употребить-ли полученный им доход на личное потребление или в производство. Таким образом, от рабочего ускользает разделение дохода, получаемого капиталистом, на две части, имеющие совершенно противоположное народнохозяйственное значение, ибо затрата одной части ведет к развитию народного хозяйства (орудий и средств производства), между тем, как затрата другой части ведет к совершенно противоположным результатам.

Итак, рабочий не интересуется назначением дохода, полученного капиталистом, между тем он может

увеличить свой заработок только за счет дохода капиталиста и обратно—капиталист может увеличить свой доход за счет доли рабочего.

Так как предприниматель получает две части национального дохода в виде прибыли и затрачивает их по своему усмотрению, то на первый взгляд кажется, что другие классы не могут повлиять на характер потребления этого дохода и, таким образом, представляется невозможным вести борьбу за увеличение своей доли другим путем—путем увеличения народно-хозяйственной продукции, т. е. сокращения непроизводительного потребления и увеличения потребления производительного.

С другой стороны, предприниматель располагая двумя частями национального дохода и затрачивая их по своему усмотрению, не может, исходя из интересов развития народного хозяйства, урезывать свое личное непроизводительное потребление, ибо целью хозяйственной деятельности являются не интересы хозяйственного развития страны, а как раз удовлетворение своих личных потребностей. Поэтому предприниматель заинтересован в том, чтобы ни государство, ни общество не влияли на характер потребления, получаемого предпринимателем дохода; затрачивает он его непроизводительно, или затрачивает в производство—это по его мнению его право, так как он получает доход в свою пользу. Правда все производство страны, все ее производительные силы слабеют от непроизводительного потребления, следовательно, обогащение класса капиталистов задерживается, но, как я заметил, это с одной стороны не замечается, с другой стороны для предпринимателя целью его хозяйственной деятельности является именно непроизводительное потребление, роскошная жизнь.

Внимание общественных классов и экономистов*) не останавливается на характере потребления националь-

*) Непонимание самой проблемы продукции сказывается, например, у Н. Бухарина в книге („Экономика переходного времени"), где автор как раз пытается решить социальную проблему. Автор, давая определение производительных сил общества „поправляет" меня, указывая, что под «производительными силами» общества нужно подразу-

ного дохода еще и потому, что недостаточно и неправильно оценивается значение процесса накопления, т. е. увеличения той доли национального дохода, которая идет на производительное потребление. Эта неправильная оценка процесса накопления создается потому, что накопление средств и орудий производства происходит в замаскированной форме.

мевать не сумму труда и средств производства, а „совокупность рабочих сил" и средств производства. „В этой поправке" и сказывается непонимание проблемы, ибо сумма наличных рабочих сил в обществе и до войны и во время войны, до промышленного кризиса и во время промышленного кризиса будет одинакова, но сумма *прилагаемого* труда в производстве во время войны и во время кризиса сокращается и потому производительные силы падают. Как видим, после 6 лет войны и 4 лет революции, автор все-таки не понимает, что продукция зависит не от суммы рабочих сил в обществе, а от суммы *производительного* труда.

ГЛАВА IX.

Современное понимание социальной проблемы.

1.

В современном капиталистическом строе цель хозяйственной деятельности такова же, как и при других экономических отношенях. Например, в натуральном хозяйстве, или в идеальном социалистическом: удовлетворение потребностей. Это удовлетворение может быть достигнуто при наличности материальных благ, производство которых зависит не только от текущей затраты труда, но и от накопленных в стране орудий и средств производства. В натуральном хозяйстве эта зависимость для всех очевидна. Для того, чтобы получить хлеб, крестьянин должен иметь не только рабочие силы, но и семена для посева, лошадь, орудия производства и т. д. Если в хозяйстве за зиму будут с'едены семена и не будет корма для скота, то он погибнет, если не будет орудий, то невозможен будет и посев, невозможно будет существование хозяйства. То же самое очевидно, и для социалистического общества, которое можно рассматривать, как сложное и огромное натуральное хозяйство, охватывающее целые государства. Часть продуктов труда не может непосредственно потребляться, например семена, орудия и так далее, т. е. часть труда в натуральном хозяйстве должна затрачиваться на производство средств производства. Чем большая доля труда затрачивается на производство средств производства, тем труд производительнее, тем больше можно получить и предметов непосредственного потребления. Это, повидимому, азбучная, очевидная для всякого, истина при современных капиталистических отношениях далеко не так очевидна, а, напротив, даже не видна не только хозяйствующим суб'ектам, но, как увидим, и экономистам.

Если бы в натуральном хозяйстве вместо того чтобы сделать плуг для пахоты, хозяин занялся бы изготовлением фейерверков для увеселения себя и детей, а вместо лошади завел бы забавную обезьяну или комнатных собак, то через некоторый период такого хозяйничанья он вместе с обезьяной и собаками умер бы с голоду.

При капиталистическом строе каждый хозяйствующий суб'ект при производстве продуктов руководствуется не своими потребностями в этих продуктах, а спросом их на рынке.

Например, об'явлена война, вместо плугов требуются пушки, ружья и снаряды. Предприниматель, производивший плуги, переходит к производству ружей и снарядов и его хозяйство от этого не терпит никакого ущерба, также как и его рабочий. Первый продолжает получать нормальную и даже сверхнормальную прибыль, рабочий продолжает получать заработную плату. То же самое и с другими хозяйствами, которые вместо обработки лошадьми земли для посева, займутся перевозкой на этих лошадях военных грузов и т. д. Они так же получат соответствующее вознаграждение и не понесут никакого ущерба, а может быть, напротив, получат большую прибыль. Не только сам предприниматель, но и ученый экономист скажет, что эта перемена выгодна для хозяйства, а так как сумма доходов отдельных хозяйств составляет национальный доход, то народное хозяйство выигрывает от этой перемены

Теперь после войны, экономист, пожалуй, дает более осторожный ответ и поэтому мы возьмем не военный пример. Допустим, что появились среди богатой буржуазии любители фейерверков, обезьян или собак, как в приведенном выше примере. Производители плугов занялись производством фейерверков, а вместо лошадей стали разводиться „выгодные" собаки и обезьяны. Картина получается та же. Если непроизводительное потребление фейерверков, а обезьянами и собаками пищи достигнет таких же размеров, каких достигло непроизводительное потребление во время войны, то такие же результаты получателя и для народ-

ного хозяйства, хотя производители фейерверков будут получать „военную" прибыль. Что приведенный нами пример не фантастический, может служить доказательством потребление в народном хозяйстве Франции до Великой Французской Революции; только там вместо обезьян крестьянские хлеба уничтожались дичью, жившей в парках французской знати. Такого рода хозяйничанье начинает отчасти происходить в капиталистических странах мирного времени, когда магнаты крупного капитала начинают в роскоши подражать старой французской знати. Экономисты в своих трактатах по политической экономии не считают нужным остановиться на этой стороне народно-хозяйственнний жизни, так как во время войны и в мирное время все обстоит благополучно: ведь производитель пушек, так же, как и производители фейерверков, получают надлежащую прибыль; следовательно, народное хозяйство процветает. Только быстрое разорение во время войны показало с очевидностью, что не все благополучно, но в этом случае—нарушающем научное самодовольство, будут выискиваться какие нибудь второстепенные причины. Точно также неудачи социалистических опытов будут об'ясняться различными помехами правильному осуществлению проектируемого строя, а не основной ошибкой в самых основах опыта.—И здесь самыми тяжелыми неудачами трудно разбить сектантское самодовольство, которое пожалуй, прочнее научного. Как мы уже заметили, социальная проблема, теперь особенно остро поставленная жизнью, заключается в следующем: производительные силы капиталистических стран развивались очень быстро и интенсивно. Происходило быстрое обогащение класса капиталистов, увеличивались роскошь и непроизводительное потребление; между тем благосостояние широких народных масс или не улучшалось, или, если и улучшалось в некоторых странах, то очень медленно. Это противоречие,—нищета трудящихся и роскошь бездельников— естественно, вызвала недовольство рабочих масс, а война, сократившая еще более потребление беднейших слоев населения повела к революции—сначала в России, а потом и в других страиах. Перед капиталистическими странами стоит задача

улучшить положение народных масс и произвести соответствующие изменения социальных отношений.

Но пока стоит у власти буржуазия, она в этих притязаниях видит не только покушение на ее право получать доходы в желательных размерах, но и покушение на самую культуру, на развитие хозяйства, если увеличение потребления народных масс будет поглащать и тот капитал (орудия и средства производства), которым обладает буржуазия,—она естественно, не хочет поступаться своим положением.

Рабочий класс со своей стороны вел экономическую борьбу путем организаций и стачек и сделал кое-какие завоевания.

Но сила сопротивления предпринимателей, опирающихся на государство, была так велика, что, как замечено, противоречия капитализма, роскоши и нищеты стали увеличиваться.

Создалась теория, что только социалистический строй, уничтожение капиталистических отношений может улучшить положение рабочих, что только захват власти рабочими, радикально изменивши общественный строй, может устранить указанные противоречия. Формулировку социалистического решения социальной проблемы дал К. Маркс. На ней мы и остановимся.

Критика капиталистического строя, сделанная К. Марксом и другими социалистами, настолько сильна и соответствует действительности, что все попытки многочисленных ученых экономистов бороться и опровергнуть эту критику никаких результатов не дали.

Нельзя того же сказать про положительную часть социальной проблемы, поставленной социалистами. Ни Маркс ни другие социалисты даже не поставили вопроса о том, какие же изменения должны произойти, по их мнению, в народном хозяйстве, чтоб положение народных масс действительно улучшилось, чтобы производительные силы страны не падали, а развивались. Ведь ответ, что орудия и средства производства должны из частных рук перейти в общественную собственность не освещает вопроса о том, какая часть производимых продуктов должна доставаться на долю рабочих, какая часть должна пойти на орудия и средства

производства т. е. на производительное потребление, и, наконец, какую часть, должны получить те общественные группы, которые не заняты непосредственно производством.

Вопрос решается Марксом, как и другими социалистами, весьма просто. Продукт, производимый рабочими, разделяется на две части; одну часть получает рабочий, другую капиталист. Первая часть составляет заработную плату, вторая—прибавочную ценность. Капиталист, имея в своих руках средства производства, эксплоатирует рабочего, имеющего рабочие руки, но не имеющего орудий и средств производства. Пока существует капиталистический строй, рабочий стремится увеличить свою долю, составляющую заработную плату, и, таким образом, уменьшить долю капиталиста, прибавочную ценность, получаемую от эксплоатации рабочего. Кацталист со своей стороны стремится сократить долю рабочего—удлинить рабочий день, увеличить интенсивность труда, чтобы увеличить прибавочную ценность. Избавление от эксплоатации труда капиталом рабочий получит лишь тогда, когда орудия и средства производства сделаются общественной собственностью, т. е. когда рабочие будут сами распоряжаться продуктами своего труда. Анализируя процесс эксплоатации труда, Маркс дает обстоятельную картину процесса накопления капитала. Конкуренция капиталистов побуждает их расширять производство, увеличивать производительность труда путем накопления капитала, превращения части получаемой ими прибавочной ценности в орудия и средства производства.

Таким образом, когда Маркс анализировал социальные отношения, разделение продуктов труда между классом капиталистов и рабочих, он разделял продукт на две части и борьбу между классами ставил в плоскость борьбы за эти доли. Рассматривая же процесс развития капитализма, он указывает, что накопляющийся капитал идет на развитие производства. Но этот процесс накопления он рассматривал лишь с той точки зрения, что накопляющийся капитал идет на усиление эксплоатации рабочего. Маркс рассматривает субъективные цели капиталиста в процессе накопления—стремле-

ние получать еще большую прибавочную ценность и оценивает это правильно констатированное явление также с субъективной точки зрения, как создание рабочим своего собственного ярма. И Маркса и других социалистов совершенно не интересовал характер потребления получаемой капиталистами прибавочной ценности. Из этого вытекал логический ответ при решении социальной проблемы: получаемая капиталистом прибавочная ценность должна оставаться в руках рабочего. Этим и будет уничтожена эксплоатация труда.

В этом социально-экономическом построении трудно увидать роковую ошибку, тем, более, что она целиком унаследована у классической, политической экономии и целиком разделяется теперь всеми экономистами. Для того, чтобы увидеть ошибку в постановке социальной проблемы, нужно вспомнить о значении производительного и непроизводительного потребления, на которое мы указывали в первом отделе. (Законы потребления).

2.

Насколько неправильное представление о значении процесса накопления имеет большинство социалистов, можно заключить из работ, наприм. Каутского, который является комментатором и редактором сочинений Карла Маркса и редактором научного социалистического журнала.

В своей работе „На другой день после социального переворота" К. Каутский, принимая необходимость производства и после революции, пишет следующее (К. Каутский, „На другой день" Русск. пер. изд. 1909 г. стр. 30):

„Существуют различные средства быстро увеличить размеры производства. Важнейшие из них два, которые теперь получили большое значение. Оба они с успехом применяются американскими трестами, у которых мы вообще многому можем научиться по части методов социальной революции. Тресты показывают нам, каким образом можно повысить сразу производительность труда. Достигается это просто тем, что все производство сосредотачивается в наилучше обставлен-

ных в техническом отношении предприятиях, а все остальные, стоящие не на высоте современной техники, совсем закрываются. Например, несколько лет тому назад сахарный трест эксплоатировал из всех заведений, которыми он располагал, только четвертую часть и в этой четверти своих заведений он производил такое же количество продукта, которое раньше производилось во всех.

„Водочный трест приобрел 80 крупных винокуренных заводов и из этих 80 заводов сейчас же прекратил производство на 68, он пустил в ход только 12 винокуренных заводов и на этих 12 заводах стал через короткое время изготовлять виски больше, чем вырабатывалось прежде на 80 заводах. Вот точно таким же образом будет поступать и пролетарский режим, и ему тем легче так действовать, что ему не будет мешать частная собственность. Когда отдельные предприятия составляют частную собственность, браковка более неудовлетворительных из них может совершаться лишь медленно, путем свободной конкуренции Тресты могли немедленно устранить стоящие на низкой ступени предприятия, благодаря тому, что они уничтожали частную собственность на них и сосредотачивали все предприятия в одних руках. Метод, который тресты в состоянии применять лишь в сравнительно небольшой области производства, пролетарский режим имеет возможность распространить на всю область общественного производства, так как он уничтожает всю частную капиталистическую собственность"...

Приходится поражаться наивности представления о мерах к повышению производительности труда, кототорое высказывается Каутским. Из цитированных срок можно заключить, что быстрый рост производительных сил в Соединенных Штатах происходит не благодаря процессу накопления капитала, не благодаря тому, что все большая и большая доля национального дохода, т. е. в конечном счете труда, затрачивается на производство средств производства—машин, огромных фабрик и т. д., а уничтожением мелких предприятий. В действительности, к сожалению, дело обстоит не так просто. Когда накоплен достаточный капитал, в виде

огромных фабрик, на них можно производить с большей производительностью труда те продукты, которые производились в мелких предприятиях. То же количество изделий может производиться меньшим количеством рабочих. Но чтобы выброшенные, излишние теперь, рабочие были заняты, для них нужны также орудия и средства производства, т. е. дальнейшее накопление. Если бы можно было при том же капитале производить втрое, вчетверо больше продуктов, то предприниматели, разумеется, раньше Каутского догадались бы это сделать, чтобы сократить издержки производства и увеличить свою прибыль.

По Каутскому выходит, что только благодаря социальному перевороту,—просто по щучьему велению—производительность труда увеличится при тех же средствах производства в два раза. Курьезное предположение, что в крупных предприятиях производительность труда увеличится, благодаря закрытию мелких предприятий, основано просто на отсутствии представления о значении накопления капитала или—правильнее—дохода. Если бы можно было увеличить продукцию крупных предприятий, без дальнейшего накопления, то для чего дожидаться закрытия мелких предприятий?

Сделавши свой вывод, Каутский продолжает: „Таким образом, общая сумма производства увеличится вдвое против нынешнего; соответственно этому могут и заработные платы увеличиться вдвое,—даже оставляя в стороне всякую конфискацию капитала,—при одновременном сокращении рабочего времени наполовину. Мало того, в некоторых случаях возвышение заработных плат на основании приводимых здесь цифр может быть даже еще больше. Предположим, что из нынешнего годового продукта текстильной промышленности, который мы определили в три миллиарда марок, один миллиард приходится на заработные платы, другой миллиард на возмещение сырья, машин и т. д. и третий на прибыль с капитала. При новом режиме производится в год 6 миллиардов марок. Из них два миллиарда идет на сырье, машины и т. д., один миллиард на вознаграждение экспроприируемых капиталистов и на отправление общественных функций, исполняющихся

до сих пор ими. Остается три миллиарда на заработную плату. Следовательно, заработную плату можно увеличить втрое,—все это без всяких новых заведений, новых машин,—единственно благодаря закрытию фабрик и мастерских и переводу из них рабочих на крупные фабрики".

В другой своей работе: „Аграрный вопрос", Каутский фантазирует таким образом: („Социализм и мелкое производство"): „Социальная" демократия, вместо того, чтобы экспроприировать крестьянина, предоставит в его распоряжение самые усовершенствованные средства производства, совершенно недоступные ему при современных капиталистических условиях".

Нужно полагать, что усовершенствованные средства производства или будут падать с небес, или на их производство будет затрачиваться дополнительный труд, т. е. из национального дохода значительная часть будет затрачиваться на эти средства производства. Но увеличение средств производства, орудий производства приведет ко временному (на значительный период) сокращению предметов непосредственного потребления, ибо производительные силы общества ограничены. Чудес в народно-хозяйственной жизни не бывает и увеличение доли национального дохода, затрачиваемой на производство средств производства, может произойти только за счет сокращения какого нибудь другого вида потребления.

Те же взгляды, что и Каутский, высказывает в одной из своих брошюр Бебель. Итак, один из самых видных теоретиков социализма и другой наиболее выдающийся вождь рабочего движения—оба чрезвычайно просто представляют себе процесс развития производительных сил. Стоит только произвести социальную революцию и явится возможность заменить ручной труд машинным.

3.

Во время русской революции большинство социалистов также полагало рационализировать производство, технически повысить его путем административных распоряжений, путем разрушения мелких малопроизво-

дительных предприятий и организаций взамен их крупного и машинного производства. Все эти утопические воззрения проистекали из неправильной оценки процесса накопления и значения потребления национального дохода. Технический процесс, замена ручного труда машинным не является только результатом изобретательности человеческого ума. С точки зрения народнохозяйственной, всякая машина, заменяющая ручной труд, является результатом накопления национального капитала, т. е. результатом труда, продукты которого не потребляются непосредственно; т. е. появление всякой машины предполагает, что вместо производства предметов личного потребления, требующего определенного количества труда, этот труд затрачен на производство машин; так как на производство машин в свою очередь требуются машины и средства производства, то технический процесс требует большого и постоянного накопления национального капитала. Это значит, что в народном хозяйстве должно соответственно сокращаться личное потребление для того, чтобы, путем этого временного сокращения, увеличить производство и, таким образом, в результате увеличить и личное потребление. Чтобы, например, увеличить количество производимых машин, нужно увеличить количество добываемой руды и каменного угля. Самая постройка металлургических заводов требует от 3 до 5 лет. Имея сырой материал в виде металла и угля, возможно приступить к организации заводов для производства машин. У каких групп населения должно быть сокращено личное потребление, это и составляет сущность социальной проблемы. Таким образом, требуются годы сокращения личного потребления, чтобы мелкое производство заменить крупным, более производительным; нужны целые десятилетия процесса накопления орудий и средств производства,—безразлично, будет ли это производство организовано общественно или оно организуется частными предпринимателями. Крупное производство Соединенных Штатов или Германии было результатом не изобретательности, а процесса накопления капитала в течение десятилетий. Это необходимо было бы, если бы существовал и социалистический

строй. Если бы решение социальной проблемы, иное распределение национального дохода, сократило процесс накопления орудий и средств производства, если бы увеличение потребления рабочих и сокращение рабочего дня повели бы к остановке процесса накопления, т. е. если бы личное потребление поглощало ту долю национального дохода, которая теперь капиталистами накопляется в виде капитала, для расширения производства, —то наступил бы экономический застой или даже регресс и разрушение производительных сил. Таким образом, разрешение социальной проблемы не так просто, как это представляется большинству социалистов, предполагающих сразу организовать крупное машинное производство, уничтожить мелкое производство, значительно сократить рабочий день, значительно повысить норму потребления широких масс и т. д. Все эти предположения неосуществимы за счет сокращения той доли, которая накопляется капиталистами, т. е. идет на расширение производства. Если даже эта доля сохранится и перейдет в руки общества, то темп технического развития остается прежним, потому что он зависит от процесса накопления.

Между тем, как упомянуто,—социальная проблема ставилась только как проблема распределения, при чем предполагалось, что прибыль капиталистов, безразлично идет ли она на накопление или на непроизводительное потребление, должна пойти на потребление неимущих классов, т. е. расширение потребления предполагалось за счет накопления капитала—ибо к таким выводам приводит деление национального дохода на две части: на заработную плату и прибавочную ценность.

Опыт социализации на практике показал, что изложенные соображения правильны. И неудачи опыта зависят вовсе не от того, что Россия отсталая страна.

К таким же результатам привел бы этот опыт и в богатой капиталистической стране, хотя бы его осуществляли идеально практические и добросовестные люди: неудача является неизбежной, потому что самое решение проблемы и ее постановка неправильны, потому что социальная проблема ставится и в Западной Евро-

пе и в России только как проблема распределения, а не как проблема изменения характера потребления национального дохода.

С первого взгляда кажется непонятной необычайная устойчивость капиталистического строя. Ведь, страны с мелким крестьянским хозяйством в демократических государствах, как в Швейцарии XVIII столетия или Соединенных Штатах той же эпохи, повидимому, не должны бы превращаться в капиталистические страны с эксплоатацией большинства населения, с классовой борьбой и т. д. Почему даже Советская Россия, испытывая все отрицательные стороны капитализма с отсталым политическим строем, после того, как образовалось Рабоче-Крестьянское Правительство, в конце концов принуждена была заимствовать его отрицательные стороны, давящие большинство населения. Почему это неизбежно, хотя осуществилась попытка уничтожения капитализма? Единственным об'яснением является то, что из существовавших до сих пор систем организации хозяйства, хотя бы с идеальным распределением дохода, капиталистическая система наиболее интенсивно исполняла основное условие, необходимое для развития хозяйства—накопление орудий и средств производства для расширенного воспроизводства за счет личного потребления. Эту задачу не может осуществить мелкое хозяйство при самом идеальном демократическом строе, эта задача не может осуществиться и после социальной революции, если она не будет осознана широкими массами населения. Между тем, большинством социалистов разрешение социальной проблемы мыслится, как уничтожение процесса накопления.

У наиболее глубокого теоретика социализма К. Маркса есть некоторые теоретические предпосылки, которые давали бы возможность правильной постановки проблемы. К сожалению, эти предпосылки находятся во II томе „Капитала", т. е. в посмертном издании, напечатанном после того как основные программные положения социалистических школ были уже выработаны и внедрялись в головы большинства социалистов, как непререкаемые положения. Поэтому интересный материал даваемый вторым и третьим томами Маркса, не

имел никакого влияния на социалистическое учение, тем более, что там все таки не было анализа производительного и непроизводительного потребления, между тем как без этого невозможна и правильная постановка проблемы.

Наиболее ярким доказательством полного отсутствия представления о значении характера потребления для развития народного хозяйства всех течений социально-политической мысли, начиная от крайних консерваторов до крайних социалистов, служит отсутствие постановки этого вопроса во всех социально-экономических и финансовых программах всех политических партий. Если правые крайние партии не заинтересованы в постановке этой проблемы, то левые партии в своих программах не ставят ее, очевидно, потому, что недостаточно оценивают ее значение.

Выше мы рассматривали отношение к вопросу о производительном и непроизводительном потреблении со стороны партий марксистского направления. Что касается народнического течения социализма, существующего в России, то глубина его незнакомства с этим вопросом не уступает высоте того идеализма, который выявляли представители народнических партий в различные моменты русской истории.

4.

Мы указали, что социалистические партии смотрели на социальную проблему исключительно как на проблему распределения, что необходимость процесса накопления национального капитала не сознавалась точно так же, как не сознавалось значение различного характера потребления. Яркой иллюстрацией этого являются социально-экономические и финансовые программы политических партий. В этих программах со стороны рабочих партий, вполне естественно, выставляются требования, ведущие к улучшению положения рабочего класса, но нет и намека на то, из какой доли национального дохода должно покрываться это улучшение положения большинства или значительной массы населения. Между тем, решение этого вопроса и составляет существо социальной проблемы.

В довоенное время в передовых капиталистических странах, где процесс капиталистического накопления шел очень интенсивно, так как непроизводительное потребление не поглощало всю прибыль капиталистов, рабочим партиям и не приходило в голову, что требования улучшения положения рабочих могут сократить потребление производительное, т. е. задерживать экономическое развитие страны, если не сократить потребление непроизводительное. Этим, по моему мнению, об'ясняется отсутствие в рабочих программах даже напоминания о том, что улучшение положения рабочих должно происходить за счет сокращения потребления непроизводительного.

Сокращение непроизводительного потребления при капиталистическом строе возможно только путем государственных мероприятий, потому что значительную часть национального дохода тратит непроизводительно государство—главным образом, на военные потребности, а также и потому, что только государство, путем государственных мероприятий, может заставить частных предпринимателей тратить свой доход более производительно. Поэтому стремление к сокращению непроизводительного потребления, чтобы на его счет увеличить потребление производительное, а также и заработную плату, могло бы выразиться, главным образом, в программах политических партий, относящихся к области экономической и финансовой политики.

Но ни финансовая наука, ни политические партии к вопросу об организации финансов с этой стороны не подходят. Что касается финансовой науки, то она сводится к искусству взимания налогов и совершенно не ставит вопроса о развитии народного хозяйства в зависимости от расширения или сокращения непроизводительного потребления, как при обложении, так и при расходовании национального дохода. Хотя война, например в Англии, поставила эти вопросы практически в виде временных мер против роскоши, но эти меры диктовались не финансовой наукой,—они были продиктованы экономической необходимостью. Наука в проведении этих мероприятии была невинна.

Несмотря на заключение „всеобщего мира", страны—победительницы продолжали сохранять огромные армии и дальше, повидимому, намерены вооружаться. Финансисты изыскивая меры к улучшению финансов, мало обращают внимания на основную причину экономической разрухи и недостатка предметов потребления —причину, заключающуюся в колоссальном росте непроизводительного потребления, благодаря огромным армиям и вооружениям. После мировой войны человечеству приходится расплачиваться за то, что приготовлялось целыми десятилетиями современного экономического строя, погоней его за внешними рынками при сокращении внутренних. Экономическая наука не только никого не предостерегала, но толкала на этот путь. Те тенденции экономического развития и экономической политики международного соперничества, которые привели к катаклизму, для большинства экономистов продолжают представляться единственно правильным путем, по которому нужно направлять народно хозяйственную жизнь. Еще в 1916 году я писал: Самое ужасное преступление, какое когда либо видел мир, подготовлялось десятилетиями экономической политики европейских стран, которой служила экономическая наука. Она не только поддерживала эту политику (и не только в Германии)—она и теперь остается на той же почве, она и теперь на будущее народного хозяйства смотрит глазами тех, кто подготовил международную бойню.

Переходя к взглядам на экономическую и финансовую политику политических партий левого лагеря, поскольку она выражается в программах, мы видим тот же кругозор, как и в противоположном лагере,— только защищаются противоположные классовые интересы.

Если имущие классы стараются переложить финансовую тяжесть на классы малоимущие, то партия, представляющая последних, выдвигает противоположные требования. Принципиального различия нет. Наиболее популярная финансовая реформа в демократических кругах—единый прогрессивный подоходный налог. К этой реформе сводятся все пожелания демократизма

в области финансовой политики. В этой „программе", конечно, не найти даже намека на стремление повлиять на характер потребления национального дохода, на сокращение непроизводительного личного потребления. Между тем, с точки зрения развития народного хозяйства, возможности улучшения положения трудящихся масс,—которое, как мы указывали, должно происходить за счет сокращения непроизводительного потребления, —имеют первостепенное значение.

Если мы возьмем три хозяйства, получающих дохода каждое по 50 тысяч рублей (на золотую валюту) —модного адвоката, фабриканта и землевладельца, то с точки зрения прогрессивного обложения они являются одинаковыми его об'ектами, так как получают одинаковые суммы дохода.

Допустим, что адвокат, получая свой гонорар, проживает его целиком, то же делает землевладелец, получая ренту, а предприниматель лично потребляет 10 тысяч рублей, а 40 снова затрачивает в производство С точки зрения развития народного хозяйства адвокат и землевладелец потребляют непроизводительно по 50 тысяч, а фабрикант только 10 тысяч, хотя адвокат зарабатывает гонорар личным трудом, а фабрикант имеет рабочих. Прогрессивный подоходный налог не улавливает непроизводительного потребления и только налоги на роскошь, запрещение ввоза предметов роскоши или высокое их обложение могут уловить указанную нами разницу. Эта сторона экономической политики в социалистических программах, как замечено, совершенно отсутствует.

То же самое можно сказать и о других отделах программы социалистических партий. Правда в программах выставляется требование уничтожения постоянных армий—и это можно было бы об'яснить стремлением к сокращению наиболее крупного непроизводительного потребления, если бы в замен постоянных армий не выставлялось требование всеобщего вооружения народа, которое потребует не меньшего,—а может быть и большего—непроизводительного расхода.

Требование национализации тех или иных отраслей промышленности—рудников, верфей, железных

дорог и т. д. точно также не связано с основным экономическим принципом, который должен ставиться для обеспечения развития народного хозяйства.

Требование национализации важнейших отраслей промышленности вытекает из правильного предположения, что доход национализированных предприятий не пойдет на личное непроизводительное потребление предпринимателей. Но и национализация предприятий не гарантирует производительного потребления, получаемого от них дохода. Железные дороги, почта, телеграф, водочно-очистительные заводы в России еще при самодержавном правительстве составляли национальную собственность, но едва ли кто либо решится утверждать, что доходы от этих предприятий получали производительное назначение.

Если эти предприятия перейдут в распоряжение рабочих этих предприятий, то и в таком случае еще нет гарантий, что доход от них не будет потреблен целиком рабочими и служащими, если они будут иметь возможность весь чистый доход затрачивать на заработную плату. А этот соблазн также неизбежен, как стремление у членов кооперации по возможности покупать дешевле продукты в своем кооперативе, хотя бы это повело к крушению кооперации, сокращая, и, во всяком случае, не увеличивая ее оборотный капитал. Судя по той борьбе, отзвуки которой в настоящее время до нас доносятся из Америки и Англии, там в вопросе о национализации некоторых отраслей промышленности еще не стоит проблема сокращения непроизводительного потребления. Рабочие просто, чувствуя тяжесть своего положения, хотят облегчить его, между прочим, и национализацией тех или других отраслей промышленности. Но если проблема сокращения непроизводительного потребления не будет решена, то сама по себе национализация предприятий, давши временное повышение заработной платы в этих предприятиях за счет сокращения прибылей, поведет к остановке накопления национального капитала, т. е. средств производства и к еще большему ухудшению положения рабочих.

Национализация предприятий только тогда может иметь прогрессивное значение, когда она не остановит

и не замедлит процесс накопления национального дохода, когда доход от предприятий будет получать производительное назначение и когда заработная плата рабочих этих предприятий в первые годы будет повышаться лишь за счет непроизводительного потребления национального дохода.

Доказательством того, что эта проблема не ясна ни руководящим кругам английской политической мысли, ни рабочим, видно из того, что борьба против ухудшения положения народных масс и теми и другими направляется против дороговизны и спекуляции непосредственно, а не против основной причины, вызывающей и ухудшение положения народных масс, и дороговизну и спекуляцию.

5.

Выше мы характеризовали понимание проблемы продукции Каутским и другими социалистами. В настоящее время (конец 1920 г.) мы имеем по этому вопросу теоретические соображения Н. Бухарина в его книге „Экономика переходного времени", в которой все решение проблемы изложено в следующих строках: (стр. 102—103 *).

„... Совершенно ясно поэтому, что когда пролетариат приступает к восстановлению процесса воспроизводства, он должен начинать с мобилизации выпавших из производственного процесса сил. Но он не может ограничиваться этим. На первых ступенях развития, когда пролетариату достается в наследство жестоко пострадавший материально-машинный технический остов, особое значение приобретает живая рабочая сила. Поэтому переход **к всеобщей трудовой повинности**, т. е. вдвигание в пролетарски-государственный трудовой процесс и широких **не пролетарских** масс, в первую

*) Я целиком процитировал все, что пишет автор о средствах увеличения продукции, так как это самый важный вопрос при решении социальной проблемы. Из приведенной цитаты видно, что к сказанному Каутским *ничего* не прибавлено.

Что касается других социалистических фракций соц.-демократов и с-ров, то по истечении шести лет войны и революции я все-таки напрасно у них искал хотя бы намека на проблему потребления и продукции.

очередь масс крестьянства (!) является повелительной необходимостью. Создание коллективно-действующей живой массовой производительной силы есть исходный пункт для дальнейшей работы. Наиболее важными сферами труда первоначально являются транспорт, заготовка топлива, сырья и продовольствия. Отсюда начинается восходящая линия развития, которая будет сопровождаться мощным развитием техники. **Отмена** частной собственности на средства производства, отмена патентного „права" и коммерческой тайны, единство плана и т. д. **делают возможным** (!!) переход на электрическую энергию. Если при капитализме частная собственность на землю со всеми ее „дополнениями" (водопады, реки, залежи торфа и пр.) и монополия капиталистических клик страшно тормозило развитие производительных сил и даже в самых развитых капиталистических странах применение электрической энергии, постройка новых силовых станций и проч. натыкались на границы, указываемые частной собственностью, то при господстве пролетариата за период „первоначального социалистического накопления" последует настоящий технический переворот, революция общественно производственной техники. „Век пара—век буржуазии. Век электричества—век социализма"—это совершенно правильная техническая характеристика начальных стадий развивающегося социализма.

Электрификация промышленности, постройка громадных силовых станций, создание могучей транспортной сети в корне перевернет и соотношение между городом и деревней. Она не только будет способствовать превращению раздробленных мелких собственников в общественных работников, она рационализирует и перевернет в корне весь процесс сельско-хозяйственного производства. Примитивные почти варварские орудия она заменит последним словом техники и тем уничтожит основную диспропорциональность капиталистического производства, диспропорциональность между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства".

Как видит читатель, решение вопроса чрезвычайно просто: „отмена частной собственности, патентного

права и т. д... делают возможным переход на электрическую энергию". В свою очередь „электрификация промышленности в корне перевернет и соотношения между городом и деревней", „примитивные, почти варварские орудия она заменит последним словом техники" и т. д. и т. д. Эта „вера в электричество", которое заменит процесс накопления, дает возможность значительно упростить, (конечно в теории, а не в жизни) социальную проблему и игнорировать проблему продукции в миллионах мелких хозяйств, пользующихся в производстве простой сохой, а не электрическими плугами.

В другой своей книжке Н. Бухарин очень пространно и убедительно доказывает преимущества применения машин в сельском хозяйстве, но, к сожалению, и там ни слова не говорится о том, откуда взять эти машины, чтобы заменить ими первобытные сохи, косы и серпы...

Это обывательское представление о том, что „примитивные почти варварские орудия" заменяются электричеством без длительного процесса накопления, т. е. без сокращения в огромных размерах непроизводительного, а так же без относительного сокращения необходимого личного потребления, является чрезвычайно распространенным, так как, повидимому, подтверждается всем опытом капиталистического строя.

Наивное представление о возможности заменить сохи электрическими плугами путем отмены частной собственности, патентного права и т. д. об'ясняется тем, что с частно-хозяйственной точки зрения, господствующей в политической экономии, технический прогресс так же доступен для всего народного хозяйства, как и для отдельного частного капиталистического хозяйства*).

В капиталистической, даже отсталой стране возможно в любой отрасли промышленности оборудовать технически самое совершенное и самое производитель-

*) Более подробный анализ значения процесса накопления и перераспределения производительных сил читатель найдет в моих книгах „Теория развития народного хозяйства" и „Капитализм".

ное предприятие, стоит только произвести и собрать надлежащие орудия и средства производства. Отсюда делается вывод, что это возможно и для всей страны в целом. В России имелись отдельные предприятия технически самые совершенные с основным капиталом в несколько тысяч рублей (считая на деньги на каждого рабочего и с оборотным в десятки и сотни тысяч рублей или по нескольку лет предварительной накопленной работы (считая накопленный труд) на каждого рабочего.

Но это было возможно только потому, что капитал был ими собран из других отраслей промышленности, или долго предварительно накоплялся в той же отрасли при более отсталой технике. Если общая сумма накопленного капитала в стране (орудий и средств производства) равняется 10 миллиардам рублей (или ста миллионам рабочих годов) на 10 милл. рабочих, то на каждого рабочего приходится в среднем по 1000 рублей или по десять лет предварительно накопленного труда. Этот накопленный труд через посредство денег при капитализме может передвигаться из одной отрасли производства в другую и из одних предприятий в другие, но общая его сумма не увеличивается от передвижения.

Например, путем эксплоатации земледельцев капитал может накопляться у капиталиста для того, чтобы построить технически самую совершенную мануфактурную фабрику, или у землевладельца, чтобы ввести электрические плуги и электрическое освещение. Если весь накопляющийся капитал передвигается в эти технически совершенные предприятия, то в других отраслях промышленности, в других предприятиях повышение производительности труда путем технического прогресса делается невозможным, так как сумма накопленного труда в них не увеличивается. Но так как в технически совершенных предприятиях приходится на каждого рабочего в несколько десятков раз больше накопленных орудий и средств производства, то количество таких предприятий и занятых в них рабочих в бедной стране будет ничтожно и может увеличиваться лишь по мере накопления капитала; главная же масса рабочих должна пользоваться примитивными орудиями, тре-

бующими меньшей затраты труда и менее производительными.

Если, допустим, в Соединенных Штатах С. Америки на 10 милл. рабочих накопленного капитала имеется 100 миллардов рублей, т. е. по 10 тыс. рублей на **каждого рабочего** или по 100 лет накопленного труда, то этот накопленный труд и является в виде путей сообщения, орудий и средств производства и т. д. Очевидно, производительность труда каждого рабочего там будет в несколько раз выше, чем в России и большее число рабочих будет занято в технически более совершенных предприятиях.

Здесь я не буду останавливаться на том, каким путем ускоряется и замедляется процесс накопления. Я лишь констатирую, что **технический прогресс находится в зависимости от процесса производительного накопления.** Монополии, патентное право и т. д., содействуя накоплению капитала в руках отдельных лиц, препятствуют вообще накоплению национального капитала, так как в известной степени мешают накопляющемуся капиталу реализоваться в наиболее выгодных для него условиях, потому что дают это преимущество только монополистам; но наивно было бы думать, что изменение формы собственности сам по себе вызовет скачек в развитии техники. Дальше я покажу, при каких условиях происходил и может происходить процесс накопления, а, следовательно, и технический прогресс. Как увидим, определяющее значение имеет характер потребления национального дохода, его производительное потребление. Но законы потребления, распределения и перераспределения производительных сил не только для обывателя, но и для Бухарина terra incognita и поэтому им представляется, что замена первобытной сохи электрическими плугами может производиться очень легко, только путем отмены монополии и патентов.

Прямая зависимость технического прогресса и технического уровня от степени и процесса накопления ведет к тому, что буржуазная Шейцария или С. А. Соединенные Штаты применяют и будут применять электричество в больших размерах, чем социалистическая Россия до тех пор, пока накопление в ней не достиг-

нет такого же уровня. Электрофикация может даже в некоторых случаях мешать развитию производительных сил, поскольку она отвлекает их от более производительного назначения. Это происходит, например, при введении электрического освещения в деревнях, когда незначительное количество имеющихся в России машин и оборудования от производительного их назначения отвлекаются на освещение деревень. Без ясного представления*) о значении различного характера потребления и распределения производительных сил можно с самыми благими намерениями, независимо от партийности, вместо развития производительных сил разрушать их, т. е. попасть не в ту дверь, в которую хотели войти. Во время революции с самого ее начала стремились, по рецепту Каутского, уничтожить мелкое производство и вместо него насадить крупное. Результаты получились обратные: вместо крупного производства насаждается мелкое,—попали не в ту дверь...

Неправильное представление о значении процесса накопления для технического прогресса создается отчасти, благодаря тому, что в некоторых случаях машину менее совершенную, благодаря изобретению, возможно **заменить** более совершенной без дополнительных затрат. Такого рода случаи, имеющие, сравнительно, ничтожное значение, вводят в заблуждение и заставляют предполагать, что вообще без дополнительных затрат, без процесса накопления возможен значительный технический прогресс.

Гораздо большее значение для увеличения продукции без процесса предварительного накопления имеет рационализация производства, т. е. применение новых методов работы, новых материалов и т. д., в особенности в сельском хозяйстве и в химических производствах. Отбор семян, новые методы обработки в земледелии, открытие новых химических процессов могут без дополнительных затрат накопленного капитала увели-

*) Зависимость технического прогресса от процесса накопления трудно усваивается даже кооператорами, так как *частно* хозяйственный опыт противоречит изложенным выше положениям и проекты заменять ручной труд машинным без соответственного накопления будут всегда популярными.... среди невежд.

чить продукцию. Но и для рационализации хозяйства необходимы дополнительные затраты на повышение культурного уровня населения, на его образование, на научные работы и т. д.

6.

Так как теперь особенно много говорят и пишут об электрофикации, то не бесполезно остановиться на этом вопросе и рассеять связанные с нею утопии.

При использовании того или другого механического двигателя руководствуются не только его экономической выгодностью, но и возможностью сделать затраты на **основной и оборотный** капитал. Вообще „даровой" энергии, т. е. энергии движущей машины и не требующей предварительной затраты труда, не бывает. Чтобы получить энергию, нужно сделать затрату капитала при капитализме, а при общественном производстве затрату труда, предварительно, в виде большой единовременной затраты (основной капитал,) при водяном двигателе на тюрбину, на плотину, электрической машины, проводники и т. д., при паровом двигателе,—на паровую машину, здание и т. д. Кроме этих единовременных затрат требуются постоянные затраты во время процесса производства,—ремонт машин, наблюдение и т. д. при водяном двигателе, топливо, работа при машине,—при паровом. Паравой двигатель, обычно, требует больше затрат в самом процессе его эксплоатации, главным образом, на топливо, а **при водяном двигателе требуется больше затрат на основной капитал.**

Если электричество получается от парового двигателя, то пользование силой электричества требует предварительно больше затрат в основной капитал потому, что вместо непосредственного пользования двигательной силой пара, нужно **посредством дополнительных затрат** превратить ее в электрическую энергию. Таким образом, пользование силой пара требует предварительного накопления капитала, как для получения энергии, так и на машины для производства. **Применение электричества требует и большего накопления капитала, так как необходим больший основной капитал.** А накопление может происходить лишь за счет потребления. В отсталых странах в небольших

размерах пользуются паровой силой и еще в более малых размерах электрической энергией потому, что для получения каждой новой единицы энергии требуется большая предварительная затрата труда, чем при ручном труде, хотя, сделавши эту предварительную затрату, общество получает большую экономию в текущих затратах труда, в особенности при использовании „даровых" сил в виде водопадов, ветров и т. д. Те „экономисты", которые рассуждают о преимуществах машинного производства над ручным, электрических двигателей над конными или паровыми гораздо проще и убедительнее могли бы только доказывать преимущества богатой страны над бедной, ибо это одно и то же. Повидимому, значения накопления многие не понимают, так как пропагандировать преимущества электричества, т. е. доказывать, что быть богатым лучше, чем бедным, занятие не особенно глубокомысленное*).

Какие фантастические представления существуют об условиях увеличения продукции, можно судить по следующим цитатам из книжки „Революция электрификация" Кушнера (госуд. издательство), где видна вся глубина... незнания основных положений экономики**).

---

*) Многие инженеры отчасти понимают экономическую утопичность и нецелесообразность планов „электрификации страны", но не выявляют этого, чтобы не потерпеть обвинения в „саботаже". Вероятно, и в этой области опыт будет лучшим учителем.

**) Указавши на полное разрушение производительных сил России, автор пишет:.. нужна промышленность доселе неслыханная. В новых формах, соответствующих небывалому советскому бытию. В размерах настолько грандиозных, насколько величественна предстоящая работа по устроению социалистического общества.

Промышленность такого об'ема, содержания и мощности может быть утверждена лишь на основе всестороннего использования совершеннейших средств и приемов современной техники. Соответственно этому и организационные формы для нее приемлемы лишь наивысшие. Только во всеоружии последних завоеваний цивилизации и человеческого гения разрешим мы вставшую перед нами задачу. Не только малейшая отсталость недопустима, неудовлетворительна даже и точная копия с лучших последних образцов".. „Революционный пролетариат России, первый победивший в борьбе за социализм, первый создал возможность осуществления широко поставленной электрификации в беспредельно обширной стране Двигаться дальше по пути социалистических побед можно, только используя эту возможность

Кроме социальной базы, данной в Советском строе, многое ли нужно еще для проведения в жизнь плана электрификации Р.С.Ф С.Р.?

7.

Социалисты до сих пор обращали внимание на проблему распределения потому, что при развитии капитализма ярче всего бросалось в глаза коренное противоречие между ростом производительных сил, ростом роскоши имущих классов и нищетой населения. При этом вытекающие из анархии капиталистического производства кризисы и перепроизводство товаров показывают, что производство иногда превышает потребление товаров и улучшение положения находящегося в нищете населения, повидимому, возможно не только за счет непроизводительного потребления, но и за счет накопления капитала, так как производится избыток товаров.

К. Маркс именно так и ставит вопрос, об'ясняя перепроизводство и кризисы относительным сокращением потребления рабочих, за счет которого происходит процесс накопления. „Накопляйте, накопляйте,—в том Моисей и пророки",—вот лозунг капиталистической буржуазии, „накопляйте за счет потребления рабочих". Из этого, повидимому, следует логический вывод, что уничтожение язв капитализма требует обратного ло-

---

Нужен сам план—его вырабатывает Гоэльро—Государственная Комиссия по Электрофикации России. Еще нужны упорный правильно организованный труд, материальные средства и время. Труд упорный и организованный есть стихия революционного пролетариата и за этим дело, разумеется, в конце концов не станет. *Материальных средств мы найдем достаточно в нашей неисчерпаемо богатой стране*" Как мало недостает для достижения всеобщего благополучия: плана и „организованного" труда, а „неисчерпаемого богатства" у нас сколько угодно!

Далее автор великодушно снабжает электричеством пустыни Новой Земли, наделяет электричеством якутов, тунгусов и др. инородцев в Якутской области, вспахивает электричеством землю в Европейской России и т. д. и т. д. Можно было бы думать, что автор издевается над обнищавшей страной, считая читателя слишком невежественным и глупым, если бы на брошюре не стоял штемпель „госуд. издательства" и если бы такой же вздор не писался и в газетах и книгах.

„Маленькая ошибка" электрификаторов заключается в том, что „неисчерпаемые богатства" в виде миллиардов пудов драгоценных и недрагоценных минералов, „неисчерпаемых" сил природы и т. д. могут быть взяты только по мере накопления орудий и средств производства, т. е. по мере обогащения страны или предварительного накопления.

зунга: „Расширяйте личное потребление масс за счет накопления". Однако, не трудно увидеть, что развитие производительных сил в виде технического прогресса может быть только в виде накопления или в отдельных хозяйствах, или в руках государства; следовательно, отрицательная сторона капитализма заключается не в процессе накопления; напротив, капиталистический строй сравнительно с феодальным является крупным шагом вперед в процессе хозяйственного развития—именно потому, что конкуренция побуждает капиталиста накоплять. Отрицательная сторона капитализма заключается в том, что накопление капитала происходит в руках частных лиц, в конечном счете для удовлетворения их личных потребностей, т. е. для непроизводительного потребления.

Остановка процесса накопления явится вместе с тем и остановкой технического прогресса. Следовательно, улучшение положения народных масс может происходить не за счет накопления капитала, а за счет непроизводительного потребления. Читая проекты и планы различных социальных реформаторов, всегда наталкиваешься прежде всего на отсутствие правильного представления об экономических возможностях, хотя всем известно, что каждая новая машина есть продукт накопленного труда, отнятого от производства предметов непосредственного потребления. Когда проэктируются „рациональные" хозяйства по последнему слову техники, снабжение крестьян машинами и т. д., то ясно видно, что процесс накопления, происходивший в течение десятилетий, предполагается заменить выдумкой, которая не создает ни одной машины. Большинство социалистов упускает из виду, что каждая новая машина, каждое орудие производства могут быть созданы путем накопления, путем сокращения или необходимого, или непроизводительного потребления.

Если же процесс накопления необходим и должен быть восстановлен, то расширение потребления народных масс может происходить лишь за счет непроизводительного потребления. Правда, расширение массового потребления даже может содействовать техническому прогрессу, так как требует и массового производства,

но лишь при одном условии,—если это массовое потребление, расширяется только за счет непроизводительного потребления и не останавливает процесса накопления. Это одинаково относится и к капиталистическому и социалистическому строю.

Обычно непроизводительное потребление понимается, только как потребление предметов роскоши и потребление бездельников. Но как будет видно из дальнейшего, и при социалистическом строе может быть колоссальное непроизводительное потребление, хотя бы все работоспособные люди и были заняты трудом. Следовательно, если будет непроизводительное потребление, хотя бы в других формах, но в таких же размерах, как при капитализме, то положение рабочих масс не улучшится. Ибо общая сумма продуктов может увеличиться лишь при соответственном увеличении производительного потребления. Как увидим, в Советской России до сих пор произошло лишь изменение форм непроизводительного потребления и оно не сократилось. А при таких условиях и улучшение положения рабочих масс невозможно, пока не произойдет сокращение непроизводительного потребления и не начнется процесс накопления средств производства.

Благодаря тому, что социалисты видели задачу борьбы рабочего класса в сокращении доли прибавочной ценности, которая получается капиталистами, они и ставили в классовой борьбе эту задачу: боротья против таких форм заработной платы, которые увеличивают продукцию рабочего. Казалось, что если увеличится продукция каждого рабочего, то это поведет лишь к увеличению количества безработных, а не к увеличению общей продукции страны. Кроме того увеличение продукции увеличивает прибыль капиталистов и выгодно им. Но такое же представление о значении увеличения продукции имели рабочие и тогда, когда разрушали машины. И рабочие и социалисты в конце концов поняли, что увеличение продукции, благодаря машинам, вовсе не является вредным для рабочего класса в целом, а, напротив, является полезным.

Не трудно, однако, сообразить, что увеличение продукции рабочего, благодаря другой форме заработ

ной платы, или благодаря тейлоризаций труда имеет такое же **экономическое** значение, как и введение машины. Существенная разница заключается в том, что увеличение продукции рабочего может происходить за счет его физического и нравственного здоровья, т. е. за счет расхищения рабочей силы капиталистом, который не заинтересован в ее сохранении. Поэтому сокращение рабочего дня и напряжения труда рабочего при увеличении продукции является необходимым противовесом усиленной эксплоатации рабочей силы. Таким образом, и сокращение рабочего времени, чтобы не разрушать производительных сил страны, должно быть тесно связано с увеличением ее продукции т. е. длина рабочего дня определяется состоянием производительных сил или степенью накопления капитала. Следовательно, **сокращение рабочего дня так же, как и повышение реальной заработной платы, может происходить за счет сокращения непроизводительного потребления национального дохода и за счет увеличения продукции***).

С этой стороны вопрос о формах заработной платы и о рабочем времени социалистами не рассматривался и „сознательные" рабочие были подготовлены к тому, что социальная революция даст возможность и сократить рабочее время и уменьшить интенсивность труда, так же, как были подготовлены и к тому, чтобы бороться со всеми формами заработной платы, увеличивающими производительность рабочего (установление максимума выработки и т. д.) Последствия этого для всех очевидны, но причины едва ли и в настоящее время достаточно понятны. По крайней мере, установление минимума заработной платы, без всякой связи с производительностью рабочего, показывает, что проблема продукции не понимается. Если производится 10 единиц продукта, а потребляется 12, (зараб. плата—8, производит. потребление—2 и непроизводительное—2), то производительные силы будут падать, пока не увеличится продукция до 12, или не исчезнет непроизводительное потребле-

*) Это элементарно, тем не менее необходимость связать высоту заработной платы и длину рабочего дня с производительностью труда, *т. е.* со степенью накопления капитала и характером потребления национального дохода, повидимому, усваивается с трудом.

ние, или пока не сократится заработная плата. Рабочие, конечно, заинтересованы в сокращении непроизводительного потребления, и могут за его счет повышать заработную плату, но ясно, что минимум заработной платы должен находиться в зависимости от продукции: в Соед. Штатах он должет быть выше, чем во Франции, во Франции выше, чем в России и т. д.; т. е. он определяется не потребностями людей (русский ничем не хуже американца и имеет такое же право на удовлетворение таких же потребностей), а продукцией страны. Если минимум превышает ее, производительные силы страны будут падать. Поэтому повышение заработной платы и сокращение рабоч-го дня и может происходить при повышении продукции или сокращении непроизводительного потребления.

8.

На первый взгляд кажется, что социалистические партии успели учесть шестилетний опыт войны и революции и уяснить себе причины, вызвавшие падение производительных сил за истекшее время. Однако, при рассмотрении различных тезисов и программ, выработанных за этот период различными социалистическими партиями, видно, что это далеко не так. Правда, и социал-демократы и социал-революционеры теперь по каждому случаю говорят о необходимости развития производительных сил и критикуют с этой точки зрения те или другие мероприятия Советской власти, но за этой критикой совершенно не видно правильного понимания проблемы продукции. Так, в резолюции фракции Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков), внесенной на III всер. с'езде проф. союзов „констатируется", „что падение производительности труда и уменьшение числа квалифицированных рабочих вызывается сейчас не недостаточностью принудительных мер, а тяжелым продовольственным положением рабочих и неудовлетворительной тарифной политикой. С'езд считает, что сколько нибудь длительное и прочное возрождение промышленности и увеличение производительности невозможно без создания продовольственного и продуктового фондов снабжения рабочих и без изменения тарифной

политики в сторону обеспечения хотя бы минимальных средств к существованию". Во всем сборнике резолюций и тезисов центральн. комитета Рос. Соц. Дем. Раб. Пар. и партийных совещаний читатель ничего не найдет по вопросу о проблеме продукции, кроме фраз в виде изложенных и следующих: „Пути к поднятию производительности труда с.-демократия ищет... как и средств к постепенному социалистическому преобразованию общественных отношений в под'еме рабочей самодеятельности, в развитии самостоятельных классовых организаций пролетариата, в улучшении его материального положения и в активном участии рабочих организаций в деле восстановления промышленности".

Итак, „средства к под'ему промышленности" чрезвычайно просты: „правильная тарифная политика" и развитие самодеятельности рабочих. А „правильная тарифная политика" основывается на следующих началах: необходимо создание продовольственного и продуктового фонда снабжения рабочих. Заработная плата должна приближаться к реальному прожиточному минимуму; нужно установление твердых норм выработки и **уничтожение системы поощрения.** Сами рабочие через профсоюзы, участвуя в организации производства, будут устанавливать твердые нормы выработки *).

*) Я не осмелюсь утверждать, что меньшевики заблуждались и заблуждаются. Хотя, обычно, наиболее невежественные люди бывают и наиболее самоуверенными, но в области экономики, и политики трудно определить, у кого больше самоуверенности: ни меньшвики, ни с-ры, ни коммунисты, ни ка-деты, ни правые ни левые никогда не ошибаются. Если и изменяются их действия, то потому, что „изменились обстоятелества". Если четыре года тому назад, сохранение производительных сил не было задачей рабочего класса, а теперь составляет основную задачу, то потому, что „изменились обстоятельства". Если тогда оборонять страну от иностранного капитала не следовало, а теперь нужно оборонять даже Дальний Восток, то потому, что „изменились обстоятельства". Если правые возмущаются жестокостью коммунистов, то когда они были у власти, эта жестокость оказывалась „необходимой", потому что „изменились обстоятельства". Если меньшевики, эс-ры, кадеты и т. д. чему нибудь научатся, то все это будет об'ясняться „переменой обстоятельств", а не прошлыми ошибками. Если бы такого об'яснения не было, то было бы слишком мало элементов веры, которая для всех является удобным орудием не только побивать других. но и обманывать самих себя. Чтобы книга не была об'явлена всеми партиями вредной, нужно признать, что все они никогда не ошибались и не ошибаются. Зачем отнимать последнее утешение?

Из этих тезисов, излагающих меры к под'ему промышленности, видно, что социал-демократы меньше вынесли из опыта революции, чем коммунисты. Конечно, правильно, что для обеспечения рабочих должен существовать продовольственный фонд. Но для получения этого фонда нужна продукция, чтобы дать крестьянам изделия в обмен за продукты. **Ведь этот фонд и сокращался благодаря тому, что продукты потреблялись, а в обмен за них производилось все меньше и меньше.** По существу проблема продукции решается Ц. К. социал-демократии весьма просто. нужно увеличить потребление рабочих и уничтожить систему поощрения. Что падение продукции является результатом как раз роста необходимого, личного и непроизводительного потребления за счет производства орудий и средств производства, т. е. за счет производительного потребления,—на это нет и намека; что само по себе увеличение пайка, вследствие естественного стремления каждого человека к экономии своей энергии, не ведет еще к повышению продукции, если рабочий не видит в этом увеличении непосредственной выгоды, —это, конечно, не приходит в голову. Поэтому мероприятия, рекомендуемые Ц. К социал-демократов, и сводятся к тому, что псслужило одной из причин падения продукции: к относительному увеличению личного потребления*) за счет производительного. Но увеличение потребления само по себе не есть увеличение продукции и не ведет неизбежно к нему. Проблема продукции и сводится к тому, **каким образом повысить продукцию, чтобы возможно было все большее и большее увеличение личного потребления**, ибо всякому ясно, что целью продукции должно быть удовлетворение потребностей, т. е. личное потребление. На вопрос, как увеличить продукцию, чтобы повысить личное потребление, дается ответ: нужно увеличить личное потребление, а система поощрения с целью **увеличения продукции** должна быть уничтожена, как система, ведущая „к истощению рабочей силы". Конечно, такого рода программа должна нравиться рабочим, так как она поощряет по-

*) Абсолютно потребление рабочих сократилось именно благодаря тому, что продукция сократилась в еще больших размерах.

требление, а не продукцию, но она вместе с тем показывает, что и до сих пор перед Ц. К. социал-демократов социальная проблема стоит только, как проблема распределения, как перед коммунистами в 1917—18 годах, а проблема продукции остается словесным украшением, за которым нет никакого содержания. Поэтому все содержание различных резолюций с. д. сводится к критике советской политики, к вопросам о тактике, о диктатуре пролетариата, о зрелости и незрелости России для социального переворота и т. д., а об основном вопросе социальной проблемы, о вопросе продукции имеются только изложенные выше положения.

Не лучше обстоит дело и у социалистов-революционеров, с новым проектом программы которых я только что ознакомился. Правда, во введении к программе есть общее положение, что задача продукции стоит впереди проблемы распределения, так как без производства нечего было бы и распределять, но, начавши с этой общей для всех молитвы, проект дальше совершенно забывает о ней. Вся программа по существу сводится к сложной демократизации управления предприятиями, к уравнительному землепользованию без всякой попытки анализа, как это повлияет на продукцию и на увеличение или сокращение производительного потребления. Например, управление промышленными предприятиями должно быть по новому проекту программы партии с.-рев. предоставлено коллегиям, в которые входят кроме производителей рабочих и потребители. До сих пор рабочие агитировались таким образом, чтобы ими потреблялось по возможности больше и процесс накопления уничтожался во время революции с этого конца. Соц.-революционеры предлагают провести разрушение производительных сил и с другого конца, со стороны потребителей, ибо последние стремятся увеличить личное потребление за счет накопления орудий и средств производства (См П. Маслов, „Кооперация и народное хозяйство"). Таким образом, все социалистические партии, как увидим, и промышленники считают нужным упомянуть, что проблема продукции чрезвычайно важная проблема, но когда переходят к программам и практическим мероприятиям, то соци-

альная проблема сводится исключительно к проблеме распределения. Читатель напрасно стал бы искать разгадки того, почему **главное условие** возрождения промышленности—„это участие рабочих организаций, в особенности, профсоюзов, в руководстве организацией промышленности", как утверждает резолюция с.-демократов. Опыт участия рабочих в организации промышленности уже имеется, но он показал, что решение проблемы не так просто, как он рисовался прежде. Между тем, и социал-демократы и социалисты-революционеры проблему продукции решают только введением коллективного управления предприятиями. Немногому же научил этот опыт!

Коммунизм как раз начал в 1917 году с такого решения социальной проблемы, которое предлагают с-ры и социал-демократы через 2—3 года опыта,—с увеличения личного потребления, но коммунизм опытом управления пришел к признанию необходимости увеличения продукции, хотя бы путем интенсификации труда. Насколько правильны методы увеличения продукции и возможно ли оно без сокращения непроизводительного потребления,—об этом я скажу дальше, но во всяком случае другие социалистические партии не осознали и до сих пор причин падения производительных сил, так же, как и рабочая масса. Поэтому у рабочей массы и до сих пор будет иметь успех те, кто будет отстаивать расширение личного потребления за счет производительного, так как уровень „сознательности" рабочего определяется уровнем понимания социальной проблемы верхами партий, которое мы характеризовали выше.

До войны и революции социализм не наталкивался на острое противоречие непосредственных интересов рабочего класса с интересами развития производительных сил, потому, что, несмотря на огромное непроизводительное потребление национального дохода, процесс накопления в капиталистических странах происходил довольно интенсивно. Рабочий класс не был настолько силен, чтобы его борьба за непосредственное улучшение своего положения могла остановить процесс накопления и развития производительных сил. Поэтому все напряжение борьбы направлялось не против непро-

изводительного потребления, а на непосредственное увеличение своей доли в национальном доходе. Эксплоатация рабочего класса, в особенности некоторых его категорий,—была так велика, расхищение рабочей силы было так интенсивно, что интересы самосохранения заставляли все силы направлять в сторону экономической борьбы. Ошибка **политических** партий рабочего класса заключалась лишь в том, что всю силу **политической** борьбы они не направляли в сторону сокращения непроизводительного потребления, чтобы расчистить путь для дальнейших завоеваний трудящихся масс и для дальнейшего развития производительных сил. **Было бы глубоким заблуждением делать обратный вывод, что усиленная и безграничная эксплоатация рабочей силы является лучшим орудием для развития производительных сил, ибо капиталистический строй не гарантирует народное хозяйство от безграничного непроизводительного потребления, как это и показал пример мировой войны.**

Но, с другой стороны, при падении производительных сил продукция рабочих понижается, понижается и уровень их заработной платы; поэтому улучшение положения рабочего класса в таких условиях может происходить лишь за счет сокращения непроизводительного потребления, и за счет интенсивности труда, так как он не может происходить за счет технического прогресса, пока не начнется процесс накопления, которым определяется техника народного хозяйства. Поэтому ошибки социалистов до войны имели меньшее практическое значение, чем теперь, когда от политики рабочего класса и направления его борьбы зависит развитие народного хозяйства и судьбы самого класса. Теперь от возможности накопления национального дохода зависит самая возможность экономического улучшения положения рабочего, ибо процесс накопления во многих странах остановился, благодаря непроизводительному потреблению. Стоит дилемма **или** необходимости резкого сокращения потребления, **или** увеличения продукции путем интенсификации труда. Рабочие, конечно, заинтересованы в сокращении непроизводительного, а не необходимого потребления.

Не смотря на огромный опыт войны и революции, встречается не так много продуктов программного творчества. Кроме рассмотренных нами резолюций и проэкта программы, можно указать на статьи В. Чернова, („К пересмотру программы"), любопытные лишь как образец ограниченного самодовольства, которое после опыта, казалось бы, должно было сократиться.

В докладе по пересмотру партийной программы Виктор Чернов пишет: „Большевизм подхватил, **похитив у партии С. Р. не только лозунги аграрного социализма вплоть** до социализации земли (на практике извращенной в бюрократическую национализацию), но и лозунг федерализма". Прежде в полемике с народниками мне приходилось указывать, что уравнительное землепользование (социализация) и неизбежно вытекающая, из него „уравнительность" крестьянского хозяйства, приведет к равенству крестьянской нищеты. Поскольку коммунизм „похитил" лозунги с-ров и провел их в жизнь, постольку крестьянское хозяйство и было разрушено. Опыт уже заставил власть отказываться от дальнейшего проведения нивеллировки по крестьянской нищете. Но В. Чернов непоколебим, так как „лозунг" проводили другие и так как, по мнению автора, коммунизм „на практике извратил" спасительный лозунг. В результате же социализации В. Чернов видит огромный успех: „Увеличение крестьянского земельного фонда уже теперь сделало в деревне почти безнадежным делом пользование наемным трудом: до такой степени он стал редок и дорог. Я уже не говорю о большевистской политике „сбивания головок у всех травинок, выросших выше других".

„Крестьянская масса одних и тех же районов в общем и целом весьма однородна. Она скорее нивеллируется, чем дифференцируется; беда лишь (!) в том, что **этот процесс ныне опять превращается в нивеллирование к низшему уровню—удовлетворения minimum'а потребностей**". Читатель видит, что В. Чернов и п. с. р. никогда не ошибались. Если нивеллировка привела к низшему уровню, к удовлетворению минимума потребностей, то в этом виноваты коммунисты, которые не так провели эту нивеллировку, как это сделал бы

В. Чернов и с-ры. В. Чернов даже указывает и „метод“ провести уравнительность. Применение „метода“ заключается в том, „чтобы сделать **невыгодным** накопление сверхнадельных излишков, чтобы вызвать **отказ** от них (курсив автора) и, таким образом, **создавать свободный фонд** для непосредственного применения в уравнительных целях.... **И только**“. Если принять во внимание, что, благодаря сокращению посевной площади, вызванной отказом не только от сверхнадельных но и надельных „излишков“, фонд желательный для В. Чернова превышает все его пожелания, то станет ясно, что „аграрный социализм“ с-ров проведен полностью, а „фонд“ создан самими крестьянами и теперь советская власть озабочена (в целях сохранения города и какой нибудь культуры) тем, чтобы как нибудь избавиться от с-ровского „аграрного социализма“ и от „свободного фонда“, созданного „отказом от излишков“ и от сокращения, благодаря этому, посевной площади *). Конечно, ошибались не вожди с-ров, а ошибались коммунисты, крестьяне, наконец, ошибается сама жизнь, если она приводит к результатам, противоположным тем целям, для которых придумывались „лозунги“. Тем хуже для жизни, которая не укладывается в красивые лозунги, тем хуже для народа, который впадает в нищету от их проведения: ведь распределение стало более равномерным! Не менее бодрящие выводы получаются им и от взгляда на состояние промышленности. „Именно крайняя разруха индустрии сделает для самих капиталистов невозможным возродить ее без руководящей помощи государства“. Только грубые материалисты полагают, что обнищание—плохая почва для социального рая; автор же полагает, очевидно, что с милой программой с-ров „будет рай и в шалаше“...

9.

Как результат огромного непроизводительного потребления национального дохода во время войны, тре-

*) Нужно признать, что приведенные в цитатах образцы плохого мышления принадлежат только их автору и, как это ни странно, члены партии стоят выше своего лидера может быть потому, что самодовольство плохой помощник разуму

бовавшего колоссальных затрат, явился недостаток продуктов и их вздорожание не только по отношению к бумажным деньгам, но и к золоту. Это вздорожание об'ясняется и социалистами и правящими классами, главным образом, спекуляцией.

Например, в Англии представители рабочих об'ясняют дороговизну и плохое положение рабочих, связанное с нею, недостаточно энергичной борьбой правительства со спекуляцией. Это об'яснение дороговизны опять таки указывает на непонимание значения непроизводительного потребления.

В действительности, благодаря огромным непроизводительным затратам труда и капитала, на военные потребности, продолжающимся в Англии и в настоящее время, так же, как и во всем мире производство сырья (каменного угля, сельских продуктов и т. п.) и орудий производства значительно сократилось. Каждый день отсрочки всеобщего разоружения сокращает мировое производство предметов непосредственного потребления и средств производства и, таким образом, обостряет мировой кризис. Предприниматели, имеющие в Англии или Соединенных Штатах оружейные заводы, разумеется, продолжают получать прибыль, как и рабочие заработную плату, но общая сумма продукций сокращается, благодаря непроизводительным затратам. Недостаток продуктов выражается в повышении цен. Рабочие, естественно, требуют повышения заработной платы, чтобы обеспечить свое сушествование, но так как общая сумма продукции не повышается, то цены скачут еще выше. Если раньше до войны на каждую душу производилось 20 пудов хлеба и 200 пудов угля, и если продукция сократилась до 10 пудов хлеба и 100 пудов угля, то как бы ни изменились цены, потребление должно сократиться, если не увеличится продукция. Конечно, зарабатная плата некоторых категорий рабочих может повыситься, но пока не увеличится продукция за счет неппроизводительного потребления, до тех пор положение народных масс будет тяжкое. Это, повидимому, еще не сознается рабочими массами, требование которых сводится только к повышению заработной платы.

С другой стороны трудно решить, чем руководствовался тот представитель государственной власти в Англии, который высчитывал „убытки нации от забастовки углекопов", забывая, что несколько дней империалистической политики Англии стоют нации дороже, чем самая продолжительная забастовка. С обывательской точки зрения изготовление предметов вооружения „выгодно" для страны, так как дает предпринимателям прибыль, а рабочим заработную плату. Мы уже достаточно раз'яснили, что в результате такой продукции сокращаются средства производства и производство предметов потребления. Западная Европа вопиет о недостатке угля, сырья, пищи и продолжает делать непроизводительные затраты, ведущие к дальнейшему сокращению производства.

На первый взгляд кажется очень парадоксальным наш вывод, что развитие производства для не производительного потребления сокращает продукцию каждой страны и всего мира, но после анализа, сделанного мною в предыдущих главах, он вполне понятен.

Итак, сокращение средств производства и продукции предметов массового потребления, вызванное войной, повело к их недостатку и вздорожанию. Естественно, что это вызвало спекуляцию и, естественно так же, что никакая борьба со спекуляцией не увеличит продукции и не устранит ни спекуляции ни бедствий, связанных с недостатком продуктов.

Если же продуктов производства недостаточно, то как бы ни повышалась заработная плата, потребление их не может увеличиться—напротив, даже при неизменной заработной плате, но при сокращении непроизводительного потребления, реальная заработная плата, т. е. плата, выраженная в продуктах, повысится, так как это сокращение поведет к увеличению продукции и к удешевлению предметов потребления*), вследствие технического прогресса. Война дала настолько наглядный урок в доказательство изложенных положений, что новых доказательств не требуется. Оче-

*) Разумеется, если рабочие не будут отстаивать свое положение, то это поведет к понижению заработной платы.

видно, не только разрешение социальной проблемы, но и разрешение современного кризиса, вызванного недостатком сырья, возможно не столько изменением распределения продуктов, хотя оно имеет огромное значение, как средство устранения социальной несправедливости, а сокращением непроизводительного потребления и расширением потребления производительного т. е. накопления орудий и средств производства.

Из изложенных нами соображений уже можно сделать целый ряд весьма важных выводов.

1) Было бы ошибкой регулирование потребления в смысле его демократизации, к которому стремятся социалистические партии, противоставлять процессу накопления национального капитала и развитию производительных сил, но необходимо известное подчинение первой задачи последней, так как только развитие производительных сил общества может обеспечить его благосостояние в целом.

2) Таможенная, финансовая и вообще экономическая политика при капиталистическом строе должна толкаться в сторону максимального сокращения непроизводительного потребления национального дохода. Национализация той или иной отрасли промышленности может повести к развитию производительных сил, если государство будет ставить эту, а не фискальную цель.

3) Лучшей формой более производительного потребления национального дохода в условиях частнохозяйственных является организация кооперативного обмена и производства, так как накопляющийся капитал идет исключительно на производительное потребление.

Но накоплению кооперативного капитала имеются значительные препятствия, в лице самих членов кооперации, препятствия, на которые я указал в моей книжке „Народное хозяйство и кооперация“. Главное из этих препятствий заключается в стремлении членов кооперации получать продукты настолько дешевле рыночных цен, что может задержаться процесс накопления кооперативного капитала.

Так как социалисты недостаточно оценивали значение процесса накопления, т. е производительного потребления, то и значение кооперации с этой стороны ими также недостаточно и неправильно оценивалось. На кооперацию смотрят исключительно как на средство получать более дешевые продукты, т. е. как на паллиатив к улучшению положения народных масс, а не как на средство наиболее рационального и радикального сокращения непроизводительного потребления и не как на средства накопления.

Недавно в печати появилось сообщение из Англии об об'единении кооперации с профессиональными союзами, давшее огромный размах и капиталы кооперативам. Если это сообщение правильно, то оно указывает на чрезвычайно важный шаг, сделанный по пути рационализации народного хозяйства и на правильность пути, намечаемого английской демократией.

В настоящей экономической борьбе английской кооперации с крупными промышленными союзами само собой выяснится значение производительного накопления кооперативного капитала, а, следовательно, сокращения непроизводительного потребления национального дохода.

4) Программы социалистических партий неудовлетворительны, в том отношении, что они пред'являют требования исключительно в области распределения национального дохода. Эти требования не достигнут цели, если их осуществление поведет к задержке процесса накопления национального капитала. Требование улучшения положения народных масс должны исходить из соответственного сокращения непроизводительного потребления национального дохода. В этом направлении должны быть изменены экономические и финансовые программы.

В более производительном потреблении национального дохода заинтересованы также крестьянские массы и с этой стороны интересы различных групп демократии тождественные.

ГЛАВА X.

Значение проблемы потребления.

Мы указывали, что для экономической науки и для социалистов значение законов потребления, влияние их на состояние и развитие производительных сил, было неясно и непонятно; поэтому теоретически было не об'яснимо то противоречие, о котором я уже упоминал: во время войны прибыли предпринимателей повысились и тем не менее в воюющих странах буржуазия в целом разорялась, капитал в ее руках не только не увеличивался, но быстро сокращался. Сократились не только запасы товаров, но и орудия производства и средства передвижения, т. е. вообще весь реальный капитал, кроме денежных знаков.

Если мы будем искать разгадки этого явления в теоретическом анализе буржуазных или социалистических писателей, то мы там не найдем удовлетворительного об'яснения этого явления

Беру „Курс политической экономии" А. Богданова и И. Степанова, выпущенный после русской революции. Авторы приводят следующее определение К. Марксом производительного труда: „Капиталистическое производство,—говорит он—есть не только производство товаров, но по самому существу своему есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость, или способствует самовозрастанию стоимости капитала. Так напр., школьный учитель, если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, является производительным рабочим, когда он обрабатывает не только детские

головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения капиталиста. Вложит ли этот последний свой капитал в кожевенное или в колбасное производство, от этого рассматриваемое отношение нисколько не изменится. Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически—общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала". Цитируя приведенные слова К. Маркса, авторы резюмируют. „в конечном итоге, разделение полезного общественного труда на „производительный" и „непроизводительный" следует отвергнуть, как бесплодное усложнение, способное только запутать анализ. Всякий труд, удовлетворяющий общественную потребность и, следовательно, об'ективно нужный для данной экономической системы, должен быть признан производительным, противопоставлять ему надо только социально-бездеятельное существование и разрушительный труд, общественный паразитизм и антисоциальную активность" (т. II, стр. 14—17). Итак, непроизводительный труд,—это деятельность бездельников и разрушительная деятельность армии. Мы видим, что с изложенной точки зрения все виды труда, кроме прямого разрушения, являются производительными. Подходя с такого рода анализом к народному хозяйству воюющих стран и вообще к народному хозяйству, в котором огромная доля труда затрачивается „производительно" для „непроизводительного" потребрения, нельзя об'яснить падение его производительных сил и сокращение капитала в руках капиталистов.

Рабочие, изготовляющие оружие и снаряжение для армии заняты „производительным" трудом. Рабочие, изготовляющие предметы роскоши и все лица, удовлетворяющие потребность роскоши, также заняты производительным трудом Производство оружия и предметов военного снаряжения, также как и производство предметов роскоши, дает одинаковую прибыль, как и производство средств происводства.

Очевидно, подходя к народному хозяйству с тем анализом, который мы цитировали, нельзя об'яснить процесса падения производительных сил в капиталистическом о-ве. Получение прибыли отдельными предпринимателями и сумма их прибылей, выраженная в денежной форме, еще ничего не дает для выяснения процесса производительного накопления, которым определяется при капитализме не только развитие производительных сил, но и обогащение класса капиталистов. Отдельные предприниматели могут обогащаться от производства предметов непроизводительного потребления за счет других капиталистов или других групп населения, но общая сумма реального капитала в руках капиталистов от этого не увеличивается, а сокращается. Поэтому без анализа потребления национального дохода, которого не делали ни социалисты, ни буржуазные экономисты, нельзя вскрыть противоречия, ярко обнаружившегося во время войны: повышение прибылей, на ряду с обеднением класса капиталистов в целом, с сокращением в его руках реального капитала в виде орудий и средств производства

„Производительным трудом—формулирует А. Богданов и И. Степанов—мы должны называть всякий труд, направленный к удовлетворению потребностей производственной системы" (цит. соч. стр. 9).

Если, благодаря войне или увеличению потребления предметов роскоши, все безработные будут привлечены к работе, то увеличится и количество прилагаемого „производительного" труда, а, следовательно, увеличатся и производительные силы страны,—таков логический вывод экономистов, не анализирующих законы потребления общества.

Еще 20 лет тому назад в книге „Аграрный вопрос" я противопоставлял такому упрощенному пониманию проблемы продукции следующую формулу: „**Состояние производительных сил данного населения определяется суммой продуктов, производимых в стране для дальнейшего производства, т. е. для производительного потребления. Развитие производительных сил выразится в увеличении этих продуктов**". („Агр. вопр. т. 1,

стр. 23), т.е. рост производительных сил страны определяется характером потребления национального дохода.

Очевидно, обогащение класса предпринимателей, накопление капитала зависит не только от нормы денежной прибыли, которую получают предприниматели, а и от нормы производительного потребления в самом о-ве.

Мы указали, что национальный доход по характеру потребления распадается на три доли: на необходимое, производительное и непроизводительное потребление Если в национальном хозяйстве производительное потребление не увеличивается, то, несмотря на повышение нормы эксплоатации рабочих, т. е., несмотря на сокращение необходимого потребления на счет двух долей, сумма реального капитала, сумма орудий и средств производства в руках предпринимателей также не увеличится: при усиленной эксплоатации производительного труда производительные силы страны не будут развиваться.

Таким образом, проблему продукции нельзя решать и рассматривать без предварительного анализа проблемы потребления Если продукты производительного труда потребляются непроизводительно, то, хотя этот труд дает предпринимателю прибыль, но в народном хозяйстве сумма реального капитала от этого не увеличивается.

Некоторыми фразами в цитированной выше книге, где уже учтен опыт войны, повидимому, дается правильный подход к вопросу. Например, указывая на возрастание денежной прибыли в воюющих странах, авторы констатируют, что „реальное накопление не может получиться из процесса разрушения". Но, не имея правильного представления о значении различных видов потребления, авторы видят потерю национального дохода и капитала не в характере потребления, а только в прямом разрушении, да в потерях мобилизации и демобилизации промышленности и в невозможности использовать машины, орудия и сырье приспособленные к войне, а основную причину дороговизны во время и после войны находят в области рынка (стр. 153), а не в увеличении непроизводитель-

ного потребления за счет потребления производительного, т. е. не в условиях производства, созданных характером потребления национального дохода. Если теоретического анализа законов потребления нельзя найти в политической экономии, если благодаря этому в прежних экономических программах всех партий совершенно не затрагивали этого вопроса, то практически опыт войны и резкое падение производительных сил наглядно показали значение характера потребления для развития производительных сил. Правда, как мы только что показали, теоретиками еще не осознано все значение затраты „производительного" труда на непроизводительное потребление, но попытки сократить непроизводительное потребление в Советской России показывают, что эмпирически сделан подход к проблеме потребления. Как я покажу дальше, этот подход крайне не удовлетворителен, т. к. не затрагивает важнейших сторон экономической жизни, не является экономически освещенным и обобщенным, тем не менее уже сделан огромный шаг вперед, далеко обогнавший теоретическую мысль. Но отсутствие теоретического обобщения приводит к тому, что по замыслу, правильные шаги экономической политики опрокидываются практическими мероприятиями, потому что значение их еще не осознано. Далее я укажу на формы непроизводительного потребления, здесь же я упомяну лишь об одном противоречии, которое об'ясняется только отсутствием сознания значения различного характера потребления.

В настоящее время осознано, что для развития производительных сил нужен ввоз в Россию орудий и средств производства; но когда сообщаются сведения о предметах ввоза в Россию, то мы видим, что с особенно большим удовлетворением прессой констатируется ввоз или обещание ввоза из заграницы предметов непосредственного потребления. Если принять во внимание, что в мирное время, когда орудия и средства производства в значительном количестве производились и в России, ввоз машин достигал ежегодно суммы в 500 милл. руб., если принять во внимание, что из России теперь возможно вывозить в обмен на го-

раздо меньшую сумму, то будет ясно, какое понимание значения потребления обнаруживают те, кто приходит в восторг от ввоза предметов непосредственного потребления. Пока не будет твердо усвоено, не только руководителями экономической политики, но и массами населения, значение законов потребления, пока масса не будет знать характер и формы непроизводительного потребления, до тех пор трудно расчитывать и на менее безболезненное решение социальной проблемы.

Особенно трудно усвоение связи законов потребления с техническим прогрессом, который является результатом накопления орудий и средств производства. О значении накопления для технического прогресса мы уже упоминали, здесь же укажем лишь, что процесс накопления находится в прямой зависимости от характера потребления национального дохода. Падение производительных сил при увеличении „производительного" труда на производство предметов, потребляемых непроизводительно, об'ясняется исключительно ростом непроизводительного потребления. Ничуть не желая потрясать основ, я вынужден констатировать, что в выше приведенной цитате дается ошибочное определение производительного труда с точки зрения нечастного предпринимателя, а общественной продукции: изготовлением оружия может быть занято огромное количество рабочих, но увеличение их количества и эксплоатации ничуть не увеличивает долю, получаемую капиталистами из национального дохода страны, а уменьшает. Поэтому, не смотря на высокие „военные" прибыли поставщиков армии, капитал в руках капиталистов воюющих стран сокращался. Этого до самого последнего времени не понимали ни капиталисты, ни социалисты, пока не произошло резкое, бросающееся в глаза сокращение реального капитала в виде сокращения сырья, машин, вагонов и др. видов реального капитала, заменившегося деньгами. Из сделанного нами выше анализа видно, что с **народно хозяйственной** точки зрения **производительным трудом является общественно-необходимый труд, затрачиваемый для необходимого и производительного потребления.** Поэтому труд инженера, бухгалтера, учителя, необходимый для удовлетворения не-

необходимых потребностей, будет производительным, но с другой стороны труд рабочего, занятого производством предметов роскоши, или лишнего не необходимого для данной организации бухгалтера и служащего, будет непроизводительным. Так как экономисты не интересовались проблемой потребления, то и отмеченные выше ошибки вполне понятны и об'яснимы. Этим же об'ясняется и такое, повидимому, противоречащее здравому смыслу явление, что при всеобщей трудовой повинности, при привлечении всех работоспособных к труду производительные силы в России до сих пор не развивались, а падали. Для всех цитированных выше теоретиков и практиков это явление должно казаться „незакономерным"...

ГЛАВА XI.

Проблема продукции в понимании предпринимателей.

Социальный вопрос, приводящий в движение рабочие массы, в глазах предпринимателей является лишь вредной выдумкой, с которой нужно считаться постольку, поскольку приходится бороться с рабочим движением. Поэтому рассматривать отношение предпринимателей к социальной проблеме не приходится. Но проблема развития производительных сил должна интересовать предпринимателей, потому что они не менее рабочих должны бы, повидимому, быть заинтересованными в развитии производства И, действительно, предприниматели чаще чем представители других групп населения говорят о развитии производительных сил и считают исключительно себя той общественной группой, которая озабочена развитием хозяйства.

Однако, если проверить на деле, куда направляются стремления предпринимателей, то мы увидим, что они заботятся исключительно об изменении распределения национальнсго дохода в свою пользу, очень мало думая о влиянии этого распределения на развитие производительных сил.

О программе промышленников я писал уже в 1916 г., накануне революции, следующее:

„Точка зрения промышленников очень хорошо формулирована в выпущенном Советом С'ездов представителей промышленности и торговли, об'емистом томе-докладе о мерах к развитию производительных сил России. Указавши в предисловии, что свобода организации отдельных лиц в кооперативы и хозяйственные союзы и свобода организации промышленных предприятий в синдикаты должна составлять первую формальную задачу нового экономического строя, доклад

переходит к обсуждению мероприятий для развития отдельных отраслей промышленности.

Для развития сельского хозяйства предлагается правительству и земству затратить значительные средства на агрономическую и просветительную деятельность. Если не принимать эти предложения за пустую словесность, а вскрыть его содержание,—чего не делает Совет С'ездов,—то содержание предложения противоречит приведенной выше формуле об отношении к вопросам распределения. Ведь для развития сельского хозяйства рекомендуется более производительное употребление государственных и земских доходов, возможное при сокращении непроизводительного их употребления.

Другая мера, рекомендуемая промышленниками, интенсификация сельского хозяйства вместо расширения крестьянского землевладения, вытекает из непонимания авторами доклада условий, определяющих систему сельского хозяйства. Для интенсификации хозяйства прежде всего нужно развитие производительных сил страны, развитие потребностей крестьянского населения и повышение их экономического уровня. А для этого опять таки нужно иное распределение национального дохода, прежде всего, чтобы крестьянство не разорялось, а сбогащалось, чтобы то, что получается в виде налогов с земледельческого населения, возвращалось для удовлетворения потребностей того же сельского населения, для развития его производительных сил. Рекомендовать же просто интенсификацию сельского хозяйства по меньшей мере странно.

Для развития мукомольной промышленности Совет С'ездов в первую очередь рекомендует организацию синдиката мукомолов. „Без органа, об'единяющего интересы всей мукомольной промышленности России, немыслимы какие либо мероприятия по борьбе с конкуренцией на иностранных рынках по усилению экспорта муки и вообще по завоеванию внешних рынков для русского мукомолья". Мукомолы и вместе с ними Совет С'ездов не заботятся о расширении внутреннего рынка; он не упоминает о том, что их иностранные конкуренты окрепли на развитии внутреннего рынка.

Напротив, при недостаточном производстве для внутреннего рынка мукомолы заботятся только о завоевании внешнего. Поэтому вторым пунктом—после организации синдиката,—Совет выставляет требование: „Установление вывозных премий за вывоз муки на иностранные рынки. Источником премий могут служить вывозные пошлины на отруби", а горожане, при недостатке муки, могут питаться и отрубями... Из этой программы видно, что Совет С'ездов лукавит, отводя „вопросы распределения". „Накопление" Совет С'ездов рекомендует усилить путем „распределения", путем субсидирования мукомолов за вывоз муки за счет внутреннего потребления.

Тот же принцип „распределения" вводится Советом и в мерах содействия **винокуренной** промышленности. „Первою неотложною обязанностью Правительства является выработка способов и мер воспособления владельцам тех винокуренных заводов, которые при вновь создающихся условиях потребления спирта должны будут закрыть свои заводы". „Эти меры должны быть причислены к расходам по ликвидации всего казенного винно-монопольного хозяйства". Далее „все дело сбыта спирта для технических надобностей должно быть поручено организованным винокуренным заводчикам"... „Должна быть оказана финансовая поддержка для образования особого общества для изготовления спиртных приборов" и т. д. Совет С'ездов не так наивен, чтобы считать средства казны неисчерпаемым источником, чтобы не понимать, что субсидии являются средством распределения национального дохода, что организации мукомолов, винокуренных заводчиков и т. д. прежде всего ставят целью усиление эксплоатации потребителей, т. е. распределение национального дохода в свою пользу.

Для *кожевенной* промышленности „единственная истинная помощь, которая может быть здесь оказана—это решительное таможенное покровительство, все остальное явится лишь полумерами". И здесь поход против потребителя...

Сахарная промышленность. Указывая на недостаток производства для внутреннего рынка, Совет С'ездов

приходит к неожиданному заключению: „перспективы будущего позволяют надеяться, что, если ближайшие затруднения,—именно, нарушение правильного железнодорожного движения и недостаток топлива—будут устранены, русская сахарная промышленность займет видное место на международном рынке". Результаты организации сахарозаводчиков и исключительного им покровительства, выразившиеся в сахарном голоде, не смущают промышленников, и заботы их сводятся к тому, чтобы больше вывозить.

Для *лесного* хозяйства: 1) „Создать условия благоприятные для развития крупных лесопромышленных предприятий. 2) Должны быть отменены в Германии высокие пошлины на разработанный лес". Эти глубокомысленные требования для развития производительных сил России настолько остроумны, что не требуют комментарий.

Для развития каменно-угольной промышленности, по мнению Совета, необходимы следующие мероприятия (мы перечисляем только главные): 1) сохранение в силе существующих таможенных пошлин на уголь и кокс и повышение ставок на ввозимые к нам побочные продукты недр земли (2-й пункт) и то же расширение права горнопромышленников на недра, в интересах предоставления большей свободы горной промышленности 3) Вмешательство государственной власти в арендные отношения между собственниками земель и углепромышленными предприятиями в Донецком Бассейне в целях принудительного регулирования этих отношений".

Если вдуматься в эти три первые пункта „программы для развития производительных сил России, то не трудно увидеть, что она сводится к распределению дохода между населением и горнопромышленниками в пользу последних. А именно: обложение потребителей в пользу горнопромышленников (1-й пункт), путем таможенных пошлин, расширение права горнопромышленников на ренту от эксплоатации недр земли (2 й пункт) и тоже расширение права горнопромышленников на счет земледельцев Донецкого района.

Передача ренты за право собственности на недра земли местному самоуправлению или государству имело бы большое значение для развития производительных сил страны, если бы эта рента пошла на культурные потребности, но передача ренты от землевладельцев горнопромышленникам явится просто заменой одного рантье другим.

В нефтяной промышленности „один вопрос является назревшим и требующим незамедлительного рассмотрения. Вопрос этот земельный и сводится к задаче снабжения нефтяной промышленности имеющимися в распоряжении казны нефтяными землями для добычи нефти и подготовки, путем разведок, того нефтяного земельного фонда, который должен обеспечить дальнейшее развитие промышленности". И здесь повторяется старый рецепт для „развития производительных сил", чтобы нефтепромышленникам было „дадено".

Для расширения добычи меди основным, хотя и косвенным условием для успешного развития медной промышленности следует признать достаточную таможенную защиту отраслей, для которых медь является главным сырым материалом.

Для **металлургической** промышленности необходимы следующие важнейшие меры:

1) „Строго покровительственная система и охрана соответствующими таможенными пошлинами, как сырья, так и готового продукта".

2) „Геологические обследования за счет Государства месторождений руды и углей".

3) „Развитие рельсовых и водных путей" и т. д.

Для машиностроения, кроме указанных мер для развития металлургии, повышение таможенных ставок, основанных на принципе дифференциации пошлин по весу машин, поддержка правительством планомерными заказами и кредитом, реорганизация технического образования, специализация производства заводов и установление типа машин для массового производства.

Для *льняной и хлопчатобумажной* промышленности для *технической* рекомендуется таможенная защита.

Для писчебумажной промышленности: 1) обложение вывозною пошлиною в большом размере, чем в

настоящее время необработанного леса. 2) „Улучшить" условия пользования казенными лесами увеличением срока аренды и *понижением таксы* на дерево. 3) Улучшить водные пути и т. д.

Мы не будем далее перечислять различные отрасли промышленности, так как всюду следует однообразное повторение мотива взять что нибудь или от казны, но, главным образом, от потребителя путем повышения таможенных пошлин, субсидирования казной, казенными заказами и т д., т. е. путем распределения национального дохода в пользу промышленников.

Чем же об'ясняется очевидное противоречие предисловия к докладу Совета С'ездов, где говорится, что вопросы накопления стоят впереди вопросов распределения народного богатства, с содержанием самого доклада, в котором только и говорится о распределении народного богатства в пользу промышленников.

Не трудно догадаться, что это противоречие об,ясняется нежеланием авторов доклада вскрыть истинную природу тех требований, которые пред являются для развития производительных сил страны.

Несомненно, что для развития производительных сил страны требуется увеличение производительных расходов, увеличение затрат на производительное потребление, на заработную плату, на увеличение средств и орудий производства, перевозки продуктов и т. д. Но из данного наличного национального богатства увеличение производительного потребления возможно только путем сокращения непроизводительного потребления, перераспределения национального дохода в этой области социальных отношений. Для промышленников этот путь неудобен не только потому, что он может затронуть значительную часть их доходов, затрачиваемых непроизводительно, но и потому, что он требует пересмотра существующих социально-политических отношений.

Гораздо легче, если не для развития производительных сил, то для повышения прибыли предпринимателей другой путь, путь перераспределения национального дохода в пользу предпринимателей, проводи-

мого под чрезвычайно удобным предлогом развития производительных сил страны.

Так как обложение потребителя в пользу предпринимателей, лежащее в основе требований промышленников, ведет к сокращению внутреннего рынка, так как этот испытанный путь уже привел к тому, что теперь особенно настойчиво ставится вопрос о развитии производительных сил, так как, несмотря на покровительство промышленности путем обложения потребителей, страна пришла к тупику, к опасности полной остановки ее развития, то призывы продолжать итти тем же путем, очевидно, не имеют целью содействовать экономическому развитию страны, а ставят другую цель— сохранить и даже повысить норму прибыли предпринимателей, итти старым путем и больше ничего. По крайней мере ничего не дает доклад Совета С'ездов, так как он не указывает, каким образом возможно увеличить производительное потребление за счет непроизводительного.

На этот старый путь призывает Совет С'ездов и своим утверждением, что государство русское призвано к мировым политическим задачам, поглощающим его деятельность, т. е. к тем завоевательным задачам, к которым призывает воинствующий национализм, к завоеваниям новых территорий и к расширению иностранных рынков. На расширении иностранного рынка настаивают „программы" почти каждой из перечисленных групп промышленников. Даже пред'является требование, чтобы Германия понизила пошлины...

Это стремление, к расширению внешнего, вместо огромного внутреннего рынка, неизбежно требует увеличения непроизводительных расходов, постоянной и напряженной агрессивной политики. „Великодержавность" в устах промышленников, —это милитаризм и связанные с ним расходы, ибо только таким путем промышленники могут „расширять" внешний рынок для продуктов отсталой промышленности, не базирующей на развитой внутренний рынок.

А о развитии внутреннего рынка промышленники и не упоминают, ибо это противоречило бы всей их программе, основанной на сокращении покупательной

способности населения, на обложении его новыми данями ради повышения предпринимательской прибыли. И предприниматели, как таковые, не могли иначе ставить вопроса ..

ГЛАВА XII.

Проблема производства и распределения.

Выше я останавливался на одной стороне социальной проблемы, на проблеме потребления и указывал, что ни академическая политическая экономия, ни социалисты не останавливались на этой стороне экономической жизни и оказались захваченными в расплох и растерянными перед фактом превышения потребления над производством, приводившего к сокращению орудий и средств производства.

Анализ всех форм производства капиталистического, натурального и социалистического одинаково приводят к выводу, что без разрушения и без остановки развития производительных сил личное (необходимое) потребление может расширяться только на счет потребления непроизводительного (сокращения роскоши, непроизводительных расходов на армию и т. д.), что при капиталистическом строе заработная плата может увеличиваться также не за счет накопляемого или накопившегося капитала, а за счет непроизводительного его потребления.

Если в начале революции мои указания на необходимость рабочему классу озаботиться сохранением производительных сил страны вызывали резкие протесты со стороны различных социалистических фракций, то теперь после сделанного опыта эти положения, пожалуй, можно считать бесспорными.

Я указывал, что до революции все социалисты смотрели на социальную проблему, исключительно, как на проблему распределения национального дохода, подчиняя в большей или меньшей степени ей проблему продукции.

Наиболее решительное подчинение проблемы продукции проблеме производства было у социалистов

революционеров, которые стремились ввести уравнительное землепользование в интересах равномерного распределения земледельческих продуктов и во имя этого готовы были уничтожить более производительные хозяйства. В такой же степени социалисты марксисты ставили в основу рабочей политики увеличение доли рабочих не за счет только непроизводительного потребления капиталистами и государством, а за счет вообще „прибавочной ценности", за счет накопления капитала, т. е. за счет увеличения орудий и средств производства.

Опыт управления экономической жизнью страны научил коммунистов несколько больше, чем другие социалистические фракции. В области обрабатывающей промышленности они начинают подчинять проблему распределения проблеме продукций. Падение производительности труда и его интенсивности за время войны и революции побудило не только удлинять рабочий день, но и перейти на сдельную плату, т. е. подчинить принцип распределения принципу продукции. Ибо сдельная плата, а также различная оплата труда более квалифицированного и менее квалифицированного, исходит из стремления побудить рабочего сдельной платой производить больше, чтобы больше и получить. Очевидно, пришлось признать, что рабочий, несмотря на его большее социалистическое сознание сравнительно с другими классами, ради увеличения своего личного заработка готов работать больше, чем ради общества. Непосредственная личная выгода является пока сильнейшим стимулом для увеличения интенсивности труда. Продукты труда делятся не по потребностям, а по затраченному труду даже среди рабочих. Насколько мне известно, это подчинение принципа распределения принципу продукции дало уже положительные результаты.

Но к этому выводу коммунисты пришли эмпирически и, как видно из дальнейшего, не сознали всего значения сделанного шага вперед. Еще менее сознают это другие социалистические фракции.

Большая часть населения России занята земледельческим трудом и, конечно, продукция девяти десятых всего населения России, занятых земледелием, опреде-

ляет состояние и развитие производительных сил страны. Между тем по отношению к земледельческому населению, которое в подавляющем своем большинстве состоит из мелких собственников, ведется та политика подчинения продукции принципу распределения, которая обнаружила свое банкротство по отношению к рабочему классу.

Если рабочий, во имя увеличения своего заработка увеличит свою продукцию при переходе на сдельную плату, то мелкий собственник тем менее склонен увеличивать производство не во имя своих личных интересов, а только во имя интересов всего народного хозяйства. За это говорит факт мешечничества. Если же это так, то к каким последствиям поведет современная политика распределения продуктов, получаемых деревней, в обмен на продукты земледелия?

В настоящее время продукты сельского хозяйства получаются из деревни непосредственно в обмен на продукты обрабатывающей промышленности. Сущность этого товарообмена сводится к следующему: „Мы требуем, чтобы сельское общество выполнило назначенную разверстку, заставляя при помощи бедноты сдавать излишки тех крестьян, которые ими располагают. При выполнении сельским коллективом своих обязанностей перед государством мы даем распоряжение об отпуске данному сельскому обществу товаров для равномерного распределения его всем коллективом и между всеми членами общества".

Здесь, вопреки принципу, принятому для индустрии, принцип распределения определяет и подчиняет себе продукцию. В индустрии рабочий, производящей больше продуктов, получает в обмен, в виде заработной платы, больше предметов потребления, между тем, как в деревне крестьянин получит одинаково, поставляет ли он для города по разверстке один пуд или сто пудов.

Допустим, что крестьянин проникся бы такой гражданственностью, что все, что лично не потребляет в хозяйстве, он отдавал бы в разверстку; или допустим, деревенской бедноте удастся обратить все излишки в разверстку. Крестьянин, напрягавший все силы для за-

сева 20 десятин, и сдающий в разверстку 1000 пудов, получит за них то же, что крестьянин, производящий продукты только для собственного потребления и имеющий посев 2 десятины. Очевидно, крестьянин, засевавший 20 десятин, если он получит за них то же, что и при посеве 2-х десятин, сократит свой посев до этой нормы, до нормы собственного потребления. Эту психологию крестьян называют мелко буржуазной психологиеи. Я не знаю, как называется психология рабочего, производящего больше при сдельной плате, но ее значение таково, что с ней приходится считаться и подчинять ей принцип равномерного распределения „сообразно потребностям" и остановиться на распределении сообразно затратам труда, точно так же, как и оплачивать выше квалифицированный труд.

Надежда заставить крестьянина вести хозяйство в прежних размерах является самой вредной утопией. „Деревенская беднота" может отобрать то или другое количество продукта, но заставить произвести определенное количество продуктов, да еще в мелком хозяйстве, совершенно невозможно. Если на фабрике путем урочной системы можно заставить производить определенное количество продуктов, то в мелком хозяйстве если даже приставить к каждому крестьянину надсмотрщика, все таки вынудить произвести больше, чем желает крестьянин, нельзя. Он не может воспрепятствовать реквизиции у него коровы или свиньи, но он может не воспитывать лишней лошади, коровы или свиньи, не затрачиватьизлишнего труда для повышения урожая и т. д.

Между тем этими излишками производства кресть ян, не потребляемыми деревней, и существует город.

Каждый индивидуальный крестьянин, сокративши продукцию в своем хозяйстве (при полном проведении „коллективного" товарообмена), ничего не теряет, так как получит столько же продуктов. Если он теперь и получает больше при большем посеве, при большем количестве скота, птицы и т. д., то только потому, что может сбывать на сторону, т. е. „спекулировать". Без этого нет никакого расчета воспитывать лишнее животное, производить лишний пуд хлеба, масла и т. д. про-

тив потребностей своей семьи. Нельзя убедить крестьянина, что если все крестьяне будут производить только для себя, то ничего не получат из города. Невозможно это потому, что он фактически получает продукты из города не пропорционально количеству отчужденных у него продуктов, а пропорционально потребностям, наравне с теми, у кого ничего не отчуждается. Повторяю, если рабочие при коллективном труде производят больше, благодаря сдельной плате, то тем более мелкий собственник, как ни называть его действия, —не будет работать без получения известного эквивалента за свою работу.

К сожалению, это убийство города деревней и, что еще более опасно, всех производительных сил страны будет происходить так незаметно, таким окольным путем, что истинную причину этого большинство не заметит.

Всю массу продуктов для рынка из деревни поставляли те хозяйства, которые не все потребляли в своем собственном хозяйстве. Проекты соц.-революционеров об уравнительном землепользовании, преследуя принцип равномерного распределения, и были опасны тем, что могли привести все крестьянские хозяйства к типу самопотребительных. „Коллективный товарообмен" действует в этом направлении гораздо сильнее, ибо при уравнительном землепользовании, все-таки крестьянин мог бы получить фабрикаты только за отчуждаемые продукты, теперь же для этого в них нет надобности.

Поскольку мне лично приходилось наблюдать этот процесс сокращения производства „излишних" продуктов в крестьянском хозяйстве, он происходит двояким путем: увеличивается личное потребление внутри хозяйства—с одной стороны и сокращается производство —с другой. Сдается лишняя корова, поэтому сокращается количество корма, продается „лишняя" лошадь, сокращается посев, удобрение и т. д. Все это, выражаясь в мелочах, в миллионах хозяйств, лишь постепенно приводит и приведет к тому, что земледельческая страна будет производить продукты только для потребления земледельческого населения. Это утвер-

ждение покажется настолько же парадоксальным, насколько парадоксальным казалось мое утверждение, что, если рабочие не озаботятся увеличением своей продукции, то они останутся без работы.

Таким образом, крестьянское хозяйство, в результате „коллективного товарообмена", если в конце концов не прекратит производства для города и вообще для вывоза из деревни, то только постольку, поскольку оно будет в состоянии продавать свои продукты, т. е. поскольку не удастся полностью провести „коллективный товарообмен".

Это утверждение находится, разумеется, в полном противоречии с существующей экономической политикой, так же как находились в противоречии подобные же утверждения относительно индустрии. Если в настоящее время политика советской власти изменилась в сфере обрабатывающей промышленности и в некоторой степени подчинила принцип распределения принципу увеличения продукции, то это явилось не результатом осознанного относительного значения этих двух принципов, а результатом опыта, еще до советской власти приведшего к резкому падению продукции в обрабатывающей промышленности.

Приведенные нами соображения не касаются вопроса о преимуществах денежного или непосредственного товарообмена.

Было бы глубокой ошибкой считать процесс падения производительных сил результатом замены денежного товарообмена, товарообменом непосредственным. Напротив при той финансовой эмиссионной политике, которой одинаково держались все правительства с начала войны: царское, Керенского, советское, сибирское,—сокращение товарообмена и падение производительных сил было неизбежно при всякой форме товарообмена. Но мы имели в виду выяснить только влияние на развитие производительных сил подчинения продукции принципу распределения в товарообмене между трудовым крестьянским хозяйством и городом.

Процесс разрушения города под влиянием падения индустрии необычайно обостряется и может принять

ужасающие формы при сокращении сельско-хозяйственной продукции для товарообмена. До сих пор это сокращение еще не принимало катастрофических размеров, потому что крестьянин еще мог и надеялся кое что припрятать и индивидуально сбывать продукты в обмен за товары. Когда эта надежда исчезнет, у него не будет никаких побудительных мотивов производить больше, чем для собственного потребления, так как излишние затраты труда, сравнительно с другими более бедными крестьянами или с другими более потребляющими хозяевами, ничего ему не даст.

Если лишний отчуждаемый пуд зерна ничего не даст, то предпочтительнее для крестьянина скормить его курам, получить лишний десяток яиц и потребить их дома, или, если эти яйца не реквизируются, продать их. И в том и другом случае город лишится этого пуда, а деревня будет производить больше тех продуктов, которые не отчуждаются для „коллективного товарообмена"*).

Как я упомянул, для того чтобы разобраться в экономии, приходится отвлечься от партийных и фракционных соображений и сделать анализ фактов экономической жизни. Из этого анализа уже каждый класс, каждая общественная группа делает свои выводы, сообразно своим интересам. Задача научного понимания явлений заключается в том, чтобы не насиловать эти факты, правильно их констатировать, чтобы избежать иллюзий, самообмана и ошибок. Трудность такого анализа заключается в том, что экономика задевает самые жизненные интересы различных классов и групп; поэтому даже констатирование факта обыкновенно рассматривается, как нарушение тех или других интересов. Например, указание на вредное влияние роскошие на развитие хозяйства рассматривается, как покушение на благополучие имущих классов, указание на вредное влия-

*) Книга была уже мною написана, когда я прочел в газетах о решении съезда коммунистов в Москве заменить разверстку с.-х. продуктов натуральным налогом. Это решение является огромным шагом вперед для устранения указанных мною отрицательных сторон разверстки, но, конечно, не устраняет различных форм непроизводительного потребления. Один декрет не изменит общей тенденции к уничтожению накопленного капитала.

ние дележа, как на враждебный неимущим классам взгляд и т. д. и т. д. Это и являлось причиной того, что факты хозяйственной жизни получают одностороннее освещение, не отвечающее действительности.

Тем труднее определить направление экономической политики, всегда отражающей интересы того или другого класса, но не всегда отвечающей интересам хозяйственного развития.

В настоящий момент, когда процесс разрушения производительных сил страны продолжается, среди политических партий нет ни одной, которая имела бы определенный план и программу экономической политики, которая бы практически ставила задачу остановить падение производительных сил, происходящее от превышения потребления над производством.

Этот процесс будет продолжаться, если распределение и потребление продуктов не будет подчинено принципу максимальной продукции. Может ли и хочет ли это провести существующая власть—это вопрос политики, о котором мы судить не беремся, но во всяком случае до сих пор на политику классов имела гораздо большее влияние вера и правильность политики, диктуемая и подкрепляемая непосредственными текущими материальными интересами, чем анализ ее влияния на развитие народного хозяйства. Именно эти текущие интересы момента заставляли игнорировать проблему продукции и ставить на первое место интерес распределения, как буржуазию, так рабочих. При правительстве Колчака буржуазия, во имя наживы, игнорировала интересы хозяйства, и спекуляция (своеобразная форма распределения) лежала в основе экономической политики.

Советская власть ставит проблему распределения в противоположном направлении и подчиняет ей проблему продукции.

Казалось бы, задача социальной справедливости должна подчинить себе все, в том числе и проблему продукции, но если сокращение производства грозит уничтожением промышленности, т. е. и уничтожением того класса, который добивается этой справедливости, то очевидно, и ее осуществление сделается невозможным.

Таким образом, даже с точки зрения осуществления социальной справедливости нельзя не подчинить проблему распределения задаче максимальной производительности.

Игнорирование проблемы продукции и выдвигание на первое место проблемы распределения, как промышленными классами—рабочими и предпринимателями, так и экономической наукой и, в частности, социалистами, об'ясняется условиями капиталистических отношений. Мне уже приходилось в другом месте указывать на то, что в капиталистических предприятиях доля каждого отдельного капиталиста, в виде его прибыли, зависит от величины доли рабочего и, обратно, доля рабочего зависит оттого, какую долю получает предприниматель, т е чем большую долю, в виде заработной платы, сравнительно с рабочими в других предприятиях, получают рабочие, тем меньше прибыли останется предпринимателю, а чем меньше получают рабочие, тем больше остается предпринимателю Из такого положения естественно вытекает стремление того и другого класса увеличить свою долю за счет другого и на этой проблеме распределения останавливается внимание предпринимателей и рабочих. Естественно, что и экономисты, и, в частности, социалисты, стремясь к улучшению положения рабочих, обращали все свое внимание на проблему распределения, ставя ее впереди проблемы производства.

Другой особенностью капиталистического строя, заставлявшей обратить исключительное внимание на проблему распределения, являлся факт перепроизводства, благодаря которому неправильно определялось состояние производительных сил общества.

На первый взгляд кажется, что производительные силы современного мирового хозяйства необычайно велики. Капиталистический мир утопает от избытка товаров; ведутся войны для приобретения рынков, для сбыта этих товаров. Повидимому, потребление широких народных масс может в огромной степени возрасти немедленно, как только будет организовано более справедливое распределение, так как при огромных непроизводительных расходах был и избыток товаров. Од-

нако, если мы займемся проверкой этих повидимому незыблемых положений, то найдем, что состояние производительных сил не так блестяще, как представляется с первого взгляда.

Население стран, вовлеченных в мировое хозяйство, в международный обмен, нужно считать не менее $1^1/_2$ миллиардов душ. Подавляющее число этого населения эксплоатируется путем обмена капиталистических стран со странами отсталыми. Это выражается в том, что за предметы обрабатывающей промышленности, требующие относительно меньшей затраты труда, благодаря высшей технике, благодаря накопленному, в виде орудий производства, капиталу, получается, главным образом, от сельского населения продукты, требующие значительно большей затраты труда

Поэтому, несмотря на незначительную продукцию каждого в отдельности работника отсталых земледельческих стран и на их бедность, передовые капиталистические страны получают огромное количество труда, в виде предметов обрабатывающей промышленности. Кофе, рис, чай, хлеб, кожи, мясо, хлопок, каучук, масло и т. д. и т. д., производимые миллиардным населением земного шара, перерабатываются и потребляются сравнительно небольшим промышленным населением капиталистических стран. Если бы в большинстве своем нищенское население отсталых стран имело возможность потребить по одному лишнему пуду тех продуктов, которые оно отчуждает, то сразу промышленное население передовых капиталистических стран встало бы перед опасностью голодной смерти. Почти все что вывозится из Африки, Азии, восточной и горной Европы потреблялось бы на месте и тогда $^3/_4$ населения Англии, половина населения Германии, Бельгии и др. капиталистических стран, и капиталисты и рабочие оказались бы без хлеба и сырья. Это отчасти и случилось во время войны: благодаря призыву огромного количества крестьян и рабочих на войну в России, потребление этих крестьян и рабочих, сделавшихся солдатами, значительно повысилось, потому что раньше они не доедали. В результате, несмотря на то, что в первые годы войны посевы и корм для скота не сок-

ратились, все „избытки" которые раньше вывозились за границу, были потреблены внутри России. „Избытки" сельско хозяйственных продуктов при приближении населения к нормальному потреблению не оказались избытками. До войны продукты сельского хозяйства отчуждались из деревни отчасти насильственно, в виде налогов, отчасти в обмен на предметы обрабатывающей промышленности.

Допустим, что население России, Персии, Китая, Турции, Балканских государств и т. д. будет иметь возможность потреблять продуктов несколько больше. Тогда окажется, что во всех плотнее населенных землях никаких „избытков" сырья нет, а имеются они только в самых редко населеных колониях, как Канада, Сибирь, Аргентина и Австралия.

Для массы промышленного населения капиталистических стран будет недостаточно ни сырья, ни продовольствия. Кажущийся избыток товаров обусловливается недостаточным потреблением миллиардного населения экономически отсталых стран

Накопляющиеся таким образом товары в некоторой части потребляются непроизводительно небольшой группой имущих классов и, таким образом, не только создают иллюзию необычайной производительности современного общества, но и резко бросающуюся в глаза социальную несправедливость недоедания и нищенского существования миллиардного населения и безудержной роскоши отдельных лиц.

При изложенных условиях постановка социальной проблемы, т. е. коренного улучшения положения широких масс гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Ведь только увеличение потребления полуторо-миллиардным населением всяких продуктов на один пуд на душу сократит его предложение на рынке на полтора миллиарда пудов, т. е. оставит без продуктов и без сырья все промышленное население капиталистических стран, не только предпринимателей, но и рабочих, ибо не только предприниматели потребляют эти полтора миллиарда пудов, но и рабочие. Замена кожанной обувью лаптей в России, деревянной обуви в Западной Европе и Китае, соломенной обуви в Японии и

т. д. в несколько раз превышало бы потребление кожи в настоящее время. Тоже самое нужно сказать и о всех других предметах потребления. Из всех этих иллюстраций можно сделать заключение, что мировые производительные силы пока не очень велики, что без предварительного решения проблемы продукции, без подчинения ей распределения сколько нибудь значительное и длительное улучшение положения широких народных масс невозможно, что для решения этой проблемы нужно колоссальное и постоянное развитие и перераспределение производительных сил современного мирового хозяйства.

Кто то из основоположников социализма назвал практику дележа накопленных богатств „социализмом дураков", но по существу решение социальной проблемы без подчинения проблемы распределения проблеме производства и будет таким „социализмом". Разумеется, никто из более культурных социалистов не проповедует такого социализма, но, как мне приходилось указывать, теория и практика современного социализма ставит в подчинение производство распределению и по существу социальная проблема сводилась и свелась к проблеме распределения, так как без анализа производительного и непроизводительного потребления нельзя поставить самой проблемы производства.

3.

Постановка проблемы производства в основу социальной проблемы требует постановки вопроса о максимальном производительном потреблении и о сокращении потребления непроизводительного.

Наиболее резко бросающееся в глаза непроизводительное потребление при капиталистическом строе— это роскошь имущих классов за счет необходимого потребления народных масс и за счет производительного потребления. Но даже без расширения необходимого потребления предметов питания миллиардного населения, как мы предполагали выше, одна постановка народного образования на сколько нибудь надлежащую высоту— проглотит все непроизводительное потребление иму-

щих классов. Правда народное образование через несколько лет даст свои плоды, значительно увеличивши продукцию населения, с этой стороны затраты на просвещение являются производительными затратами—но, чтобы эти затраты не повели к падению производительных сил, процесс накопления орудий и средств производства не должен сокращаться, т. е. они должны быть сделаны за счет сокращения или расширения материальных потребностей,—а только за счет непроизводительного потребления. Между тем народные массы привыкли смотреть на социальный переворот, как на средство непосредственного немедленного улучшения своего материального положения.

Далее, значительная доля национального дохода, гораздо большая, чем роскошь богачей, идет на бюрократию и на армию.

Опыт как первого периода революции в России эпохи Керенского, так и периода советской власти показал, что до сих пор бюрократический аппарат, т. е аппарат управления, ничуть не сократился, следовательно, не сократилось и непроизводительное потребление против периода самодержавия. От того, что бывшие чиновники того или другого класса табели о рангах заменялись двумя, тремя рабочими, производительные силы страны ни в коем случае еще не возрастают. Положение меняется только в том отношении, что рабочий от производительного труда перешел к труду непроизводительному. Повидимому, значительное увеличение административного аппарата произошло в деревне в волостных управлениях и на фабриках.

Уже в период власти Керенского на фабриках административный аппарат очень усложнился. Только обслуживание организаций рабочих в предприятиях поглащает 20% (на каждые 5 чел.—1).

Внимание социалистов и коммунистов, направленное в сторону демократизации партийного и классового замещения бывших чиновников рабочими или партийными людьми, совершенно не остановилось на экономической стороне вопроса. Вопросы политики так поглотили внимание всех, что, несмотря на грозные симптомы падения продукции, экономическая сторона управ-

ления мало привлекает внимание. Это, как я покажу дальше, объясняется не только тем, что вопрос о производительном потреблении национального дохода серьезно не ставился ни экономистами, ни социалистами ни прежде, ни теперь, но и тем, что эмиссия бумажных денег создает иллюзию, будто средств для поддержания огромного бюрократического аппарата вполне достаточно. Эмиссия бумажных денег затушевывает процесс проедания национального капитала до тех пор, пока не прекратится обмен на эти деньги.

Тоже самое нужно сказать и о содержании армии. Гражданская война требует содержания большой армии, которое ложится тяжелым бременем на разрушенное народное хозяйство, но, благодаря продолжающемуся выпуску бумажных денег, проедание национального капитала происходит незаметно.

Советская власть теперь энергично агитирует за увеличение продукции и принимает меры к усилению ее городским населением. Но главным производителем в России является сельско-хозяйственное население, а увеличение его продукции может встретить значительные препятствия.

Из брошюры „Организация коммунистических хозяйств в земледелии", я узнаю, что в Европейской России запашки уже сокращаются. У „крестьян в данный момент нет сильной тяги к земле, в особенности к пахотной, как производящей монополизированный государством хлеб". В этом факте автор брошюры видит положительную сторону, так как на заброшенных помещичьих землях является возможность организовать коммунистические крупные хозяйства. Вместо хлеба, получавшегося земледельческим населением от крестьян, ожидается получить необходимый для него хлеб из этих коммунистических хозяйств. Таким образом превращение крестьянского хозяйства в самопотребительное не угрожает городу голодовкой.

Не мне, конечно, оспаривать значение крупного хозяйства в земледелии, большой производительности в нем труда и т. д., на это я всегда указывал. Тем не менее, было бы самой опасной ошибкой переоценивать

его значение, так как такая ошибка может привести к неисчислимым бедствиям.

В самом деле, допустим, что коммунистические хозяйства быстро организуются. Допустим, что в ближайшие года на них имеется уже два миллиона десятин пашни, из которых один миллион под продовольственными хлебами, 1/2 миллиона под овсом и 1/2 миллиона под паром. Будем оптимистами и допустим, что урожай на этих землях выше среднего по России и достигает 50 пудов чистого сбора, кроме семян, т. е. дает валового около 60 пудов с десятины, т. е. в полтора раза выше нормального. Итак, с этих коммунистических полей соберется 50 миллионов продовольственного хлеба, 25 пудов миллионов овса.

Допустим далее, что производительность труда в этих хозяйствах максимальная и на одного работника приходится 10 десятин пашни, т. е. работает 200 тысяч рабочих и на едока (предполагая на одного работника одного неработника) 5 десятин. При всех этих самых благоприятных условиях советские хозяйства дадут из 50 миллионов пудов продовольствия; для потребления рабочих в самих хозяйствах по 20 пудов на едока (ограничить тем потребление меньшим пайком нельзя) всего 8 миллионов пудов. Останется для неземледельческого населения 42 миллиона пудов. Этого количества, собираемого со всех крупных хозяйств страны, едва ли будет достаточно для двух—трех промышленных губерний нечерноземной России. Между тем, промышленное население России не меньше 30 миллионов.

Почему же крупные хозяйства могут доставить ограниченное количество продовольственных хлебов, когда до войны Россия только за границу вывозила до 500 миллионов пудов и, на ряду с этим, снабжала продовольствием неземледельческое население всей страны.

Да потому, что полтораста миллионов земледельческого населения доставляло большую часть этих продуктов из мелкого хозяйства, выбрасывая их на рынок. Если полтораста миллионов земледельческого населения будет отчуждать по 1 пуду на душу, то на рынке окажется 150 миллионов пудов. Если же полмиллионное население крупных хозяйств доставит для города

в сто раз больше по 100 пудов на душу или по 200 пудов на работника, то все таки хлеба получится только 40 миллионов пудов. Этот результат „больших чисел" имеет огромное значение в народном хозяйстве, но его, к сожалению, не принимают во внимание в расчетах о будущем народном хозяйстве. Производительность труда 400 тысяч рабочих может повыситься вдвое, но если при этом производительность 100 миллионного населения понизится на одну десятую, то все таки общая продукция страны упадет в огромной степени и ее падение можно точно учесть. Увеличение производительности 400 тысяч рабочих в два раза равняется приемке 400 тыс. новых рабочих, а падение производительности ста миллионов на одну десятую равняется убыли 10 миллионов рабочих. Поэтому то мобилизация и содержание большой армии даже в богатых странах ведет к падению производительных сил страны, несмотря на напряженный труд рабочих, поэтому даже увеличение производительности труда в коммунистических хозяйствах ничуть не может покрыть сокращения продукции в мелких крестьянских хозяйствах.

Если бы даже посев в крупных хозяйствах удвоился, утроился, то и тогда без крестьянского хлеба тридцати миллионное промышленное население городов и промышленных районов не могло бы прокормиться. Поэтому нет никаких оснований радоваться тому, что „у крестьян в данный момент нет сильной тяги к земле, в особенности, пахотной, как производящей монополизированный государством хлеб". Это означает, что крестьянин переходит к производству для личного потребления в своем хозяйстве и прекращает производство для рынка.

Не менее опасно сокращение мелкими крестьянскими хозяйствами производства других жизненных продуктов мяса, масла и т. д.

В обмен на продукты сельского хозяйства, страна могла получать из-за границы орудия производства для своей промышленности. Разумеется, иностранцы не будут и не могут дать эти орудия производства для России даром, а будут давать лишь в обмен на продукты

сельского хозяйства, которых недостаточно становится для собственного пропитания.

Если крестьянское хозяйство не будет отчуждать своих продуктов, если оно превращается и превратится в самопотребительское хозяйство, то из России, в конце концов, нечего будет вывозить в обмен на изделия других стран. Поэтому и ожидать оттуда никаких благ нельзя, если продукция сельского хозяйства будет падать, а не повышаться. Никто дарить продукт своего труда нам не будет.

Фактически происходит такого рода вмешательство в хозяйственную жизнь деревни, которое побуждает, по общему утверждению, сокращать продукцию мелких крестьянских хозяйств. Если же такое сокращение произойдет, а по всем данным это уже происходит в Европейской России, в особенности по отношению к животноводству, то расчитывать не только на вывоз заграницу значительного количества сельско-хозяйственных продуктов, но и на пропитание города не приходится. Таким образом, сокращение сельско-хозяйственной продукции грозит, как индустриальному населению города, так и товарообмену с заграницей, независимо от того, какие социальные отношения установятся в европейских государствах, потому что ни капиталисты, ни рабочие европейских стран ничего не дадут России без получения от нее эквивалента. Конечно, возможно привлечь иностранный капитал для эксплоатации естественных богатств, если заграницей сохранится капиталистический строй, так как из социалистического государства капитал не может передвинуться при мировом товарном голоде, особенно в железе и орудиях производства, частный капитал, не считаясь с потребностями своей страны и в ущерб ее интересам, может передвинуться в другие страны, в надежде на более высокую прибыль. Но и частный капитал передвинется в Россию лишь при прочных гарантиях жестокой эксплоатации. Таким образом, чтобы избежать жестокой кабалы иностранному капиталу, необходимо повышение продукции мелкого земледельческого хозяйства, а повышение продукции возможно лишь тогда, когда каждый крестьянин заинтересован не в том, чтобы полу-

чать больше не из хозяйства своего соседа, а из своего собственного хозяйства, из увеличения продукции своего труда. Как я уже упоминал, деревенская беднота может отнять у соседа „лишнюю корову", но заставить этого соседа выкормить и вспоить лишнюю корову она не может. К сожалению, у нас в России вера в живительную силу указа, декрета, приказа и т. д. настолько велика, что эта сила представляется способной развивать производительные силы при повышении потребления над производством и при уничтожении мотивов к более напряженному труду.

Сделанный нами вывод является об'ективным, полученным на основании анализа личного и хозяйственного потребления в крестьянских бюджетах. Как видно из анализа этих бюджетов, размер продукции крестьянского хозяйства определяется соотношением доли личного и хозяйственного потребления: чем больший процент бюджета затрачивается на хозяйственное потребление и чем меньший на личное, тем выше продукция хозяйства. Так. образ., для увеличения продукции в крестьянском хозяйстве хозяйств. потребление должно расширяться за счет личного и, обратно, расширение личного потребления ведет к сокращению продукции. Если крестьянин с'ест часть семян, то сокращение их хозяйственного потребления поведет и к сокращению продукции. Так как в мелком крестьянском хозяйстве распределение бюджета на личное и хозяйственное потребление зависит от хозяина, то невыгодность для него увеличения продукции поведет к расширению личного потребления за счет хозяйственного.

Этот вывод настолько очевиден при анализе личного и хозяйственного потребления в бюджетах крестьянского хозяйства, что можно только изумляться существовавшей довольно продолжительное время политике разверсток и „борьбы с кулачеством", под которым разумелось производство для рынка!

ГЛАВА XIII.

Формы непроизводительного потребления.

I.

Выше мы заметили, что наиболее резко бросается в глаза одна форма непроизводительного потребления—это роскошь и безделье имущих классов. В действительности, непроизводительное потребление национального дохода принимает самые разнообразные формы и ускользает от внимания, так как очень часто непроизводительное погребление кажется необходимым. Наиболее яркие формы бюрократического непроизводительного потребления дала Советская Россия. Это тем более характерно, что власть коммунистов имела в виду, путем введения социалистического строя, сократить до минимума непроизводительное потребление имущих классов и за счет этого сокращения улучшить положение трудовых масс и остановить падение производительных сил страны, вызванное усиленным непроизводительным потреблением во время войны.

Я приведу типичные примеры, которые лучше всего иллюстрируют положение, что уничтожение одной формы непроизводительного потребления ничуть не исключает замены ее другой формой непроизводительного потребления, которое может сделаться еще более гибельным для производительных сил страны. Нужно заметить, что советская власть сознает необходимость не только увеличения продукции, но и сокращения непроизводительных затрат. Увеличить продукцию она пытается путем сокращения числа бездельников, удлинением рабочего дня и т. д., а непроизводительное потребление сократить путем уничтожения роскоши, сокращением числа людей, не занятых трудом и т. д. Тем не менее все эти усилия приводят большей частью к обратным результатам, вследствие того, что одна фор-

ма непроизводительного потребления сменяется лишь другой формой.

1. Наиболее распространенной формой непроизводительной растраты рабочих сил народного хозяйства является растрата их, вытекающая из политических соображений. Опытные, но политически неблагонадежные работники-профессионалы в какой-либо области производства заменяются неопытными, иногда совершенно невежественными в данной области людьми, но политически благонадежными или кажущимися благонадежными. Этот принцип, существовавший в меньших размерах при самодержавии по отношению к бюрократии*) и в частных предприятиях по отношению к служащим и рабочим, при советской власти принял универсальный и в некоторых случаях анекдотический характер. При этом не только политическая, но и простая обывательская честность может сделаться самым злостным пороком, а политическое хамелеонство и приспособляемость из за материальных выгод часто делается добродетелью. Это происходит потому, что до революции, в период гонения на коммунистов, их было мало и пришлось вербовать бюрократию из новообращенных, которые в период господства партии не всегда руководствуются внутренними убеждениями.

Оставляя в стороне моральную и политическую сторону вопроса, мы должны лишь указать, что в области хозяйственной при неумелых руководителях происходит колоссальная растрата производительных сил страны. К сожалению, теперь несвоевременно было бы приводить наиболее яркие факты и иллюстрации, так как это слишком злободневно, мы же пишем не памфлет, а научное исследование.

2) Другой формой непроизводительной затраты производительных сил является переход от квалифи-

*) Если при самодержавии для исполнения функций земских начальников считались наиболее пригодными лица дворянского происхождения, то теперь для роли администраторов считаются наиболее подходящими лица пролетарского происхождения. И в том и другом случае происхождение и политическая благонадежность предполагается источником универсальных знаний, а фактически являются источниками хозяйственной разрухи...

цированного труда к простому, вызванный, может быть, и правильным, с точки зрения социальной справедливости, но экономически неправильными расценками труда. Так как мелкое производство, ремесло, кустарный промысел не поддаются такой регламентации и расценке, как фабричный труд, то такой труд ремесленника при советской власти оплачивается значительно выше, чем труд профессора, инженера, техника и т. д. Благодаря этому, специалист техник изготовлявший тонкие и очень ценные приборы и машины, из за заработка переходит к починке ведер, к лужению самоваров и т. д., профессор к огородному хозяйству, рыболовству или какому нибудь ремеслу и т. д вовсе не потому, что тот и другой „саботажники", а потому, что поиски средств для существования побуждают искать лучше оплачиваемого труда. Например, можно не чувствовать больше призвания копаться на огороде, чем заниматься научной деятельностью, и быть вынужденным работать на огороде Эта работа ничуть не является „саботажем" науки со стороны профессора, но огород дает съедобную овощь, а научная работа дает несъедобные бумажные деньги и в недостаточном количестве для питания. Превращение квалифицированных работников в цинциннатов при общем недостатке квалифицированного труда является непроизводительной его затратой, вследствие недостатка его организации, и действует разрушительно на народное хозяйство.

Разумеется, все явления, о которых идет речь, не результат злой воли. Я констатирую, а не оцениваю.

3) Третьей формой непроизводительной затраты являются затраты, вытекающие из отсутствия плана организации производительных сил. Эта формулировка покажется непонятной, так как над организацией производительных сил, в смысле их распределения, меньше всего задумываются.

При капиталистическом строе, при господстве свободной конкуренции распределение производительных сил страны между производством средств производства и предметов непосредственного потребления происходит по общим законам спроса и предложения, вли-

яющим на колебания цен, и через них на увеличение или сокращение производства того иле тругого товара. При устранении свободного рынка и национализации крупного производства указанный мною регулятор, в значительной степени, исчезает, и потребность в том или другом продукте должна определяться какими то другими условиями. Если потребности в предметах непосредственного потребления можно еще относительно легко учесть по количеству населения и его потребительным бюджетам, то потребности в средствах производства не так легко поддаются учету, потому что затраты на производство орудий и средств производства, главным образом, определяются состоянием производительных сил, которое не так просто учесть и которое, пока, не учитывается.

Поясню примером. Производительные силы каждой страны ограничены. Она может производить в данный момент определенное количество предметов питания, железа, угля, машин, построек и т. д. Допустим, что она может произвести 100 миллионов пудов чугуна, 100 миллионов пуд. угля, столько же леса, дать 1 милл. промышлен. рабочих и т. д. Эти производительные силы должны распределяться в свою очередь на производство предметов непосредственного потребления, средств производства, перевозки и орудий производства.

Если эти сотни миллионов пойдут целиком или большею частью на электрофикацию, на средства передвижения, на железные дороги, то мало останется на производство предметов непосредственного потребления и на орудия производства и нечего будет перевозить; может быть и обратное распределение.

Нужно прежде всего выяснить состояние производительных сил. Нужно определить, какая доля производительных сил должна затратиться на производство предметов неспосредственного потребления и какая доля может затрачиваться на производство средств передвижения и перевозки. Существует определенное соотношение между этими долями, различное, в зависимости от состояния производительных сил. Нужно их определить как и соотношение между долями. Это, конечно, никем

не деляется, и страна может напр. поставить электрические станции, но не иметь машин для того, чтобы использовать для производства полученную энергию, или не иметь достаточно сырья и т. д. Распределение производительных сил во время войны и благодаря войне было ненормально, а нового принципа распределения не выработано, хотя старые принципы (спрос и предложение) отпадают. Это приводит к тому, что, например, начинают строиться несколько зданий, но они не могут быть окончены, за отсутствием материалов; станут изготовлятся материалы, но не будет перевозочных средств и т. д.

4) Гораздо меньшее хозяйственное значение имеет, но лишь больше бросается в глаза, как моральное явление, излишнее приближающееся к роскоши потребление бюрократии*).

С хозяйственной точки зрения безразлично, разъезжает ли на автомобиле губернатор или комиссар, едет ли в отдельном поезде коммунист или министр, —хотя с политической точки зрения они являются противоположностями.

---

*) Железные дороги, почта, телеграф, гужевой транспорт, находясь в монопольном пользовании бюрократии, в огромных размерах используются непроизводительно. Десятки вагонов ежедневно отправляются из Москвы с партийной литературой, во то время, как необходимого хлеба и угля той же Москве недостает. Предметы роскоши, отбираемые от „буржуев", потребляются с большим успехом „приспособившимися". Такие формы потребления, разумеется, мало содействуют развитию производительных сил страны; «буржуазный» лозунг «накопляйте, накопляйте» сменился лозунгом люмпенов „потребляйте что можно, пока другие не отняли". В буржуазно демократической Швейцарии президента республики, вздумавшего прокатиться в карете, мальчишки закидали камнями и вынудили к более дешевому способу передвижения Но это были буржуазные швейцарские мальчики. Мы употребляем термин „люмпен", как определение социальной группы, которая, выброшенная из хозяйственной деятельности, обычно может существовать лишь случайным заработком, грабежом, нищенством и т. п. В эту группу попадают представители различных классов, но общей чертой их является оторванность от хозяйственной организации общества. Во время гражданской войны и хозяйственного развала эта группа делается особенно многочисленной, вербуясь из армий, раззоренного населения и т. д. и в настоящее время, в значительной степени, окрашивает даже общественное настроение в виде стремления потреблять и непроизводить. Идеология раз-

5) Пятой формой непроизводительного потребления является стремление поддержать и сохранить мало производительные предприятия. При частнохозяйственной организации производства это стремление сохранить свое предприятие, хотя бы оно было мало производительно, ослабляется действием конкуренции, благодаря которой малопроизводительное предприятие делается убыточным и вытесняется более производительными предприятиями.

При национализации предприятий это стремление сохранить малопроизводительные предприятия может повести к колоссальным потерям. После национализации заводов производительность многих из них так упала, что себестоимость производства увеличилась в десять раз На ленских золотых приисках после национализации в 1920 г. сократилось производство:

	Количество рабочих.
январь 10 п. 28 ф. 87 з.	3.449 раб.
февраль 7 п. 21 ф. 17 з.	
март 6 п. 31 ф. 17 з.	
апрель 7 п. 12 ф. 59 з.	4.070
май 7 п. 38 ф. 51 з.	4.359
июнь 6 п. 22 ф. 1 з.	3.957
июль 2 п. 37 ф. 60 з.	3 249
август 4 п. 36 ф. 39 з.	2.968
сентябрь 3 п. 23 ф. 49 з.	2.980
октябрь — 15 ф. 52 з.	2.799

Нужно заметить, что промывка золота производится, главным образом, в летние месяцы и, несмотря на это, после национализации, как раз к лету производительность приисков падает. Если бы это было частное предприятие, то оно несомненно закрылось бы

личных видов анархизма ближе всего подходит к этой группе хотя люмпены в виде защитной окраски принимают ярлык и окраску тех партий, которые находятся у власти. Эта способность люмпенов, незаинтересованных в сохранении хозяйства, принимать соответствующую окраску в зависимости от победы той или другой партии, делает их опасными для народного хозяйства при всяких политических и социальных формах государства и выражается в грабеже и насилиях и злоупотреблениях властью или под крайним революционным, или крайним реакционным лозунгом.

по следующим соображениям. До революции производительность ленских приисков достигала в год до тысячи пудов, большая часть которых намывалась летом. В два летних месяца намывалось около 400 пудов и за эти месяцы получалось прибыли, будем считать максимум, 100%. Я преувеличиваю прибыль и всетаки добыча четырехсот пудов золота стоила 200 пудов золота же (400 п.—200 п.) в виде продуктов для рабочих, орудий произв. и т. д. Если даже допустить, что стоимость добычи сократилась вдвое, вследствие уменьшения рабочих. (я преуменьшаю расходы, так как многие расходы не уменьшаются от сокращения добычи: машины, надзор и проч.), то стоимость добычи 7 п. 34 ф. золота в наиболее продуктивные месяцы июль и август была бы равна 100 пуд (200.2). В действительности, вследствие падения цены на золото вдвое против предметов потребления рабочих и средств производства добыча семи пудов тридцати четырех фунтов будет стоить то же 200 пудов золота, как и до революции. Таким образом, если бы те продукты и средства производства, которые затрачены на добывание семи пудов тридцати четырех фунтов, были вывезены заграницу, то за них выручили бы 200 пуд. золота, а затраченные на добычу золота эти же средства дали круглым счетом 8 пудов, т. е. пуд добытого золота на богатейших приисках стоит правительству двадцать пять пудов золота же. Разумеется, частное предприятие и одного месяца не выдержит при таком хозяйстве, а национализированное предприятие продолжает добывать золото и при 15 фунтах добычи в октябре, когда пуд золота ему стоит уже не меньше 50—100 пудов. Приведенный пример интересен тем, что в предприятии добывается золото, которое является и орудием купли—продажи средств производства и предметов потребления рабочих. Поэтому каждому наглядно видна выгодность, или убыточность предприятия. Золото добывается для купли средств производства и предметов потребления; они же затрачиваются и на добычу золота. И вот мы видим, что затрачиваются средства производства стоимостью в 25 пудов для добычи одного пуда. Эта сторона вопроса так мало была освещена,

что руководители хозяйственной жизни искренно думают, что при современном экономическом строе (это постоянно приходится слышать) себестоимость производства не имеет значения, и добытый пуд золота с затратой на его добывание 25 пудов золота же большое приобретение для хозяйства страны. Этот самообман происходит только потому, что машины, которыми добывается золото, чай, сахар, мануфактура, которые потребляются рабочими, покупаются за границей не на тот пуд золота, который добыт в текущем году, а на 25 пудов золота, добытых в предшествовавшие годы. Анологичные примеры можно было бы привести из других отраслей промышленности, но они не будут так наглядны.

Другой довольно наглядной илиюстрацией такого рода непроизводительного потребления является реализация хлебных разверсток. Хлеб, сено и солома разверстываются между крестьянами и последние должны были доставить эти продукты на указанные пункты. Повидимому, все равно, далеко или близко нужно провозить продукты. Этому не придают особенного значения, так как за провоз не платится или платятся, ничтожные суммы. И вот солома гужом привозится с расстояния в 120 верст, а мясо в Сибири гужом провозилось за тысячи верст. Не считая потерянного времени, возчиков и лошадей, для провоза 12 пудов соломы на одной лошади требовалось истратить почти столько же более ценного продукта, сена на корм этой лошади. Стоимость гужевого провоза мяса превышала его собственную стоимость, топливо заготовлялось так, что стоимость его провоза превышала стоимость заготовки, соль возется из Европ. России на Дальний-Восток и т. д. и т. д. Гужевой транспорт разрушался, крестьяне раззорялись подводной повинностью, потому что провоз „ничего не стоит“ и можно было такой продукт, как солома и дрова, возить за десятки и сотни верст... В результате, вместо повышении продукции происходит ее падение, но за то проведена уравнительная разверстка, и крестьянская беднота численно увеличилась за счет „кулацких элементов“. Употребление на топливо деревянных зданий в Петрограде, Москве и других го-

родах является яркой иллюстрацией непроизводительных затрат; колоссальные суммы накопленного труда уничтожаются только потому, что живой труд бестолково используется.

Я полагаю, что едва ли один из тысячи администраторов понимает, что непроизводительная растрата чужого труда является не менее преступной, чем роскошь, и более вредной.

6. Все перечисленные виды непроизводительного потребления имеют второстепенное значение перед шестой формой непроизводительного потребления, вытекающего из развития бюрократизма.

Процесс развала крупной промышленности и бюрократизации хозяйства отчасти иллюстрируется следующими данными, собранными организацией текущей промышленности статистики Центрального Статистического Управления (Московское Столичное Бюро), относительно московских предприятий **крупной и средней промышленности** (16 рабочих при наличии механ. двигателя или 30 раб.—без двигателей). Не хватает данных о 38 заводах Москвы (большею частью—не действующих).

(См. „Бюллетень Центр. Статист. Управления" № 14 23—VI 1919 г.).

	Число пром. заведений.		Всего.	В них рабочих.		Всего.
	Дейст.	Не действ.		На действ.	На недейств	
На 31 авг. 1918 г.	973	219	1.192	161 680	4.571	166251
„ 1 апр. 1919 г.	761	393	1.154	88.684	27.032	115716
„ 1 мая „	700	385	1.154	86 450	21.675	108125
„ 1 июня „	768	386	1.154	90 704	14.506	105210

(Вычисления подлинника сохранены).

Среди 200 закрывшихся—наиболее крупные заводы и фабрики. Число действовавших предприятий сократилось на 11%, занятых в них рабочих на 45%.

Общее число рабочих на фабриках и заводах Москвы упало на 30%.

В тех же 1154 предприятиях

	СЛУЖАЩИХ.		В среднем на 1 пром. зав. служ.			В отношении числа служ. к числу рабочих
	Всего.	В дейст. завед	В недейст.	В недейст.	В обоих груп	
На 1 апр. 1919 г.	19.307	15.922	26.9	8 6	16.7	16 7
„ 1 мая „	19.204	15.821	26.6	8 8	16 6	17 8
„ 1 июня „	18 973	16 453	21.4	6 5	16.4	18.0

Эти данные говорят о том, что в 1919 году процентное отношение числа служащих по отношению к числу рабочих росло в ужасающей прогрессии почти на 1% ежемесячно и с первого апреля по 1-ое июня, т. е. через два месяца возросло с 16,17% до 18%. Но сюда не входит еще распределительный аппарат производимых на фабриках продуктов, а он, повидимому, огромен и, вероятно, растет. Если в крупных предприятиях происходит такая растрата на бюрократический аппарат, то, по приведенным выше расчетам, какой процент составит этот аппарат для мелких предприятий?!

При расчетах затрат на регламентацию распределения будет видно, какого огромного процента может достигнуть непроизводительное потребление при регламентации мелкого потребления и производства.

Государственная власть может искренно стремиться и употреблять огромные усилия на увеличение продукции страны, население, и добровольно и под угрозой репрессии, поголовно заниматься самым напряженным трудом и, тем не менее, благодаря различным формам его непроизводительной затраты, производительные силы страны будут падать.

Приведу одну типичную иллюстрацию непроизводительных „нормальных“ затрат, благодаря бюрократизации советского строя, причем в данном примере не было места злоупотреблениям и была проявлена большая энергия. Если лицу, вызываемому учреждением одного города из другого, необходимо добиться проезда, то для поездки требуются затраты по следующему „счету“:

Затрачено времени на хождение и на стояние в очередях для получения командировочного свидетельства	10 час.
Удостоверения этого свидетельства . . .	6 час.
Удостоверения от отд. совета управления	5 „
Бюро пропусков	33 „
Визы в сов. управл. и удостоверение от места службы	4 „
Обеспечения места в вагоне	18 „
Разрешения продов. комитета взять провизию	2 „
Всего	78 час.
Или по 6 час. в день	13 дней.

Если считать, что бюрократический аппарат работал 1/13 этого времени, т. е. 1 день, то всего затрачено 14 дней. Это нормальный случай. Сама по себе служебная поездка требует, разумеется, меньшей затраты.

Чтобы определить относительное увеличение непроизводительных затрат при регламентации мелкого производства и мелкого потребления, сравним относительную стоимость получения продукта в различных его количествах.

Допустим, что для добывания каждых 10 пудов угля и доставки их к месту потребления нужно затратить один час.

Для получения угля какому-либо предприятию требуется затрата времени на хождение по различным учреждениям, причем эта затрата одинакова, требуется получить один пуд или тысячу пудов. Точно также и в канцеляриях затраты времени для регламентации, разрешений и т. д. одинаковы. Если на получение и разрешение получить требуется пять часов, то общая потеря времени на это будет равна десяти часам: пять часов затрачивает лицо, ищущее разрешения и пять часов проходит бумага по канцеляриям, занимая поочередно несколько, иногда более десятка лиц. В действительности потери времени измеряются иногда сутками.

И так, в приведенном нами случае на получение угля затрачивается 10 часов. Если требуется получить

100 пудов, то затраты на получение как раз равны затратам на производство и доставку, так как мы предположили, что на 10 пудов затрачивается 1 час, а на сто пудов—10 часов.

Если требуется получить тысячу пудов, то уже затраты на получение составят только 10%, а на 10.000 пуд.—всего 1%. Напротив, при уменьшении требования до 10 пудов затраты на получение разрешения будут превышать затраты на производство в десять раз. Разумеется, при регламентации мелкого производства и потребления мелкие дозы потребления численно во много раз превышают крупные дозы. Поэтому регламентация мелкого производства и потребления повышает непроизводительное потребление в несколько раз и может далеко превысить производительные затраты труда.

В индивидуальном капиталистическом хозяйстве подобные расчеты не нужны, так как высокие непроизводительные затраты в каком либо частном хозяйстве ведут к разорению и ликвидации такого хозяйства. Напротив, в государственном хозяйстве непроизводительные затраты могут колоссально расти, сокращать производительные силы страны и учесть эти растраты оказывается почти невозможно, так как они покрываются из общенационального фонда.

Я беру на себя смелость утверждать, что **ни один** из организаторов современной хозяйственной жизни страны не может определить, какая доля национального дохода и национального труда теперь затрачивается непроизводительно, и ни один экономист не опровергнет, что эти растраты (помимо военных потребностей) превышают непроизводительные растраты национального дохода в капиталистических странах. Это происходит, главным образом, от регламентации мелкого производства и потребления. И в этом не виновны коммунисты, **потому что проблема потребления вообще не ставилась социалистами и, в частности, Марксом.** Разумеется ни в одной социалистической программе нет и намека на эту проблему, стоящую одинаково и перед капиталистическим и перед социалистическим строем. Даже опыт войны, революций и социалистического

строительства еще не научил, что замена одной формы непроизводительного потребления другой формой ни на на шаг не двигает вперед решение социальной проблемы.

Из приведенных соображений видно, что непроизводительные затраты труда при бюрократизации экономического строя ошибочно было бы сводить только к огромному бюрократическому аппарату, который стремится регламентировать всякую хозяйственную мелочь и охватить все хозяйственные отношения. Конечно, и сам по себе бюрократический аппарат может составлять такую огромную непроизводительную затрату, что будет содействовать превышению потребления над производством, в особенности, когда он регламентирует мелкое производство.

Мелкое производство иногда имеет дело с таким маленьким количеством материалов и ценностей, что содержание регламентирующего аппарата часто превышает стоимость производства тех материалов, с которыми приходится иметь дело. Например, самый процесс выдачи печнику кирпича для починки печки, разрешения его получить и привезти может стоить дороже, чем самая выделка кирпичей. Но главные непроизводительные расходы заключаются не столько в содержании бюрократического аппарата, сколько в волоките, связанной с регламентацией. Время, которое печник должен затратить на то, чтобы получить кирпичи, значительно превышает то время, которое необходимо для их производства.

Фунт гвоздей до войны стоил приблизительно 5 коп или 1 час рабочего времени. Но для того, чтобы при современной регламентации ремесленник мог получить этот фунт гвоздей, он иногда затрачивает несколько дней и, в лучшем случае, несколько часов. Таким образом, не считая стоимости бюрократического аппарата, только на то, чтобы иметь с ним дело, требуется в несколько раз большая затрата, чем на самое производство необходимого предмета. Оценивая это время на деньги, получим, что стоимость производства фунта гвоздей равняется 5 коп., а его получение 15—20 коп., т. е. только одна четверть или одна пятая затраченно-

го времени на гвозди является производительной, а три четверти или четыре пятых, не считая бюрократического аппарата, затрачиваются непроизводительно.

Читатель видит, что приведенный случай не является случаем злоупотребления, а нормальным обычным явлением: непроизводительные затраты, вследствие несогласованности бюрократических учреждений, видны из следующего примера, являющегося типичным.

Для одного советского учреждения (Губ. Стат. Бюро), необходимо было заказать ящики для переотправки материалов. Обратились в Совнархоз. Там было указано, что такой заказ может быть выполнен Кустарным Отделом, но впоследствии, когда туда обратились, ответили, что такой заказ может быть выполнен, если будут представлены готовые материалы: лес (доски) гвозди и клей. Чтобы получить лес, пришлось обратиться в другой отдел Совнархоза—„Гублеском", там первоначально отказали в отпуске леса и только после переписки и настояния Губерн. Центр. Учреждения (Губревком) был дан наряд на получение леса с завода, находящегося в 300 верстах от города. Возникла переписка с заводом, был подан ряд телеграмм; в результате всего этого, было получено указание завода, что для погрузки одного вагона досок, необходимо послать специального представителя, который бы организовал погрузку и отправку, ибо завод, по недостатку рабочих рук, сам организовать отправку не может. На этом вопрос с получением леса остановился, так как прошло много времени, и ящики все равно не были бы заготовлены к нужному сроку.

Пока шла переписка по поводу леса, были приняты меры к заготовлению для ящиков других материалов. За гвоздями пришлось обратиться в отдел металлов,—там ответили, что если 300 пуд. гвоздей будет им доставлен с одного склада, находившегося на окраине города, в распределительный склад, то нужное количество (2 п.) будет отпущено. Так как Губ Стат. Бюро не считает для себя возможным заниматься перевозкой грузов для Совнархоза, то обратились в Трамот с просьбой перевести гвозди. Трамот предпочел выдать гвозди

из своих запасов, чтобы только не перевозить гвоздей для Совнархоза.

Затем пришлось обратиться еще в химический отдел Совнархоза за клеем, который, после ряда посещений этого отдела агентами бюро, был наконец получен и с не малым затруднением перевезен.

Таким образом, об'единять работу различных отделов Совнархоза пришлось совершать другому учреждению и безрезультатно, так как цель была бы достигнута тогда, когда необходимость в изготовлении ящиков уже миновала. Не менее месяца почти ежедневно затрачивалась энергия одного, а иногда и более лиц для хождения по различным отделам, для быстрого продвижения переписки, для получения лошадей, для согласования работы различных отделов. Нужду же в ящиках пришлось спешно удовлетворить посредством сбора старых ящиков из под товаров в разных продовольственных и кооперативных учреждениях.

Приведенный случай не является исключением, а, напротив, общим правилом. Профессор университета бесполезно затрачивает время на хождение по различным учреждениям (Горпродком, Губпрод, Губраспред, и т. д.) для получения двух перьев и кончает тем, что „нелегально" где то достает эти два пера. Для того чтобы заказать печать, заведывающий учреждением тратит 2½ дня, между тем, как без печати его учреждение при общем формализме не может действовать. Даже для того, чтобы получить право в больнице произвести на свет нового гражданина, будущая роженица должна столько стоять в хвостах различных учреждений, что будущему поколению грозит перспектива появиться на свет в хвостах, а не больницах. Можно было бы привести бесконечный ряд аналогичных примеров из самых различных областей народно-хозяйственной жизни, примеров, из которых видно, что, во имя „правильного" распределения продуктов делаются колоссальные непроизводительные затраты, жертвуется продукцией страны во имя принципов распределения. Самые необходимые и ценные работники огромное количест-

во времени и главную массу нервных сил затрачивают на регламентацию и канцелярскую волокиту.

Приведу еще одну иллюстрацию непроизводительной затраты, вытекающей из бюрократизации производства. Для завода, имеющего 30 рабочих, потребовалось один фунт олова, что бы вылудить котел. Производство остановилось. При попытках получить фунт олова оказалось, что нужно телеграфно просить разрешения из центра. На все это потребовалось больше недели. В течение всего этого времени завод стоял. Считая десять дней остановки и не считая потерь от остановки работы орудий производства, только потери в рабочем времени выразятся в количестве 300 дней (30 х 10). Таким образом, добывание одного фунта олова в несколько тысяч раз превышает стоимость его производства.

Такого рода „организация" хозяйственной жизни принимает опасный характер в особенности тогда, когда указания на ее нецелесообразность рассматриваются, как „потрясение основ" коммунизма и вызывают репрессии...

Все формы непроизводительного потребления, как перечисленные, так и другие, вытекают из того, что эта сторона хозяйственной жизни не принималась во внимание ни социалистами, ни экономистами других направлений. Предполагалось, что если предприятие национализировано, или национализирован, автомобиль, лошадь и т. д. от частного лица, то тем самым решен вопрос и о потреблении. Повидимому, эти соображения правильны. Ведь лошадь составляла частную собственность, а при реквизиции, национализации она сделалась общественной собственностью.

Но, если, составляя частную собственность, она получала производительное назначение, например, перевозила грузы, а при превращении в общественную собственность она служит для раз'ездов хотя бы и видного служащего, комиссара и т. д., то частное ее „потребление" было производительно, а „общественное"— непроизводительно. Производительные силы страны будут падать, независимо от формы собственности, если

непроизводительное потребление, как в приведенных случаях, будет не сокращаться, а увеличиваться.

При таких условиях огромный бюрократический аппарат может необычайно интенсивно работать, все население может быть привлечено к труду и быть занятым целые сутки, а продукция страны тем не менее будет падать. Некоторые учреждения принуждены иметь несколько людей исключительно для хождения по канцеляриям различных учреждений, что бы исполнять все требования регламентации. При этом всякое сокращение штатов канцелярий удлиняет хвосты просителей и увеличивает потери их времени, а увеличение штатов увеличивает непосредственный расход на бюрократию. Тысячи людей в каждом городе теряют тысячи часов на получение нескольких фунтов муки, бутылки молока, ложки касторки, фунта гвоздей и т. д. Благодаря таким непроизводит. затратам, продукция еще больше сокращается, а сокращение продукции ведет к еще большему бестоварию и нужде, нужда в свою очередь еще больше заставляет тратить время непроизводительно на каждую мелочь и т. д. Значительная часть налогов Советской России не соответствует этому принципу, так как суммы, получаемые в виде налогов и взносов не окупают той бумаги и того времени, которое затрачивается на их взнос и взыскание, поэтому также являются непроизводительными затратами вдвойне и для налогоплатящего и для государства. В настоящее время в городах Советской России—можно смело сказать—на регламентацию и на получение необходимых продуктов сырья и пр. затрачивается больше единиц времени, чем на их производство: т. е., благодаря регламентации, производительность труда по крайней мере вдвое ниже. Сама по себе трудовая повинность при непроизводительных затратах труда не спасет.

В области финансовой, как известно, взыскание некоторых налогов стоит дороже, чем сумма, подлежащая взысканию. Поэтому такие налоги и не вводятся. Тоже самое происходит при регламентировании мелкого производства, а также потребления таких продуктов, которые получаются каждым хозяйством в ничтожных количествах.

Финансисты более или менее точно определяют, покрываются ли расходы по взысканию налогов доходами от этих налогов; между тем, как в указанной нами области повидимому, никто никаких расчетов не делал и только все недоумевают: буржуазия, дворянство, землевладельцы исчезли; за редкими исключениями все принуждены напряженно работать; потребление сократилось, и тем не менее не видно развития производительных сил, а пока происходит дальнейший процесс сокращения национального капитала, особенно орудий производства и зданий. Почему это происходит? Опять таки потому, что распределение стоит впереди производства и последнее подчинено первому, потому что находят более важным планомернее распределить продукт, чем производить его в большем количестве. Продукция может сокращаться, непроизводительное потребление может расти именно потому, что задачи распределения подчиняют себе проблему увеличения продукции и мешают ей.

Дальнейшее логическое развитие такого решения социальной проблемы приводит к превращению городского населения в распределительный аппарат, который занят не производством, а распределением. Только, что же в конце концов ему останется распределять?

Мы показали, что по отношению к массе трудящихся, в лице крестьянства, не только не проводится принцип максимальной продукции, но создаются условия для ее сокращения. Мы также привели, в виде иллюстрации, несколько форм непроизводительного потребления. Эти иллюстрации можно было бы продолжать и указать целый ряд других форм, отчасти унаследованных от царского режима. Я укажу лишь на одну форму—на непроизводительные затраты на шпионаж и провокацию, которые остались в наследие от старого строя, и как на результаты этого, переполнение тюрем „непроизводительным" населением. Но и перечисленных иллюстраций достаточно для того, чтобы видеть, что социальная проблема теоретически ставилась неправильно, а практическая ее постановка грозит падением производительных сил. Наибольшая опасность для их развития—падение продукции мелкого хозяйства, если для него создались условия, делающие

невыгодной максимальную продукцию для продажи или обмена.

Из анализа постановки социальной проблемы социалистами и коммунистами ничуть не следует, что она не должна ставиться, что проблему распределения нужно игнорировать и что капиталистический строй не должен быть сменен другими социально-экономическими отношениями. Напротив, война, вызванная капиталистическим строем, и все бедствия ее, показывают, что в капитализме и психологии, с ним связанной, существуют элементы, опасные для самого существования человечества, но решение самой проблемы гораздо сложнее, чем это представляется социальным реформаторам—революционерам или эволюционистам.

Наиболее убедительным доказательством того, что социалистами еще не осознана необходимость подчинения проблемы распределения проблеме продукции доказывается тем, что, ради более правильного распределения продуктов, создается колоссальное непроизводительное потребление, которое мы выше охарактеризовали. Продукты распределяются более равномерно, но образовалась ради этого такая огромная бюрократическая машина, особенно в мелких городах и даже в деревнях, что непроизводительное потребление в огромной степени возросло. Но, с точки зрения хозяйственной, безразлично, кто потребляет огромную часть национального дохода: бюрократ ли с социалистическим ярлыком или бюрократ старого типа—и в том и в другом случае происходит сокращение производительных сил и потребления народными массами. Подчинение задачи продукции задаче более планомерного распределения и разрушение, благодаря этому, производительных сил страны проявляется ярче всего в политике по отношению к крестьянскому хозяйству, на которую мы уже указали. Эта политика делает выгоднее безделье, чем работу не только в деревнях, но и в городах. Например, в городах часть населения во избежения голода вскопала и засадила овощами огороды в надежде обеспечить себя достаточным количеством овощей. Когда они созрели, огороды взяли на учет и для того, чтобы получить для себя свои овощи из огорода, нужны

очень длительные хлопоты, после которых можно копать и привозить причитающееся количество. Какой же смысл имела работа в огородах людей, которые после службы по канцеляриям безропотно удлиняли свой рабочий день, чтобы получить необходимые овощи? Разумеется на следующий год любителей работать до изнеможения окажется не много, и площадь огородов сократится. О крестьянах мы уже упоминали выше. Интересы продукции подчинены интересам более равномерного распределения. Но будут ли через два-три года те продукты, которые пришлось бы „равномернее" распределять?

В Советской России производительные силы продолжают разрушаться, что, как мы видели, об'ясняется политикой, ведущей к понижению продукции и созданием новых форм непроизводительного потребления; это, в свою очередь, об'ясняется тем, что проблема распределения и сейчас в Советской России стоит впереди проблемы производства.

Еще сохранилась непоколебимой вера, что социальная революция сама по себе увеличивает производительные силы общества, независимо от того, как они потребляются.

Повидимому, такой взгляд на социальную революцию оправдывается историей. Ведь французская революция явилась толчком для развития производительных сил капиталистического общества, хотя она много их разрушила в момент народного движения, почему же это не произойдет при социальной революции?

При этом упускается из виду, что революция увеличила производительные силы ускорением процесса накопления, усилением производительного потребления, давши „свободный" более производительный труд вместо рабского, сокративши непроизводительное потребление дворянства, увеличивши путем конкуренции напряженность труда не столько рабочих, сколько мелких собственников, создавших главную массу ценностей, вследствие своего численного преобладания. Увеличение продукции мелкого производства являлось основой, на которой базировалось впоследствии крупное капиталистическое производство. Если социальная ре-

волюция задержит этот процесс накопления, если мелкие собственники найдут невыгодным увеличить свою продукцию, вследствие своих социальных отношений, если социальные отношения побуждают мелких собственников к увеличению продукции, то и общество, в лице мелких собственников и рабочих, будет искать новых форм экономических отношений, обеспечивающих процесс накопления, или заставит вернуться к старым формам.

Игнорирование политическими партиями экономики мстит за себя тем, что политические победы, в конце концов, приводят к поражению, если не принимаются во внимание законы экономики.

И буржуазные экономисты и социалисты очень тонко и всесторонне исследовали капиталистический строй, посвящали толстые томы анализу какого нибудь экономического явления, но не заметили и не знали только „пустяков",—законов потребления и их значения. Поэтому не удивительно, что весь мир разрушает свои производительные силы и ищет выхода из этого в дальнейшем их разрушении, путем непроизводительного потребления: в капиталистических странах—милитаризмом, а в России другими формами потребления.

Для иллюстрации я привел ряд форм непроизводительного потребления в России. Но было бы ошибочно считать этот ряд исчерпывающим. Оно иногда принимает самые неожиданные для руководителей экономической жизни формы Например, правительственные монополии, имеющие целью устранить эксплоатацию производителей торговым капиталом должны бы, повидимому, быть выгодными, если не для процесса накопления, то по крайней мере для производителей. Между тем монополии в большинстве случаев ведут к увеличению непроизводительного потребления и к падению продукции.

Возьмем монополию на пушной промысел. Если даже устранить такие моменты, как кражу и порчу пушнины, которые могут быть устранимы, монополия

на пушнину требует огромного бюрократического аппарата, который даже **при наличности необходимых материальных средств** не может снабдить всех производителей необходимыми средствами для промысла и для существования,—так распылены и разбросаны добытчики пушнины. Поэтому они или принуждены прекратить добычу, или сбывать ее тем, кто может им доставить все необходимое, но уже тайно, на невыгодных для себя условиях.

В России, вследствие недостатка у казны средств, необходимых для натуральной оплаты за пушнину и вследствие устранения частного капитала от покупки, пушнина тайно за бесценок скупается иностранцами, а там, где это невозможно, ее добыча сокращается.

Тоже самое происходит с другими видами сырья; если оно не может быть тайно вывезено (напр. золото), то его добыча сокращается, или это сырье потребляется в большем количестве самими производителями. Если к этим об'ективным условиям прибавить гибель монополизированных продуктов от неуменья справиться с их массой и незаинтересованности в их сохранении со стороны служащих, то будет понятно, что большая часть монополий, введенных с благою целью борьбы с злоупотреблениями частного капитала, ведет к разрушению производительных сил. Очевидно, для устранения различных форм эксплоатации нужно искать различных путей, в зависимости от конкретных условий.

Приведенными иллюстрациями, далеко не исчерпывающими всех форм непроизводительного потребления, я имел в виду только показать, какой тонкий и хрупкий аппарат составляет народное хозяйство и с каким знанием и изучением нужно подходить к нему, чтобы не получились отрицательные результаты; что с одним знанием готовых формул, без глубокого знания конкретных условий, нельзя еще восстановить народное хозяйство. А, между тем, на какое великолепное высокомерие приходится наталкиваться со стороны представителей различных **политических** течений, которые, кроме формул из своей партийной программы, о народном хозяй-

стве, ничего не знают, а вышеизложенные замечания „заклеймят" слева—„оппортунизмом", а справа—„социализмом".

Любопытно, что формулированная в общей форме необходимость сокращения непроизводительного потребления признается почти всеми, но почти не встречается правильного понимания непроизводительного потребления, потому что нет правильного понимания законов потребления и приведенных выше таблиц (схемы потребления).

Способы сокращения различных форм непроизводительного потребления довольно просты, и мы не будем на них останавливаться. Но некоторые формы не так легко поддаются сокращению, в особенности, роскошь, для определения которой требуются об'ективные признаки. Поэтому я остановлюсь для иллюстрации на одном методе, который может применяться в различных формах.

При рассмотрении законов потребления мы приводили таблицу, иллюстрирующую характер потребления, как в частном, так и в национальном хозяйстве.

Каждая потребность может быть удовлетворена различными предметами, имеющими не одинаковую трудовую или денежную стоимость.

Напр. по Sloss'y и E. Waxweiler'y, если 100 калорий хлеба стоит 1 коп., то 100 кал. рыбы стоит 4 коп., мяса—5 коп., сыра—6 коп., яиц—8 коп. и т. д. Допустим, что стоимость шоколада будет—15 коп., экзотических фруктов—20 коп. и т. д. Потребность в одежде также может быть удовлетворена хлопчатобум. простой материей, стоимость которой определим в 5 ед., овчиной—6 шерстяной материей—10 ед., мехом белки—15, шелковой—20 ед. и т. д. Потребность в мебели: простые столы и стулья—5 ед., фанерные—10 ед., из экзотич. дерева—20 ед. и т. д., в табаке: в листовом—5, в лучших сортах—10, в папиросах—15, в сигарах—20 и т. д., в напитках: в квасе—1, пиве—10, заграничных винах—25 и т. д.

Получится следующая таблица:

I	II	III	IV	V
пища	одежда	мебель	табак	напитки
1 хлеб	5 ситец	5	4	1
4 рыба	6 овчина	10	10	10
5 мясо	10 шерсть			
6 сыр				
8 яйца	15 белка	20	15	25
15 шокол.	20 шелк			
20 экзот. фрукты	25 соболь	и т. д.	20	и т. д.
и т. д.	и т. д.		и т. д.	

Так как потребление того или другого продукта в каждом хозяйстве определяется его бюджетом, то хозяйства, располагающие 20 единицами, могут удовлетворить все перечисленные потребности только самыми дешевыми продуктами, в данном случае хлебом (1)+ рыбой (4) + ситцем (5) + простой меб. (5) + листовым табаком (4) + квасом (1). Хозяйство, располагающее 100 единицами, может уже разнообразить удовлетворение своих потребностей, затрачивая на каждую из них по 20 ед. Наконец, хозяйство, располагающее бюджетом свыше 100 ед., будет удовлетворять свои потребности предметами роскоши.

Если налоги и таможенные пошлины упадут на наиболее дешевые предметы потребления беднейшего хозяйства, то, очевидно, оно не в состоянии будет удовлетворять свои потребности. Если, напротив, обложение будет расти в такой же прогрессии, в какой растет стоимость предметов, удовлетворяющих одной и той же потребности (напр. в курении: табак, папиросы, сигары), то потребление этих более дорогих предметов сократится в тем большей прогрессии, чем выше будет их обложение, а запрещение ввоза или производства совсем уничтожит их потребление.

При рассмотрении законов потребления мы уже указали, что, по мере развития производительных сил,

необходимое потребление должно расти и minimum потребностей должен повышаться от 20 ед. до 50, до 100 и т. д., т. е. количество предметов, удовлетворяющих необходимым потребностям, должно расти и то, что раньше было предметом роскоши, делается теперь предметом необходимого потребления. Поэтому жизненный минимум определяется состоянием производительных сил, а не представляет из себя величину постоянную: в России он ниже, чем во Франции, во Франции ниже, чем в Соед. Штатах и т. д. Очевидно также, что финансовая и таможенная политика не может быть одинаковой в странах с различным состоянием производительных сил.

Мы видим, что, помимо запрещения, наиболее действительным средством для сокращения непроизводительного потребления является повышение его стоимости, когда приходится выбирать между более или менее настоятельной потребностью.

В современной России, благодаря праву бюрократии пользоваться бесплатно подводами, жел. дорогой, телеграфом и т. д., целые поезда, вагоны даются в распоряжение одного „высокопоставленного“ лица, когда „пролетарий“ может ехать только в салон-вагоне, а в кабинете сидеть в роскошном кресле за роскошным столом, когда стоимость поездки бюрократа, в особенности заграницу, исчисляется десятками тысяч рублей. До сих пор многие еще не понимают, что для народного хозяйства не имеет значения, делает ли непроизводительные затраты лицо дворянского или пролетарского происхождения.

ГЛАВА XIV.

Перераспределение производительных сил.

I.

Различные формы непроизводительного потребления ведут не только к уменьшению производительности труда каждого рабочего, но и к перераспределению производительных сил в сторону их непроизводительного потребления.

Мы уже упоминили о том, что при капиталистическом строе, огромное количество национального труда затрачивается непроизводительно. Особенно сильное увеличение непроизводительных затрат происходит во время войны. Казалось бы, что при переходе от капитализма к планомерной организации производства, не только должна была бы увеличиться производительность труда, по прежде всего должно было бы произойти перераспределение рабочих сил, в сторону их производительного потребления в производстве. Тем не менее, если мы посмотрим, по имеющимся у нас отрывочным данным, на процесс перераспределения производительных сил, поскольку он выражается в распределении рабочих по разным отраслям народного хозяйства в 1917—1920 г. г., то увидим, что произошло относительное увеличение непроизводительного потребления и колоссальное сокращение потребления производительного, несмотря на то, что в 1917 г. была огромная армия и существовал капиталистический строй. Это видно из следующих цифр:

Рабочие и служащие	в 1917 г. в тысячах	в 1920 г. в тысячах
Железнодорожники	560	900
Водный транспорт	280	180
Автогужевой тр.	140	120
Строительное дело	200*)	200
Сельское хозяйство	1400	100
Индустриальн. раб.	2050	1000
прочие	2700	2400
	Всего 7.330	4.900.

Если рассмотреть приведенные ряды цифр по характеру затрат труда на различные отрасли народного хозяйства, то мы увидим, что в том и другом ряде цифр, затраты труда на производство предметов потребления и средств производства вообще незначительны по сравнению с затратами труда на обмен (различные виды транспорта) и обслуживание потребностей городского населения (группа, „прочие", куда входят: почта, телеграф, телефон, искусство, пожарное дело, трамвай, водопровод, служащие фабрик, служащие общественн. и правит. учрежд. и т. д.)

Но если сравнивать количество индустриальных, сельско-хозяйственных и строительных рабочих в 1917 г. и в 1920 г., производивших продукты для сельского и для городского населения, то мы увидим, что за эти годы произошло огромное сокращение именно этих производительных рабочих.

Сельско-хозяйственных рабочих из 1400 тысяч осталось только 100 тыс., а 1300 тыс. превратилось в мелких земледельческих хозяев, имеющих посева менее 2 х десят. на хозяйство, т. е. производящих продукты только для собственного потребления, между тем как еще в 1917 году они производили для рынка, главным образом, для города. Количество индустр. рабочих производивших и для города и для деревни с 2050 т. чел. со-

*) Эта категория рабочих и в 1917 году была меньше сравнительно с нормальным мирным временем.

кратилось до 1000 т., т. е. сократилось более чем вдвое, хотя количество других категорий рабочих и служащих почти не сократилось. Непроизводящих продукты, т. е. без сельско хоз., строительных и индустриальных рабоч. было занято в 1917 г. 3.680 тыс., а в 1920 г. 3 600 тыс., количество же рабочих, производящих продукты для других, сократилось с 3.650 тыс. до 1.300 тыс., т.е. почти в 3 раза. Следовательно, если даже производительность труда этих рабочих и не сократилась, то самое уменьшение почти в три раза количества рабочих, производящих для о-ва продукты, указывает на огромное перераспределение рабочих сил (производительных) в сторону их непроизводительного потребления.

Правда, некоторые факты показывают, что Советская власть стремится направить часть рабочих сил на более производительную и более необходимую их затрату (переход резинового производства исключительно к производству средств производства, переход к производству одного сорта муки в мукомолье и т. д.), но эта экономия производительных сил является каплей в море колоссального относительного увеличения непроизводительного потребления, ибо при общем сокращении продукции, огромный аппарат транзитный (1200 тыс.), бюрократия (700 тыс.) и т. д. занят почти исключительно распределением и организацией потребления продуктов, которые производятся все в меньшем и меньшем количестве

Итак, при существовании капитализма, когда непроизводительное личное потребление почти не было ограничено, **когда была мировая война и колоссальная армия, количество рабочих, занятых продукцией, составляло больший процент, чем в 1920 году.** Это перераспределение производительных сил в сторону их непроизводительного потребления нельзя об'яснить гражданской войной и мобилизацией населения, потому что количество рабочих и служащих, **не занятых** продукцией, почти не сократилось. Частичные меры не могут остановить сокращение производства в индустрии и особенно в главной отрасли промышленности, в земледелии, где, как я указывал выше, крестьянину выгоднее сокращать производство продуктов до нормы удов-

летворения только собственных потребностей хозяйства. Статистические данные о крестьянских посевах в России показывают, что в 1920 году произошло колоссальное сокращение посевов в многосеющих хозяйствах, т. е.. как раз в тех хозяйствах, которые раньше производили большую часть продуктов для сбыта.

Мы видим, что и в индустрии и в земледелии постановка проблемы распределения впереди проблемы продукции повела к сокращению производства и продуктов земледелия и предметов обрабатывающей промышленности не только благодаря сокращению средств производства, но и благодаря перераспределению рабочих сил в сторону непроизводительного их потребления.

Благодаря сокращению продукции, чтобы получить от деревни предметы потребления, городское население принуждено отдавать в обмен за них все, что, оно имело: одежду, обувь, обстановку. Из этого делается вывод, что деревня эксплоатирует город, что „хозяйственные мужички" обижают горожан, что теперь крестьяне стали их эксплоатировать. Вывод совершенно неправильный, так как теперь эксплоатация деревни городом усилилась. Если раньше в обмен за продукты сельского хозяйства деревня получала, хотя и по высоким ценам предметы индустрии, то теперь она почти ничего не получает, кроме старья и хлама, именно потому, что город занят распределением и непроизводительной работой и бестолковой растратой, а не производством.

Колоссальные производительные, (с военной точки зрения), расходы в армии, где на каждого бойца приходится слишком много надзирающих, обслуживающих или просвещающих, еще более обостряют безвыходное положение народного хозяйства.

К сожалению, социалисты и до сих пор не понимают, что для производительного населения при его голодовке представляет мало интереса сознавать, под какой партийной кличкой и с какими лозунгами потребляется непроизводительно национальный доход и в качестве членов какой партии оно голодает. Этим и об'ясняется все большее и большее равнодушие населения к различным политическим формам государства

и к различным партиям: ни одна партия, кроме заведомо ложных обещаний, ничего не дает, так как не видит и не может устранить основных причин экономического кризиса.

К перечисленным видам непроизводительного потребления нужно еще причислить одну форму потребления, вытекающую из самых основ современного экономического строя в России.

При капиталистическом строе каждый хозяйствующий субъект, имевший возможность путем накопления превратить накопленное в орудия и „средства производства," чтобы получить „доход", стремится „накоплять", не потреблять непосредственно весь доход, который он получал. Это относительное сокращение непосредственного личного потребления было свойственно не только буржуазии, но и крестьянству и даже, в известной степени, живущим жалованьем служащим и рабочим. С уничтожением частнопредпринимательского хозяйства, с введением борьбы против „хозяйственных мужичков", мотивы к накоплению исчезли, и не только буржуазия, но и крестьянство стремится потреблять все, что возможно. На ряду с голодовкой в тех районах, где уже все потреблено, те крестьяне, которые еще имеют возможность потреблять больше, по их же словам никогда не питались и не потребляли так много, как теперь. Не вдаваясь в моральную оценку того, хорошо или дурно накоплять, хорошо или дурно непосредственно потреблять все, что возможно, я только констатирую, что не только буржуазия, но все классы населения стремятся все превратить в потребительные ценности и все, что имеют, потребить, так как накопление не дает увеличения дохода). Это служит одной из причин падения производительных сил страны, так как в замен частно-хозяйственного накопления не происходит накопления общественного. При параличе частнохозяйственного накопления должен быть очень

*) Аналогичное такой форме непроизводительного потребления создается потребление, вызываемое запрещением выезда из городов голодающего района в районы обильные хлебом: непроизводительное население искусственно задерживается в качестве потребителей там, где недостает предметов потребления.

высокий уровень развития производительных сил и очень умелое их распределение, чтобы общественное накопление не только не остановилось, а подвинулось вперед. Между тем, при универсальном невежестве, которое существует в области экономики во всех странах, на это расчитывать, пока, не приходится.

Таким образом, наиболее трудной задачей при решении социальной проблемы при всех формах хозяйственной жизни является задача сокращения непроизводительного потребления. При капитализме, когда рабочий класс не может оказывать значительное влияние на характер потребления, огромная часть национального дохода тратится на армию и на безработицу, вследствие анархии производства. Заинтересованные группы имущих классов будут оказывать сопротивление образованию общественных фондов для использования труда безработных на общественно необходимые нужды, так же как и ослаблению милитаризма. С другой стороны мы видим, что борьба с капитализмом сводилась к сокращению накопления и тоже к увеличению непроизводительного потребления, лишь в других формах.

Поэтому из приведенных выше цифр мы и видим, что в России распределение производительных сил происходит в крайне неблагоприятную сторону для их развития. Процесс перераспределения производительных сил, вследствие их ограниченности, чрезвычайно трудный и болезненный процесс. При превращении натурального хозяйства в капиталистическое он происхолил в течение веков и только на почве производительного накопления. При капитализме он проявляется в виде кризисов, так как только post factum на рынке выясняется неправильное распределение производительных сил. Всякое насильственное их перераспределение, как было во время войны, не исходящее из изложенных нами законов потребления, приводит к кризису или капиталистическому (в Западной Европе), или к продовольственному и производственному (в России). Голод, неурожаи и падение индустрии, которые явятся результатом указанных мною непроизводительных затрат и неправильного перераспределения производительных

сил, для населения ничуть не будут легче капиталистических кризисов, а, пожалуй, значительно тяжелее.

2.

Если далее анализировать распределение производительных сил в производящих отраслях промышленности, то мы увидим, что здесь производство предметов непосредственного потребления сократилось меньше, чем производство средств производства. К сожалению, хотя теперь в России много говорится и пишется об общем хозяйственном плане и правильном распределении производительных сил, но с этой точки зрения нет даже разработки статистических данных о процессе перераспределения производительных сил, об этом приходится заключать по отрывочным данным. По этим данным сокращение производства предметов непосредственного потребления и средств производства, в первой половине 1920 г. против годового производства 1913—14 г. произошло следующее:

	1913—14 г.	Перв. пол. 1920 г.	% к полугод. производству мирн. вр.	
Производство предметов непосредственного потребления.				
Мыло, свечи . .	20 867 т п	291 т п	2,5%	
Мука	1.000.000 „ „	90 000 „ „	18 %	
Ростит. масло .	23 н.п	500 000 „ „	4,5%	
Льнян. фабр. . .	3 240 „ „	540 „ „	33 %	
Сахар	105. н.п	4.737 „ „	4,5%	
Крахмал	13.200 т. п.	1.042 „ „	7,8%	
Табак	4.300 „ „	380 „ „	17,7%	
Спички	3 650 ящ.	310 ящ.	16 %	
Стекло	440 „	28 „	13 %	
Бумага	13.800 п	1.030 п.	15,2%	
Производство средств производства.				
Краски, лаки и пр.	3 м. п.	33 т. п.	2,2%	
Уголь	1.800 „	225 м. „	25 %	
Нефть	600 „ „	100 „ „	33 %	Повидимому не добыто в 20 г., а вывез. из Баку.

Медь	1.330 т. п	мен. 330 т п	—
Марганец . . .	17 м. „	—	—
Свинец	100 т. „	—	—
Цинк	200 „ „	—	—
Платина	300 „ „	50 п	33 %
Жел. руда . . .	530 м. „	32 м	12 %
Чугун	257 „ „	30 „ „	2,4%
Железо и сталь .	220 „ „	4 500 т. „	4 %
Серная кислота .	11 „ „	1 250 „ „	11,4%
Азотная кислота	1470 т „	—	—
Цемент	115 м „	—	—
Минерал. удобр.	10 030 т „	—	—
Смолокурение .	6 м. „	4.500 „ „	75 %

Из этих, к сожалению, отрывочных данных видно, что менее всего сократилось производство (правильнее добыча) тех средств производства, которые добываются в готовом виде, не требуя никакой обработки (уголь, нефть, платина, жел. руда, (а также продуктов добываемых в мелком крестьянском хозяйстве (смолокурение, техническ. растения). Из других же продуктов, составляющих средства производства, только добыча серной кислоты превышает 10% добычи мирного времени. Колоссальное сокращение и отчасти **полное прекращение** производства средств, необходимых для будущего производства, является признаком наиболее неблагоприятного распределения производительных сил для их будущего развития.

Прекращение производства цемента для строительной промышленности, минеральных удобрений для земледелия, сокращение до 2,4% чугуна для производства орудий производства, должно отразиться на главнейших отраслях промышленности, в виде дальнейшего сокращения продукции. Не менее опасно небольшое, повидимому, сокращение посевной площади: по данным Ларина сокращение посевной площади к 1920 г. произошло на 30%, но нужно принять во внимание расширение посевной площади хозяйств, имеющих до 2-х десятин посева, организованных бывшими с-хоз. рабочими.

Таким образом площадь посева тех хозяйств, которые производили не столько для собственного потребления, сколько для сбыта, сократилась в огромных

размерах. Между тем городское и промышленное население от хозяйств, имеющих посева менее 2-х десятин, ничего получить не может.

Это превращение крестьянского хозяйства в хозяйство, производящее только для собственного потребления, превращение по причинам, которые я указал выше, грозит дальнейшим сокращением индустриального населения, ибо если для промышленности нужны средства производства, то не менее нужны для нее и предметы потребления рабочих, не говоря уже о том, что они необходимы в огромном количестве и для административно—распределительного и перевозочного аппарата.

Уничтожение хозяйств, производящих избытки против собственных потребностей, которое ведется под флагом борьбы с кулачеством, является результатом полного подчинения задачи продукции принципу распределения; последствия этого не остановить никакими мерами внешнего принуждения, агитации и убеждения.

Только заинтересованность каждого производителя в увеличении продукции его хозяйства может снова ее повысить.

Все рассмотренные нами формы непроизводительного потребления сводятся к двум основным формам: 1) **личного** и 2) **общественного** непроизводительного потребления.

Личное непроизводительное потребление при капиталистическом строе выражается, главным образом, в виде предметов роскоши: „выездных лошадей" автомобилей, прислуги и т. д., а общественное, главным образом, в виде затрат на армию и бюрократию и в виде безработицы созданной анархией производства.

При советском строе **личное** непроизводительное потребление сосредотачивается главным образом в бюрократической среде, в хищениях, а среди более широких слоев населения лишь в виде расхищения того, что осталось от старого строя: порча хороших зданий, обстановки и т. д. За то общественное непроизводительное потребление принимает самые разнообразные и неожиданные формы, из которых наиболее опасными яв-

ляются бесполезные затраты труда, порча продуктов вследствие невежества руководящих агентов власти и анархия производства вследствие неправильного распределения производительных сил, ведущая к тем же последствиям, как и при капитализме,—к безработице и кризисам (вследствие отсутствия топлива, увлечения грандиозными планами, несоответствующими состоянию производительных сил. и т. д.)

Наконец захват власти какой бы то ни было малочисленной группой населения, не опирающейся на сочувствие подавляющего его большинства, независимо от форм хозяйства, неизбежно приводит к огромным непроизводительным затратам на армию для поддержания власти, на подкуп и содержание сторонников власти и т. д).

Как построить государственную власть, опираясь на минимум военной силы и подкупа, это вопрос политики и его решение не входит в нашу задачу.

При наблюдении советского хозяйства в России, естественно является вопрос, почему в Советской России, стремившейся сократить непроизводительное потребление капиталистического государство, это потребление не только не сократилось, а увеличилось и перераспределение производительных сил произошло в наиболее неблагоприятную сторону?

В капиталистической стране главная доля непроизводительного потребления, несмотря на роскошь имущих классов, падает на государство. Народное хозяйство в нормальных условиях в капиталистической стране через частные хозяйства накопляет, несмотря на непроизводительное потребление государственного хозяйства, т. е. производительное потребление во всем хозяйстве страны превышает непроизводительное. **Государственное** хозяйство может так много потреблять, что его потребление будет превышать его доходы и оно, пополняя бюджет выпуском бумажных денег, будет расстраивать не только свое финансовое хозяйст-

*) Субсидии какой либо группе, а также организация и содержание различных учреждений и агентов для поддержания власти обычно является своеобразной формой и наиболее непроизводительного потребления.

во, но, в известной степени, народное хозяйство. Тем не менее и при этих условиях в народном хозяйстве через частные хозяйства может происходить процесс накопления и производительные силы страны, при расстройстве государственного (финансового) хозяйства, могут развиваться.

В Советской России государственное хозяйство разрослось за счет частного хозяйства и поглотило крупные и средние предприятия, в которых процесс накопления происходил наиболее интенсивно. Но государственное хозяйство имеет тенденцию к увеличению непроизводительного потребления при всех формах хозяйства, т. к его нехозяйственные потребности (стремление к укреплению власти и целый ряд других), а также все перечисленные выше виды непроизводительного потребления кажутся необходимыми для самой власти. Благодаря этому разбухание государственного хозяйства, вместо ожидаемого сокращения непроизводительного потребления, существовавшего при капиталистическим строе, ведет к увеличению потребления за счет производства. Разумеется, при устранении перечисленных выше и указанных ниже условий, влияющих на понижение производительных сил страны, общественное хозяйство может развивать их более интенсивно, чем капиталистическое хозяйство, но для этого необходим целый ряд условий, на которые мы укажем ниже Во всяком случае, когда даже агенты власти не имеют понятия о значении накопления) и непроизводительного потребления, в государственном хозяйстве потребление будет превышать его доходы

3.

Социальную проблему, в том ее понимании, которое существовало у социалистов, очень ярко, сжато и правильно формулировал Ленин следующей формулой:

.) Некоторые экономисты в Советской России говорят о „социалистическом накоплении", но совершенно не имеют понятия об источнике, откуда может происходит это накопление . Они и не подозревают, что накопление связано с сокращением непроизводительного потребления и что без его сокращения и без связанного с ним увеличения продукции остаются пустые разговоры о „накоплении". Смешно говорить о „накоплении", когда проедаются последние средства производства.

„Социализм—это распределение и учет". Социалисты, не согласные с политикой Ленина, например, Каутский, стараются доказать, что марксизм Ленина не настоящий марксизм, а Ленин доказывает то же самое по отношению к Каутскому, т. е. полемика ведется в том же духе, в каком ведутся, как я указывал во введении, все сектантские споры: цитатами и толкованием писания учителей. Как различные вероучения можно подтвердить толкованием различных мест Евангелия, точно также и различные толкования социалистических писателей ничуть не исключают принадлежности того или иного писателя к марксистскому толку, если они исходят из различного понимания вероучения.

Меня в данном случае не интересует да и никогда не интересовала степень правоверности того или другого марксистского писателя, но во всяком случае Ленин не меньше имеет основания считать себя марксистом, чем Каутский и др. Его формулировка социальной проблемы, приведенная выше, выражает общее ее понимание всеми социалистами. Этой формулировке, повидимому, противоречит, не раз указанное мною стремление коммунистов, под влиянием опыта, подчинять проблему распределения проблеме продукции. Но, как я упоминал, это стремление еще не является осознанным, а вынужденное суровой практикой не получило ни теоретического, ни практического обоснования.

Для теоретического обоснования необходимо исходить из законов потребления и деления национального дохода на три части и при капитализме и при социализме: 1) на производительное, 2) необходимое, 3) непроизводительное потребление. Только анализ этих частей даст возможность решения проблемы продукции, а в связи с этим и проблемы распределения понимая под ней личное потребление.

Чтобы подойти практически к этой проблеме, необходимо анализ потребления произвести над конкретной действительностью, и не только анализировать, но и распределять производительные силы страны сообразно задачам продукции, т. е. распределять их между тремя указанными категориями потребления.

Пока не сделано такого анализа, до тех пор нельзя даже определить, развиваются ли производительные силы страны или падают. Если в настоящее время одни доказывают, что производительные силы страны падают, и в доказательство этого приводят сокращение продукции в одних отраслях промышленности, если другие, указывая на оживление той или другой отрасли промышленности и даже на увеличение успешности разверсток, доказывают этим развитие или по крайней мере остановку падения производительных сил, то и те и другие доказательства не выдерживают критики без анализа характера потребления национального дохода.

Так как с этой стороны совершенно нет даже подхода к вопросу ни со стороны экономистов, ни со стороны статистиков, то, разумеется, в настоящее время не имеется и материала, по которому можно было бы судить, в каком состоянии находятся производительные силы страны. Когда имеются данные за ряд лет о продукции страны, то, разумеется, из сравнения размеров этой продукции с предыдущими годами, можно определить увеличивается ли она или падает. Но и такие данные могут быть обманчивы. В начале мировой войны, в воюющих странах, продукция этих стран, в особенности в области производства военного снаряжения, несомненно увеличилась. Но это увеличение происходило, главным образом, за счет сокращения орудий и средств производства и передвижения, которые потребляются в производстве не сразу, а в течение ряда лет. Поэтому, несмотря на увеличение продукции в целом ряде производств для непроизводительного потребления, производительные силы страны падали на ряду с увеличением прибылей и производства. Таким образом, для экономического строительства и даже для выяснения состояния производительных сил, важно знать не только назначение производимых предметов для непосредственного потребления (и какого именно), но и назначение орудий и средств производства. Электрические станции, предназначенные для освещения жилых домов и улиц, имеют другое значение, чем те же станции, предназначенные для приведения в движение машин и освещения фабрик. То же можно сказать об

автомобиле, предназначенном для раз'ездов „высокопоставленных" лиц и грузовом автомобиле, о железе, затраченном на изготовление кос и о железе, затраченном на предметы непосредственного потребления или на военное снаряжение и т. д. Между тем, в современном советском хозяйстве не только нет учета того, что имеется для производства средств производства, предметов необходимого и предметов непроизводительного потребления, но эта проблема даже и не ставится. Ни один из организаторов хозяйства не может сказать, какая доля производительных сил должна или будет затрачиваться на каждый из указанных мною отделов потребления национального дохода; пока же нет таких данных, до тех пор нельзя и определить, будут ли производительные силы страны падать и с какой стремительностью или будут развиваться.

Потребление является обратной стороной производства и распределения производительных сил страны. Увеличение производительного потребления выражается и перераспределением производительных сил в сторону увеличения орудий и средств производства. Статистические данные в России, в настоящеее время, не дают возможности дать анализа состояния производительных сил, потому что правильной постановки проблемы еще нет, тем не менее кое какие косвенные данные говорят за то, что распределение производительных сил России крайне неблагоприятно для их развития.

Так, имеющиеся у меня под руками данные о населении Москвы и Петрограда, дают следующие цифры: процент советских служащих по отношению ко всему населению и к рабочему возрасту в Петербурге и Москве был следующий:

	В ПЕТЕРБУРГЕ:		В МОСКВЕ:	
	Ко всему населению.	К рабоч. возрасту	Ко всему населению.	К рабоч. возрасту.
В 1920 г.	25%	50%	22,7%	45%
„ 1918 г.	14%	28%	9,3%	195,%
„ 1910-12 г.	9,7%	19%	9,5%	19,%

Из этой таблицы мы видим колоссальный рост бюрократии как по отношению ко всему населению, так и по отношению к рабочему возрасту. Распределение производительных сил в самых крупных и промышленных городах России создалось такое, что от 45 до 50% по отношению к населению рабочего возраста занято на советской службе. Но из остального населения выделить количество рабочих, занятых непосредственно продукцией, мы не можем. Еще менее возможно выделить из этой группы ту часть производительных рабочих, которые заняты производством средств для дальнейшего производства. Вероятнее всего, что производительные рабочие заняты почти исключительно производством предметов непосредственного потребления и последнее существует за счет сокращения орудий и средств производства.

В отсутствии данных о распределении производительных сил, разумеется, виноваты не статистики, которые являются исполнителями заданий руководителей и организаторов экономической жизни. Последние еще не представляют себе ясно значение различного характера потребления, а в связи с этим, значения распределения производительных сил по характеру потребления производимых продуктов. Подходя с таким же анализом к сельскому хозяйству, из общих неопределенных данных можно всетаки видеть, что произошло относительно большее сокращение производства средств производства, чем предметов непосредственного потребления. При некотором увеличении коров (на 1,7%) с 1917 г. по 1919 г., дающих молоко, молодняка рогатого скота старше 1 года сократилось на 57%, меньше 1 года на 34,7%, рабочих лошадей на 5,8%. При общем сокращении посева на 16% площадь под овсом сократилась на 25,2%, а под льном на 32%. Данные об уменьшении мертвого инвентаря у нас не имеются, но известно, что он почти не восстановляется. Таким образом, и в сельском хозяйстве перераспределение производительных сил происходит в сторону относительно большего сокращения производства орудий и средств производства (овес, лен, скотский молодняк), чем предметов непосредственного потребления.

О значении распределения и перераспределения производительных сил я писал подробнее в „Теории развития народного хвзяйства“ и в „Капитализме“, но из приведенных выше соображений не трудно увидеть, что эти вопросы на ряду с законами потребления, являются той основой, на которой строится народное хозяйство, что без изучения этой основы невозможно ни правильное понимание народно хозяйственной жизни, ни социальной проблемы, которая не может быть оторвана от народно хозяйственной почвы. Примитивное понимание проблемы продукции, *) которое проявляется как в предшествующей, так и в современной экономической лигературе, и об'ясняется тем, что ни законы потребления ни вопросы распределения и перераспределения произзодительных сил не привлекли внимания.

В книге „Капитализм“ я указывал, каким путем, при капиталистическом строе, перераспределяются (рабочие) производительные силы. Орудием перераспределения является заинтересованность рабочих также как и капиталистов в переходе к той или другой отрасли производства При отсутствии капиталиста-предпринимателя орудием перераспределения производительных сил, передвижения рабочих также может быть материальная выгода передвижения для рабочего, ибо только при этом условии его труд будет наиболее производительным. Впрочем, эта практическая сторона вопроса не входит в задачи моего исследования...

*) Любопытно, что прожектерство всяких грандиозных сооружений и предприятий появляется именно теперь, в период наибольшего обнищания страны, когда возможности для осуществления грандиозных проектов минимальные.

ГЛАВА XV.

Трудовая повинность.

На почве эксплоатации чужого труда, как при капиталистической форме производства, так и при предшествовавших капитализму хозяйственных отношениях, основанных на рабстве и крепостничестве, наиболее ярко бросается в глаза социальная несправедливость, выражающаяся в том, что целые социальные группы, эксплоатируя чужой труд, являются совершенно не производительными При этом как раз группы, которые ничего не делают, которые бесполезны для производства, потребляют больше, чем группы населения, производящие материальные ценности. Это является не только резко бросающейся в глаза социальной несправедливостью но и замедляет развитие производительных сил страны, так как потребление этих групп является непроизводительным потреблением.

Социалисты теоретически сделали правильный вывод, что, если непроизводительные группы населения также будут заняты производительным трудом, то продукция страны должна благодаря этому повыситься, так как увеличится число производительных работников и сократится число бездельников. Из этого следует логический вывод, что трудовая повинность, обязывающая каждого заниматься трудом, который требуется народным хозяйством, в огромной степени должна увеличить продукцию и повести к развитию производительных сил.

Между тем, опыт применения трудовой повинности показал, что результаты ее применения совсем не соответствуют приведенному нами логическому выводу, и продукция страны продолжает, вопреки логике, падать.

Идея, что, если из населения в 100 милл. человек работает 90 милионов, то они произведут при прочих равных условиях меньше, чем 100 миллионов, оче-

видно правильна, так как неоспорим, что сто больше девяноста. Но так же ясно и то, что если при работе ста миллионовчеловек получается меньший результат, чем при работе девяноста миллионов, то потому, что при новых условиях каждый из 100 милл. производит меньше, чем раньше каждый из девяноста, или потому, что новые 10 миллионов работников заняты непроизводительным трудом.

При тех услозиях, в которых проводится трудовая повинность, сокращения производительных сил происходит и от сокращение продукции каждого работающего суб'екта и от увеличения непроизводительного труда. При этом оба фактора, сокращающие продукцию страны, тесно связаны с трудовой повинностью.

Повышение производительности каждого работника, как я указывал, тесно связано с его индивидуальной заинтересованностью в увеличении его продукции. На примере ленских золотых приисков, на примере доставки соломы на такие огромные расстояния, что провоз ее требует большей затраты сена, чем количество привезенной соломы, мы видели, что даже сами организаторы хозяйственных операций сокращают продукцию непроизводительной затратой труда, который, благодаря трудовой повинности, не ценится и рассматривается, как даровая сила, т. е так же как когда то рассматривался труд крепостных.

Но эта сторона имеет меньшее хозяйственное значение, чем индивидуальное отношение каждого работающего суб'екта к своему труду.

Трудовая повинность дает и право на вознаграждение за труд. Так как она исключает отбор наиболее приспособленных к данному труду работников, потому что, например, копать землю может быть вынужден и професионал землекоп и человек никогда раньше не бравший в руки лопату, то при одинаковой оплате труда землекопов, последние будут равняться по наименее производительному труду. Но малопроизводительный труд оплачивается, как нормальный труд, потому что существование работающего человека должно быть обеспечено. Если работник отбывает трудовую повинность, то тем самым он получает и право на нор-

мальное вознаграждение этого труда. Благодаря этому нет никакого рассчета увеличивать свою продукцию выше наименее производительного труда.

С другой стороны значительная масса, работающих принудительно, заинтересована даже в том, чтобы производительность труда приближалась к нулю.

Те, кто занят или не тем трудом, который желателен, или не в том месте и не в той обстановке, которая желательна, вовсе не стремятся сохранить за собой данную работу, а, напротив, заинтересованы в том, чтобы от этой работы в этой обстановке избавиться. Но так как не работать нельзя, а можно лишь делать вид, что работаешь, проводить время, как будто за работой, то и получается результат от трудовой повинности совершенно противоположный тому, ради которого она введена: производительность труда работающих сводится до крайнего минимума, при крайне тягостном самочувствии значительной части работающих принудительно. Разумеется, и при существовании трудовой повинности значительная часть работающих может работать с энтузиазмом, руководствуясь идеей или интересом к данному труду; но для этой категории и самая работа не является повинностью, т. е. принудительным трудом.

Из этого анализа психологии труда ничуть не следует, что не нужно создавать условий, при которых не было бы бездельников. Напротив, каждая единица труда увеличивает продукцию страны, и ошибка социальных реформаторов заключается не в формуле „не трудящийся да не ест", а в способе использования живого труда. Увеличение количества работников поведет к увеличению продукции тогда, когда каждый работник заинтересован непосредственно в этом. Поэтому капиталистический строй является более продуктивным, чем крепостной и рабский. Но так как и при капитализме рабочий не заинтересован в общем увеличении продукции того предприятия, где он работает, а лишь в увеличении своего заработка, то более прогрессивным строем, способным увеличить продукцию страны, будет такой экономический строй, при котором каждый работающий будет находить лично выгодным и увеличе-

ние своей продукции и увеличение продукции предприятия, в котором он работает. *) Само по себе принуждение работать не увеличивает, а уменьшает продукцию; увеличивает ее необходимость и выгодность наиболее производительного труда; принуждение, без субъективного стремления каждого работника произвести больше, приводит к резкому падению продукции. Поэтому, несмотря на введение трудовой повинности во всех отраслях хозяйства, работников недостает; поэтому разростается бюрократический аппарат и канцелярская волокита, которая, мешая правильному функционированию хозяйственного и административного аппарата, поглощает непроизводительно огромное количество бумаги и рабочих сил; поэтому количество контролеров, администраторов и их служащих превышает количество производительных работников. Пока не будет осознано, что увеличение числа работников без увеличения **производительного** потребления труда в производстве не поведет к увеличению продукции, пока не будет осознано значение производительного и непроизводительного труда (см. главу „Значение проблемы потребления"), увеличение числа работников может сопровождаться сокращением продукции страны.

Таким образом, и при введении трудовой повинности, которое имеет ввиду увеличение продукции, постановка на первое место задачи равномерного распределения встает в противоречие с проблемой продукции, не достигает цели и приводит к обратным результатам.

---

*) Это не нужно понимать таким образом, что каждая группа рабочих на каждой фабрике должна распоряжаться всеми продуктами ее производства. Такой синдикализм приводит к уничтожению, к проеданию предприятия, в котором они работают или к эксплоатации потребителей продуктов этой фабрики.

ГЛАВА XVI.

Классовые интересы.

I.

Отсутствие научного анализа таких понятий, как „классовые интересы", „интересы развития хозяйства" приводит к невозможности ясно определить, что скрывается за этими понятиями. Благодаря этому, часто противопоставляются, напр. „истинные" интересы рабочего класса, очевидно, каким то не истинным. Например, повышение заработной платы рабочего, превышающей его производительность, несомненно происходит в интересах рабочего, но оно ведет к сокращению продукции и к безработице, от которой в конце концов пострадает рабочий же. Если в интересы рабочего входит сохранение и развитие продукции при капитализме, то в том же заинтересованы и капиталисты. Из этого следует вывод, что интересы рабочих совпадают с интересами капиталистов. А между тем мы знаем, что интересы рабочих и капиталистов противоположны.

Чтобы избежать такой путаницы, нужно ясно и точно определить, что **классовые** интересы настоящего суть **интересы распределения**. Очевидно, что интересы различных классов, принимающих участие в дележе национального дохода, в распределении его, противоположны и в настоящем, и в прошлом, и в будущем

Но на ряду с классовыми противоположными интересами можно иметь в виду интересы хозяйственного развития, которые один класс не всегда может противопоставлять интересам другого класса. При капиталистическом строе класс капиталистов также может быть заинтересован в развитии народного хозяйства, как и класс рбочих. Класасовые интересы рабочих, т. е. интересы **распределения в их пользу** больше связаны с интересами развития хозяйства только по-

тому, что рабочие заинтересованы в сокращении и уничтожении непроизводительного потребления, ради которого в конечном счете ведется капиталистическое хозяйство. **Поскольку рабочий класс подчиняет интересы распределения интересам продукции, т.е. свои классовые интересы настоящего интересам хозяйственного развития, интересам будущего, постольку он может стать носителем экономического прогресса и нового социального строя.**

Таким образом, крайне ошибочно отожествлять классовые интересы (интересы распределения) настоящего с интересами хозяйственного развития (будущего), потому, что при **распределении национального дохода интересы различных классов** (напр. рабочих и предпринимателей), **противоположны, а в хозяйственном развитии могут быть заинтересованы классы с противоположными классовыми интересами.** Если это так, то и классовые интересы настоящего рабочих и классовые интересы буржуазии и других классов должны быть подчинены интересам развития народного хозяйства и не может быть допущено, например, такое распределение национального дохода, чтобы какой нибудь класс потреблял больше, чем производится, так как от этого пострадают интересы развития хозяйства, т. е. будущего всего общества).

Это не значит, что рабочий класс должен отказаться от защиты своих интересов (настоящего) . Напротив, как я заметил, если он, подчиняя свои интересы интересам хозяйственного развития, направит свою борьбу на сокращение непроизводительного потребления, то не только улучшит свое положение, но и даст толчек развитию хозяйства, развитию его производительных сил. В конечном счете уничтожение непроизводительного потребления ведет к уничтожению капи-

*) Во имя классовых интересов, при войне с Германией „интернационалисты", об'ективно содействовали дележу России, как теперь многие, во имя других классовых интересов, поддерживают интервенцию, т. е. тоже дележ России. Об'ективно слепое подчинение интересов хозяйственного развития страны групповым и классовым интересам, чьи бы они ни были, может привести страну на край гибели, хотя в суб'ективных стремлениях к этому, разумеется, нельзя обвинять целые общественные группы.

тализма, как организации производства, имеющей целью непроизводительное потребление.

Таким образом, защита классовых интересов рабочих и классовая борьба, поскольку она направлена против непроизводительного потребления, не только является необходимой при капитализме, но она будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет непроизводительное потребление, т. е. пока остается капиталистический строй, так как целью капиталистического предприятия является стремление получить прибыль для удовлетворения потребности в роскоши, т. е. непроизводительное потребление капиталиста. Естественно, у представителей каждого класса является вопрос, в указанных нами рамках, какую роль играет классовая борьба, какую роль играет в ней каждый общественный класс и к каким об'ективным результатам приводит борьба каждого класса? Роль капиталистической буржуазии в процессе экономического развития легко выясняется из выше изложенного. Поскольку при капитализме происходит процесс производительного накопления, постольку и буржуазия играет прогрессивную роль. Но так как целью хозяйственной деятельности капиталиста является не развитие производительных сил, а непроизводительное потребление и так как оно может принять даже опасные для экономического развития и человечества формы, в виде завоевательных стремлений и безграничной эксплоатации труда для непроизводительного потребления, то борьба против таких тенденций, присущих капитализму, является необходимой.

Мелкие собственники, главным образом, крестьянство на ряду с пролетариатом является классом, который заинтересован в сокращении непроизводительного потребления, так как крупная буржуазия всегда стремится переложить на мелкую собственность или, правильнее, взять от мелких собственников ту долю национального дохода, которая идет на непроизводительное потребление. Но эти два союзника, крестьяне и рабочие, против крупного капитала являются между собою противниками по отношению к производительному накоплению, поскольку оно сосредоточивается в

руках крупного капитала, который побивает мелкий.— В этом отношении интересы рабочих и предпринимателей сближаются между собою против интересов мелких собственников, как это мы и наблюдаем в борьбе города с деревней, в борьбе из за таможнной политики и т. д.

Наконец рабочий класс, поскольку его борьба за свои интересы подчинена интересам хозяйственного развития, т. е. поскольку он, стремясь улучшить свое положение, **борется за сокращение непроизводительного потребления, постольку** является не только носителем идеи освобождения трудящихся от эксплоатации, но и идет к осуществлению этой идеи.

Борьба за сокращение непроизводительного потребления может происходить главным образом в форме **политической борьбы,***) так как только через посредство государственной власти возможно его ограничение. **Экономическая** борьба может происходить почти исключительно на почве отстаивания своих текущих классовых интересов для увеличения своей доли в национальном доходе. Но так как это увеличение может происходить без ущерба для дальнейшего развития народного хозяйства за счет непроизводительного потребления, то улучшение положения рабочего класса зависит главным образом от его успехов в политической борьбе, поскольку она ведет к сокращению непроизводительного потребления. Ибо если успехи его в экономической борьбе происходят за счет накопления, т. е. развития производительных сил, то и сделанные экономические завоевания исчезнут, как только развитие продукции остановится. Поэтому мы и видим в Советской России ухудшение положения рабочего класса, хотя в ней производство не находится в руках капиталистов. Ухудшение положения рабочих произошло и в европейских странах, где благодаря войне накопленный капитал сократился.

В отдельности в каждом частном предприятии рабочие не могут определить, поскольку получаемая от них прибыль идет на производительное, или на непро-

*) Понимая под этим влияние на экономическую **политику.**

изводительное потребление; в рамках капиталистического строя профессиональным союзам приходится руководствоваться лишь одним критерием, получается ли предпринимателем прибыль в таких размерах, что его предприятие не закроется, благодаря более низкой прибыли, чем в других отраслях промышленности.

Увеличение продукции, благодаря процессу накопления, и сокращение непроизводительного потребления в рамках капиталистического строя дает постоянную возможность рабочим бороться за улучшение своего положения. Эта возможность тем более, чем больше сокращается непроизводительное потребление и чем быстрее идет процесс накопления от которого зависит производительность труда.

Таким образом успех рабочих в политической борьбе меряется не тем, поскольку представители буржуазии в бюрократии сменяются пролетариями,—последние сделавшись бюрократами уже перестают быть пролетариями, так как быть пролетарием,—не врожденное свойство. Опыт показал, что они делаются худшими бюрократами. Этот же опыт доказывает и то, что сама по себе диктатура пролетариата не решает социальной проблемы без процесса накопления, без превышения производства над непосредственным личным потреблением.

Между тем, при современном уровне понимания рабочими и социалистами социальной проблемы, как средства **значительного** и **немедленного** улучшения положения рабочих **при сокращении труда**, при таком понимании диктатура их неизбежно приведет к сокращению продукции и к падению производительных сил, т. е. к обратным результатам*)

Поэтому конфликт между пониманием рабочими целей государства и самим государством неизбежен. Вера в целительную силу социальной революции, независимо от характера постановки социальной проблемы,

*) В Дал. Вос. республике (Чита) рабочие кооперативных предприятий еще и теперь определенно пред'являют требование, чтобы стоимость производства превышала рыночную стоимость продукта и чтобы кооператив **приплачивал** к их заработной плате из своих средств, т. е. проявлялась тенденция проесть кооперативное предприятие.

так сильна, что падение производительных сил в России в настоящее время социалистами различных толков об'ясняется или мировой войной, которая давно кончилась, или ошибками и недостатками коммунистической власти и коммунистов, экономической „недозрелостью" России, а не ошибкой в самой постановке социальной проблемы, т. е. не ошибкой, которую разделяют и противники коммунистов.

Я считаю совершенно бесполезным оспаривать те или другие формулы и молитвы, когда с ними сжились представители различных течений общественной мысли. Важно конкретное жизненное содержание этих формул: важна не формула „классовая борьба", „классовые интересы", „диктатура пролетариата" и т. д., а какое содержание вкладывается в классовую борьбу, какое существует понимание классовых интересов, и т. д. Классовая борьба, выразившаяся в ограблении у „буржуя" предметов роскоши и в потреблении их другим лицом, хотя бы и пролетарского происхождения, ничуть не подвигает вперед решение социальной проблемы. В настоящее время происходит не только потребление, т. е. расхищение накопленного, но и расхищение естественных богатств, являющихся фондом для будущих поколений. Все это происходит под флагом „классовой борьбы".

Точно также бесполезно было бы спорить о том, ошибочно или не ошибочно называть*) одни заблуждения „пролетарской точкой зрения", а другие заблуждения „буржуазной точкой зрения". Обыкновенно, требование, чтобы рабочие, производящие продукты получали все 100 процентов этих продуктов, т. е. требование, чтобы средства производства постепенно потреблялись, а другие группы работающих, но не произво-

*) Новое название для людей, не знающих истории хозяйства, кажется новым явлением. Так введение монополий и концессий, так же как и некоторые финансовые мероприятия, представляются не возвращением к 17-18 столетиям, а шагом вперед в хозяйственном развитии страны. Новые слова и клички являются лучшим средством не только сохранять старое, но и восстанавлять отжившее. Вследствие хозяйственного регресса, многое отжившее даже в идеологии возвращается под новой кличкой.

дящих непосредственно продуктов, ничего не получали, называется „пролетарской точкой зрения" на хозяйство; требование, чтобы предприятие давало прибыль, которая должна идти на производительное потребление, т. е. накопляться для расширения производства, называется „буржуазной точкой зрения". Вероятно и теперь еще не все понимают, что в данном случае может идти речь не о „пролетарской точке зрения", а об экономическом невежестве, прикрываемом модным словом, которое теперь в России играет роль защитного цвета для приспособляющихся животных: теперь появились миллионы „стоящих на пролетарской точке зрения", скоропостижных и, в силу этого наиболее ретивых и непримиримых „коммунистов" и т. д. Все это в порядке вещей, но значительно затрудняет понимание социальной проблемы, т. к. ее берутся решать и люди, меньше всего интересующиеся ею...

2.

Мы уже указывали на то, что при капиталистическом строе все внимание, как отдельных рабочих и капиталистов, так и внимание класса капиталистов и рабочих сосредоточивается на увеличении своей доли путем сокращения доли в национальном доходе представителей другого класса. Так как распределение национального дохода происходит между классами и так как борьба происходила и происходит из за этого распределения, из за увеличения своей доли, то, естественно, что классовые интересы понимались и понимаются, как интересы распределения в пользу того или другого класса. Этим об'ясняется, что проблема продукции, интересы развития народного хозяйства не входили в кругозор классов, занятых классовой борьбой, борьбой за распределение национального дохода.

Социалистам казалось, что рабочим нечего заботиться о производительном потреблении национального дохода при капиталистическом строе, так как этот доход поступает в распоряжение капиталистов.

Теперь, уже после опыта, который показал, что производительные силы страны могут падать, что это падение наносит прежде всего удар рабочему классу, может быть поставлен вопрос, в полне ли соответству-

ет интересам развития хозяйства то понимание классовых интересов, которое создавалось борьбой исключительно из за распределения национального дохода.

Правда, опыт еще не совсем закончен. Пока падение производительных сил страны об'ясняется исключительно войной, но в ближайшем будущем будет осознано, что падение производительных сил может происходить и от превышения потребления над производством и относительного сокращения орудий и средств производства.

Итак, если классовые интересы и в программах социалистических партий и их агитации сводились к проблеме распределения, то опыт русской революции заставит принять иное понимание их. Этот опыт заставляет и заставит подчинить проблему распределения проблеме продукции или, говоря иначе, классовые интересы подчинить интересам развития народного хозяйства. Можно эти последние интересы назвать обще-национальными интересами, интересами народного хозяйства или интересами рабочего класса, но поставленными и толкуемыми так, что распределение подчиняется проблеме продукции,—дело не в словах и не в названии. Сущность заключается в изменении постановки социальной проблемы. При капиталистическом-ли, при социалистическом строе, одинаково, увеличение доли трудящихся из национального дохода должно происходить за счет сокращения потребления непроизводительного. Эта постановка социальной проблемы существенно изменит программу и тактику рабочего класса, будет ли эта программа максимум или минимум: и в том и в другом случае главное внимание будет обращаться на все виды и способы сокращения непроизводительного потребления, чтобы за его счет улучшить положение трудящихся масс. Будет ли называться классовой точкой зрения, классовыми интересами *) или как ни-

*) Марксистами принято „интересы развития народного хозяйства" отожествлять с «интересами рабочего класса». **Это отожествление имеет основание только тогда, когда рабочий класс проблему распределения подчиняет проблеме продукции,** так как развитие народного хозяйства есть вместе с тем и развитие продукции. Как видно из вышеизложенного и из последующего изложения, подчинения распределения задаче продукции до сих пор не было Людей, которые ценят слова выше их содержания, может утешить отожествление клас-

будь иначе, совершенно не важно: развитие хозяйства и содержание общественной борьбы определяются не названиями.

Из предыдущего анализа выясняется, что социальная проблема в целом и в частности проблема распределения национального дохода должна исходить из этих положений, а не из частно-хозяйственных отношений, на которые опираются деление дохода на заработную плату и прибавочную ценность. Между тем в агитации социалистических партий, в их программах, наконец, в представлении о социальном перевороте нет и намека на то, что доля рабочего может увеличиться на счет непроизводительного потребления, что задача распределения национального дохода должна быть подчинена задаче продукции.

Необходимость обеспечения развития производительных сил страны и ограничение доли рабочих таким образом, чтобы из национального дохода часть его шла на накопление, является самым уязвимым и слабым пунктом социализма. Ибо не сознательная масса рабочих всегда будет склонна следовать за утопистами—демагогами, которые будут рекомендовать рабочим массам добиваться потребления всего национального дохода. Поэтому демагогия перед малосознательными массами будет увлекать их за собой до тех пор, пока не только теоретики, но и народные массы на опыте убедятся, что без процесса накопления не может прочно улучшиться их положение. А этот опыт слишком тяжел и может на некоторое время повести к разочарованию вообще в плодотворности социальных реформ.

совых интересов рабочих с интересами хозяйственного развития и тогда словесная „формула прогресса" останется неизменной: классовые интересы рабочих (в таком понимании) всегда совпадают с интересами развития хозяйства, т. е. то, что мы отожествляем, есть тождественно. Усвоение идеи интересов народного хозяйства затрудняется тем, что **под названием** и флагом национальных интересов буржуазия всегда стремилась провести и проводила защиту своих классовых интересов. Эта подмена дискредитировала самое название; между тем сокращение непроизводительного потребления в капиталистическом обществе, противореча интересам буржуазии, будет в интересах всего народного хозяйства.

3.

Пониманию социальной проблемы при капитализме мешает следующее социальное противоречие, правильное решение которого облегчает и правильное решение социальной проблемы. При капитализме, благодаря анархии производства, благодаря тому, что **предметов потребления создается больше, чем в состоянии купить рабочая масса,** на ряду с избытком товаров, которые не находят сбыта, существует нужда и безработица, и рабочие не находят себе ни работы ни средств к существованию. Это противоречие, не разрешимое при капитализме, тем не менее может быть ослаблено в интересах трудящихся лишь при условии сокращения непроизводительного потребления, связанного с кризисом и безработицей. Перед капиталистической страной, поставленной в острое противоречие избытка товаров с безработицей, стоит дилемма или ликвидации капитализма и полного устранения анархии производства, или такого перераспределения производительных сил под давлением рабочих и всех, кто страдает от этой анархии, что бы непроизводительные растраты, вызванные кризисами, превратить в производительные. Современные капиталистические государстева даже при том бюджете, который имеется у правительства и общественного самоуправления, могли бы путем сокращения непроизводительного потребления (армии) значительно расширить удовлетворение наиболее настоятельных общественных потребностей и таким образом расширить необходимое потребление широких масс населения.

Путем высокого налогового обложения и на счет его расширения общественных работ, или расширение общественного производства для удовлетворения потребностей широких масс населения может и в рамках капиталистического строя повести к перераспределению производительных сил таким образом, что непроизводительное потребление национального дохода, в виде избытка и даже гибели товаров с одной стороны и безработицы,—с другой, может значительно сократиться. Тем не менее капитализм не может избавиться от противоречий, присущих ему.

Было бы наивно думать, что господствующие классы добровольно и без сопротивления пойдут на встречу такого рода ослаблению противоречий капитализма. Ограниченность кругозора предпринимателей, не заглядывающих дальше интересов своего кармана, всегда толкала рабочих на необходимость забастовок и революционных движений, чтобы вырвать самые необходимые уступки, т.-е. толкала рабочих для получения этих уступок на меры, ведущие к сокращению продукции. Но задачей этого давления, поскольку оно относится не к отдельному предпринимателю, а к имущим классам в целом, всегда должно быть сокращение непроизводительного потребления, произойдет ли оно в виде полной ликвидации капиталистических отношений, или в рамках капиталистического строя.

При рассмотрении форм непроизводительного потребления мы видели, что ликвидация капиталистических отношений не всегда ведет к сокращению непроизводительного потребления и к увеличению продукции, следовательно не всегда ведет и к улучшению положения рабочего класса.

Поэтому и вопросы о национализации тех или других отраслей промышленности, торговли или всего производства определяется конкретными условиями данной страны, а не теоретической, выдуманной в кабинете, формулой.

В натуральном хозяйстве каждый хозяйствующий суб'ект легко может определить, какая часть продуктов производства в этом хозяйстве должна пойти на производительное, какая часть на необходимое и какая на непроизводительное потребление. В современном сложном народном хозяйстве ни отдельный предприниматель, ни рабочие в его предприятии не могут сделать этого учета. В капиталистическом предприятии, путем повышения цены продукта, предприниматель может получать прибыль даже при условии, если рабочие его предприятия будут получать вдвое больше, чем трудовая ценность продуктов их труда, хотя бы этот труд был общественно непроизводителен. В С. А. Соединенных Штатах квалифицированный рабочий получает больший доход и живет лучше, чем в бедных странах

мелкий предприниматель, эксплоатирующий наемных рабочих.

Следовательно повышение заработной платы отдельных групп часто происходит не только за счет производительного потребления, за счет производительного накопления, но и за счет необходимого потребления других категорий рабочих же. Только сокращение непроизводительного потребления, которое может сокращаться усилиями и борьбой трудящихся масс, и не только рабочих, но и других заинтересованных в этом общественных групп, обеспечивает улучшение положения рабочего класса в целом.

4.

Критики социализма, например, Спенсер, представляли себе социалистический строй, как „грядущее рабство", где будет подневольный труд и казарма, где нет места индивидуальному развитию, где рабочий класс принизит все общество к тому уровню, на котором он стоит при капитализме, а не поднимется и поднимет других на высшую точку развития.

Это представление совершенно правильно толковалось как вульгарное, происходящее из неправильного понимания задач социализма.

Современный практический подход к социальной проблеме, показал, что такое представление о социальной проблеме является не только „измышлением буржуа", но разделяется многими социалистами и проводится в жизнь.

Основной принцип хозяйственной деятельности, как и вообще деятельности человека—экономия энергии, стремление получить наибольшие результаты с наименьшей затратой энергии. Если большая или меньшая затрата не дает соответствующих результатов, то и самые мотивы к затрате энергии ослабевают, и труд делается малопроизводительным. Поэтому рабский труд, труд каторжан, чрезвычайно малопроизводителен; хотя невольников наказаниями усиленно заставляют трудиться, но так как от большой затраты труда раб ничего не выигрывает, то и затрата труда, с его точки зрения, является бесцельной. Замечено, что каторжники, при урочной системе, когда они могут в награду получить

хотя бы свободное от работы время, работают энергичнее, чтобы иметь это время. Капиталистический строй, между прочим, является шагом вперед, сравнительно с крепостным строем, именно потому, что „свободный" рабочий увеличивает свою продукцию, имея возможность получить больше от большей затраты труда. Конкурренция является могучим фактором развития производительных сил и индивидуальных сил каждого члена общества.

Но при капиталистическом строе, конкурренция, основанная на частной собственности на орудия производства, является вместе с тем и могучим фактором эксплоатации одного человека другим. Из этого ничуть не следует что соревнование, конкурренция является вредным принципом. Этот полезный и могучий фактор при известных условиях, может сделаться орудием эксплоатации, при других условиях—лишь орудием высочайшего духовного и физического развития, так же как машина при капитализме является орудиям эксплоатации, а при других условиях орудием освобождения человека и его господства над природой. По существу конкурренция, соревнование существует при всяких условиях, но ее направление бывает различно, в зависимости от результатов, которые она дает. При рабском строе более ответственное, более почетное место занимается путем угодливости тому, кто может его дать; при советском строе—путем большей политической благонадежности. Поэтому и энергия каждой индивидуальности в данных случаях направляется не в том направлении, которое содействовало бы развитию максимальной продукции. Но если конкурренция определяется исключительно тем принципом, что, кто больше и лучше сделает, тот больше и получит, то и энергия направляется в эту сторону. В спорте наградой победителя является большее удовлетворение честолюбия или тщеславия, в работе—большее вознаграждение, более ответственное место и т. д.

Разумеется это ведет к различию вознаграждения, но оно ничуть не может служить орудием эксплоатации человека человеком, если не ведет к экономической зависимости одного от другого, если вознагражде-

ние за труд не превращается в капитал. Когда проблема распределения господствует над проблемой продукции, например при рассмотренной выше разверстке хлеба между крестьянами, тогда мотив к максимальной продукции среди них исчезает, так как излишняя затрата энергии мелкому собственнику ничего не дает и, по существу, труд принимает характер малопроизводительного рабского труда. При большой кооперации трудящихся на фабриках, заводах, на общественных работах при добровольном труде к увеличению продуктивности побуждает соревнование, воодушевление и проч., которые иногда возбуждают к труду больше, чем материальное вознаграждение.

Но для этого нужны соответствующие психологические условия и во всяком случае — не условия мелкого производства. Конечно, нужно стремиться к тому, чтобы общественный строй обеспечивал известный минимум средств для существования всякому трудящемуся человеку. Но подчинение принципа распределения задаче максимального развития продукции требует полного использования конкурренции, поскольку она не ведет к эксплоатации одного человека другим, требует подчинения политических соображений соображениям экономической целесообразности

К сожалению, и социалисты и их противники заняты исключительно политической борьбой и политическими соображениями, а экономика представляет для тех и других интерес лишь постольку, поскольку в нее входят элемены распределения, т. е. поскольку тот или другой класс может урвать в свою пользу долю или часть доли другого. Проблема развития народного хозяйства, правда на словах, ставится всеми, но подходят к ней, как я уже упомянул, исключительно как к проблеме распределения. Этим и об'ясняется, что при всяких политических условиях непроизводительное потребление принимает лишь различные формы, но не сокращается.

В России вопрос о социальной проблеме вызывает разногласия со своеобразной стороны. Социалистические фракции спорят между собой о том, пришло время для социальной революции или не пришло, так

же как и сектанты спорили, „наступило ли время второго пришествия Мессии“ и „страшного суда“, основываясь на толковании священного писания. У социалистов споры идут относительно Коммунистического Манифеста Маркса. Одни находят, что Западная Европа дозрела для революции, а Россия еще не дозрела, другие находят созревшей и Россию.

Из моей постановки вопроса видно, что этот схоластический вопрос совершенно отодвигается на второй план перед правильной постановкой самой социальной проблемы. Самая „зрелая“ капиталистическая страна при социальной революции через несколько лет превратится в самую отсталую страну, если рабочие массы будут стремиться только к одному увеличению своей доли за счет капиталистического накопления.

После „подготовки рабочих масс“ в этом направлении социальная революция и там создаст условия, при которых непроизводительное и личное потребления поглотят потребление производительное. Таким образом, в Западной Европе прежде всего „не созрели“ социалисты, которые „должны сделать“ социальный переворот и ввести социалистический строй, а следовательно, не подготовлены и рабочие массы. Но если понимать „зрелость“ в смысле экономических возможностей обобществления тех или других отраслей промышленности, то, разумеется, в этом смысле передовые западно-европейские капиталистические страны стоят впереди. Нужно только различать экономические возможности от политических.

В России оказались политические возможности даже обобществления мелкого производства. Но экономические результаты этого мы уже достаточно обсуждали.

Между тем, национализация крупного производства железных дорог и т. д. могла и может быть проведена и в более отсталой стране, а тем более в передовых капиталистических странах. Но национализация крупного производства не является еще социальной революцией и уничтожением капитализма, хотя бы эта реформа совершалась после резких социальных конфликтов.

Из изложенных соображений, естественно, вытекает следующий вывод: чтобы благосостояние широких народных масс повысилось не временно за счет накопленного капитала, чтобы устранение эксплоатации одного человека другим было не возвращением к первобытному состоянию, а повело к повышению экономического уровня населения, необходимо максимальное сокращение непроизводительной растраты национального труда и обращение ее в производительное потребление. Сравнительно быстрое развитие хозяйства в Северо-Американских Соединенных Штатах происходило главным образом потому, что Соединенные Штаты затрачивали на армию сравнительно ничтожную часть национального дохода. А затраты на армию являются самой крупной непроизводительной затратой.

Такой постановкой вопроса самая проблема и вопрос о социальной революции ставится несколько в иную плоскость чем тогда, когда в основе ее ставилась на первое место проблема распределения. Каким бы путем ни сократилось непроизводительное потребление, если оно свелось до минимума, то тем самым свелась до минимума и эксплоатация трудящихся масс, так как то, что не потребляют лично, пойдет на производительное потребление. Темп развития хозяйства, степень улучшения положения народных масс и близость момента устранения эксплоатации одного человека другим зависит от степени сокращения непроизводительного потребления и от роста доли национального дохода, которое идет на потребление производительное, орудия и средства производства. Вместе с тем, каждое сокращение не производительного потребления является шагом вперед к более справедливому распределению национального дохода, так как эксплоатация одного человека другим и выражается главным образом в том, что отдельные лица непроизводительно потребляют или чужой труд, или продукты чужого труда. Из приведенных выше иллюстраций видно, что непроизводительное потребление может быть и при социалистическом строе, который при таких условиях, вовсе не спасет трудящихся от бедствий нищеты и ее последствий.

Наконец, увеличение общественной продукции зависит и от продуктивности индивидуального труда. Поэтому полезны все средства, увеличивающие производительность труда не в целях эксплоатации одного человека другим, а в целях увеличения общей суммы производства, т. е. при сокращении непроизводительного потребления. Хотя социальная проблема является прежде всего экономической проблемой, но социальные реформы—в особенности в крупном масштабе, вплоть до революции,—производились путем борьбы политической; естественно, что самый вопрос заслонялся политическими задачами и вопрос о продукции оттеснялся политическими вопросами о господстве той или другой партии.

ГЛАВА XVII.

Продукция.

1.

Из предыдущего изложения достаточно ясно видно, что разумеется мною под производительными силами общества, от которых зависит продукция страны. Мы видели, что продукция определяется двумя элементами: 1) средствами производства и 2) затратами живого труда на дальнейшее производство.

Величина этих слогаемых зависит от различных условий; так как для продукции необходимо каждое из этих слогаемых, то весьма важно выяснить, чем определяется каждое из слогаемых величин.

Средства производства, состоящие из орудий производства и всех необходимых для него материалов, являются результатом предыдущего, раньше затраченного, „накопленного" труда. Если мы рассмотрим национальное хозяйство любой из современных капиталистических стран, то увидим, что средства производства и средства их передвижения являются результатом накопления в течение десятилетий и даже столетий, т. е. в течение предшествующих лет часть труда и средств производства в народном хозяйстве затрачивалась не на производство предметов непосредственного потребления, а на производство средств для будущего производства и передвижения. Очевидно, что одним из необходимых условий развития производительных сил является процесс накопления, т. е. относительное увеличение производства продуктов для дальнейшего производства и относительное сокращение производства и потребления предметов личного потребления.

Этот процесс накопления на различных ступенях хозяйственного развития принимает различные формы.

При натуральном хозяйстве, когда производитель является вместе с тем и собственником орудий и других средств производства, процесс накопления происходит только в узких, ограниченных пределах.

Каждый хозяйствующий субъект, например, крестьянин-земледелец при натуральном хозяйстве стремится увеличить количество скота и средств производства до такой нормы, что бы возможно было производство и добывание продуктов в достаточных размерах для существования семьи. Дальше этого процесс накопления орудий и средств производства не идет просто потому, что с точки зрения хозяйствующего субъекта не имеет смысла их накоплять. Накопляются лишь предметы личного потребления или сокровища в виде драгоценных металлов. При капиталистическом строе накопление средств производства может происходить безгранично, так как им определяется, как мы увидели, доход каждого предприятия..... Поэтому натуральное хозяйство является не только устойчивым, но и застойным, не поддающимся значительному прогрессу: поэтому оно, и вытесняется хозяйством капиталистическим, стремящимся к накоплению средств производства, а следовательно, и к развитию производительных сил.

В мелком хозяйстве процесс накопления совершается путем „воздержания" от личного потребления продуктов труда в этом хозяйстве и путем затрат труда на орудия и средства производства. Очевидно, это „воздержание" имеет смысл только тогда, когда оно даст в конечном результате увеличение продуктов для личного потребления. Поэтому, как видно из законов потребления в натуральном хозяйстве, перераспределение в нем производительных сил в сторону увеличения производства средств производства—останавливается очень скоро.

В капиталистическом хозяйстве точно так же процесс накопления является необходимым и происходит путем воздержания от личного потребления.

Но этому „воздержанию" подвергается не капиталист,—как утверждали некоторые экономисты,—а рабочие. Получая низкую заработную плату, последний по неволе „воздерживается" от достаточного личного по-

требления, а результатом такого „воздержания“ беднейших слоев населения и является капиталистическое накопление орудий и средств производства и передвижения, собственником которых является капиталист. Этот социально несправедливый процесс накопления является, тем не менее, необходимым для развития производительных сил в капиталистическом обществе. Более того, в той или другой форме процесс накопления существовал и должен существовать при всех формах хозяйства.

В натуральном хозяйстве, как мы видели, он происходит по воле самого трудящегося и вместе с тем хозяйствующего суб'екта. Если бы орудия и средства производства сделались общественной собственностью, то процесс накопления должен был бы происходить в общественных формах. Тем не менее, и при этом условии часть национального дохода, которая идет на накопление или на восстановление орудий и средств производства, не идет на непосредственное личное потребление. Таким образом, и в этом случае „воздержание“ уже всего общества от личного потребления некоторых продуктов труда является необходимым условием накопления, т. е. развития производительных сил.

Внешние формы процесса накопления при общественном производстве, конечно, будут иными более сходными с накоплением в натуральном хозяйстве. Между тем как в капиталистическом хозяйстве хозяйствующие суб'екты, реализуя товары в деньги, накопляют их, потом на рынке покупают орудия и средства производства и таким косвенным путем, путем спроса на рынке, вызывают увеличение производства орудий и средств производства, в натуральном или социалистическом хозяйстве часть производительных сил частного хозяйства в натуральном и часть производительных сил общественного хозяйства при социалистическом хозяйстве отвлекается на производство орудий и средств производства.

Но уж из анализа потребления в натуральном хозяйстве мы видели, что производство орудий и средств производства подчинено определенным законам потребления и не зависят от воли хозяйствующего суб'екта. Если хозяйствующий суб'ект вздумает затратить много

труда на какой либо предмет личного потребления или на орудия и средства производства, то другие потребности им будут не удовлетворены, и хозяйство может разрушиться. Допустим, что в натуральном хозяйстве затрачивается на корм для скота вместо одной четверти половина производительных сил хозяйства. Очевидно, что это хозяйство будет иметь возможность прокормить вдвое больше скота чем раньше, но его производительных сил будет недостаточно для изготовления пищи, и скот будет с'еден, а корм для него останется неиспользованным.

В товарном хозяйстве этой закономерности незаметно, потому что предметы, непроизводимые в самом хозяйстве, покупаются в других хозяйствах Очевидно, что в этом случае законы потребления остаются те же, но только по отношению не к отдельным хозяйствам, а ко всему национальному хозяйству. При рассмотрении производительного потребления в национальном хозяйстве мы видели, что, хотя продукты для непроизводительного потребления и покупаются например для войны, но это все равно ведет к сокращению производства других продуктов во всякой стране и падению ее производительных сил. Поэтому ни натуральное, ни капиталистическое, ни социалистическое хозяйство не может увеличить своей продукции без накопления, а просто путем перехода сразу к машинному производству. Ибо изготовление дорогих сложных машин или требует предварительного накопления в течение десятилетий, или резкого сокращения личного потребления, которое поведет к голоду или к сокращению производства других более необходимых орудий и средств производства.

Такая бедная страна, как Россия, может, конечно ввести электрическое освещение и электрические машины в деревнях, но это может произойти или за счет сокращения производства хлеба или других предметов непосредственного потребления, или за счет сокращения других необходимых для производства орудий и средств, за счет производства плугов, кос и т. д. Введение одного электрического плуга без предварительного накопления равносильно уменьшению на тысячу

обыкновенных плугов, *) т. е. поведет не к увеличению, а к сокращению продукции, так как посредством тысячи простых плугов и сох вспашется земли в сто раз больше, чем „современным" электрическим плугом. Поэтому технический прогресс возможен только путем накопления продуктов труда, которые не идут на личное потребление.

При капиталистическом строе, как выше замечено, процесс накопления капиталистами происходит путем воздержания рабочего от потребления производимых им ценностей... Естественно, что в классовой борьбе из дележа национального дохода между классами рабочий стремится получить большую долю, т. е. больше потреблять; он стремится потреблять и ту долю, которая идет за его счет в накопление капиталистом орудий и средств производства, ибо это накопление, необходимое для развития производительных сил, идет за счет рабочего, за счет его воздержания.

Таким образом, естественное стремление рабочего улучшить положение в социальной борьбе должно выразиться в стремлении сократить накопление. Поэтому в социальной проблеме социалисты недостаточно учитывают значение накопления и вносят много элементов утопизма.

При рассмотрении проблемы потребления мы мимоходом уже указывали, что вопрос о развитии производительных сил, т. е. проблема продукции, если и ставится социалистами, то решение ее представлялось весьма простым и не заслуживающим более детального теоретического анализа.

Вопрос о продукции представлялся очень просто: путем увеличения числа рабочих рук будут в большом количестве производится те продукты, в которых чувствуется наибольшая потребность, а чтобы увеличить производительность труда, будут употребляться наиболее усовершенствованные машины. Повидимому решение проблемы продукции чрезвычайно просто и легко, тем более, что политической экономией отмечены отрицательные стороны капиталистического строя, пре-

*) Разумеется, эту тысячу плугов можно ввезти из за границы, но в обмен нужно вывезти что нибудь.

пятствующие максимальному развитию общественной продукции—и их возможно устранить при других социальных отношениях. Так, замечено, что машины иногда не употребляются, благодаря низкой заработной плате, при которой употребление дорогих машин бывает невыгодно, промышленные кризисы задерживают производство и т. д

Как и в других вопросах хозяйственной жизни, критика капиталистического строя много дала для понимания его отрицательных сторон, но еще мало дала для правильного представления о хозяйственной жизни, построенной на иных началах.

Непонимание всей сложности производственной проблемы неизбежно, так как ее решение тесно и неразрывно связано с проблемой потребления Как я не раз указывал, проблема производства и потребления,—лишь две стороны одного и того же хозяйственного процесса.

2.

Вместе с орудиями и средствами производства другим элементом, определяющим продукцию страны и развитие ее производительных сил, является живой труд.

Не трудно установить, что продукция страны прежде всего зависит от общей суммы производительного труда, затрачиваемого в народном хозяйстве.

Огромное количество непроизводительного труда, затрачиваемого в современном капиталистическом обществе (прислуга, бюрократия и т. д.), огромное количество непроизводительного потребления, следовательно, и соответственная сумма труда, затрачиваемого на производство предметов непроизводительного потребления,—все эти резко бросающиеся в глаза формы сокращения общей суммы производительного общественного труда давно отмечались критиками капиталистического строя.

Казалось бы, капиталистический строй, благодаря непроизводительным затратам труда, является менее благоприятным для развития производительных сил, чем экономический строй предыдущих эпох, например, эпохи феодализма—с мелким ремесленным и крестьянским хозяйством.

На том же основании социалисты, начиная с Фурье, полагали и полагают, что социалистический строй, сокративши непроизводительное потребление, даст огромный толчек к развитию общественных производительных сил.

Между тем мы видим, что капиталистический строй дал огромный толчек к развитию производительных сил после феодального строя. Точно так-же нетрудно показать, что и социалистический не поведет к развитию производительных сил, если не использует тех могучих средств, которыми пользуется капитализм для увеличения продукции.

В чем же секрет быстрого развития производительных сил при капитализме?

Мы указали на два элемента, определяющих развитие производительных сил общества:—на процесс накопления средств производства и на использование живого труда.

Значение процесса накопления мы уже охарактеризовали выше. Не меньше значения имеет и использование в производстве живого труда.

Огромное увеличение продукции при смене крепостного феодального строя капиталистическим произошло благодаря замене „свободным" вольно-наемным трудом рабочего труда крепостных. *) Первоначальное же увеличение продукции произошло исключительно благодаря конкурренции и более целесообразному использованию живого труда. При переходе ремесла к кустарному производству, т. е. от работы на заказчика к работе на широкий рынок производительность ремесленников увеличивалась в несколько раз. Специализация, работа без остановки, конкурренция, сыграли в увеличении продукции такую же роль, как впоследствии машины. Так же, как и машина при капитализме, интенсивное и более целесообразное пользование живого труда послужило средством для усиления капиталисти-

*) Первоначально никаких технических изменений при этом не произошло. Развитие техники явилось уже результатом накопления, которое увеличилось „при свободном" труде.

См. об этом главу „Районное хозяйство" в „Теории развития народного хозяйства".

ческого накопления и для развития производительных сил. Насколько уничтожение машин не является рациональной формой борьбы с эксплоатацией, настолько же не рациональной является и сокращение продукции живого труда,—например путем установления максимума производительности, борьбы против сдельной платы и т. д.— т. е. борьба со всеми формами увеличения продукции живого труда: как мы уже упоминали, улучшение положения рабочих масс может происходить лишь за счет сокращения непроизводительного потребления, а не за счет сокращения продукции.

Опыт социального переустройства в России показал, что сокращение количества бездельников и увеличение ими числа производительных рабочих ничуть не компенсирует падение продукции,—благодаря понижению средней производительности труда каждого работника. В Советской России в интересе равномерного распределения труда и его продуктов устранен элемент конкурренции или соревнования, потому что вознаграждение определяется исключительно рабочим временем, как и в до капиталистический период, при крепостном труде. Это служит достаточной причиной резкого понижения продукции при общем увеличении количества работающих суб'ектов. Это одинаково относится и к труду в мелких самостоятельн. хозяйствах, если за отчуждаемые от них продукты получается в обмен непропорциональное последним количество других продуктов. Таким образом даже устранивши отрицательные стороны капитализма в виде непроизводительного потребления, но, вместе с тем устранивши и тее его стороны, благодаря которым он имеет преимущество над прежними хозяйственными формами,—огромное увеличение продукции каждого работающего суб'екта,—социализм может оказаться несостоятельным, если не сумеет использовать оба элемента, влияющих на развитие производительных сил,—процесс накопления и наиболее целесообразное использование живого труда. Трудность задачи заключается не в том, чтобы заставить всех трудоспособных работать, а в том, чтобы прилагаемый труд был наиболее производителен. Это достигается, разумеется не удлинением рабочего дня и

не административными скорпионами, *) а рядом целесообразных мер, в числе которых соревнование или конкурренция занимает не последнее место, хотя и не совсем соответствует принципу равномерного распределения.

Техническая рационализация использования живого труда может производиться различными путями и в различных формах. Непосредственное увеличение продукции труда имеет такое же значение, как и применение машин, т. е. как и накопление,—и также может служить средством—при одних условиях самой беззастенчивой эксплоатации труда,—при других условиях к освобождению человечества от рабства труда.

Понимая рационализацию использования живого труда в широком смысле, мы укажем только на наиболее важные ее формы.

1) Уплотнение труда путем 1) устранения ненужных движений при работе. Этот вопрос технически хорошо разработан американским инженером Тейлором, который, путем наблюдения и анализа работы, показал, что при различных видах труда делается много различных излишних движений, т. е. делается совсем ненужная затрата энергии при работе.

В своих наблюдениях над движениями, которые делает каменщик при нынешних условиях. M. dilbert дошел до того, что сумел свести движения с восемнадцати до пяти для каждой штуки кирпича, а в одном случае даже к двум движениям.

Устранение излишней затраты энергии при работе равносильно устранению соответственного количества непроизводительного труда. **)

2) Устранение излишних промежутков в работе, вытекающих из общественно или технически нерациональной обстановки. Главым образом благодаря устранению этого недостатка в постановке работы, кустарь, работавший на широкий рынок через скупщика, произ-

*) Современная бюрократия целиком сохранила веру старой бюрократии в чудодейственную силу административных скорпионов.

**) Джильберт считает около половины всех движений в работе неправильными и излишними.

водит больше чем ремесленник, работавший для сбыта на базар. У последнего один день в неделю теряется на продажу своих изделий и часть времени—на приобретение материалов. В Советской России потеря от промежутков благодаря нерациональной организации колоссальна. Стоит посмотреть на различные общественные работы, где ежедневно люди и лошади ждут часами работы, чтобы увидеть, насколько велики потери от этого.

Технически нерациональная постановка, требующая промежутков, существует почти во всех ремеслах без разделения труда, когда работнику постоянно приходится переходить от одной работы к другой.

3) Подбор работников, физически приспособленных к данной работе и подбор специалистов.

Первая из этих форм подробно рассматривается Тейлером и в особенности Мюнстербергом. Из многочисленных опытов и наблюдений выясняется, что к различным видам труда различные индивидуальности приспособлены не одинаково. Между тем, как для одних данный труд требует непосильного напряжения, для других тот же труд более легок и доступен. Вынужденный работать на огородах, я лично производил, конечно, гораздо меньшую ценность, чем рядовой работник. Может быть, моя работа на огороде и удовлетворяла чувство справедливости других работников, но для общества она была невыгодной.

Подбор специалистов имеет такое же значение. Навык и умение производить определенную работу, разумеется, в огромной степени увеличивает производительность труда.

4) Интенсификация или напряженность труда имеет огромное положительное значение: чем с большей напряженностью производится работа, тем она продуктивнее. Но благодаря тому, что при напряженности труда больше затрачивается энергии,—напряженный труд одного и того же характера в течение продолжительного рабочего дня разрушает организм. Поэтому увеличение напряженности труда требует сокращения рабочего времени в течение дня и продолжительного

отдыха или перехода в течение дня к другой работе, совершенно иного характера.

5) Но наиболее могучим фактором увеличения продукции, при современной психике людей, является личная заинтересованность каждого работающего субъекта в увеличении, продукции, если не по принуждению он находит лично для себя выгодным производить максимум продуктов. После того, как была введена раскладка на крестьян и им стали оставлять хлеба только по потребительной норме, а остальное отнимать, крестьяне Приуралья при уборке хлебов перестали вязать хлеб в снопы; обясняется это тем, что для собственного потребления им достаточно и собранного в кучи хлеба, а остальной хлеб можек и пропадать, так как он все равно им не достанется.

Отмена крепостного права послужила могучим толчком к развитию производительных сил именно потому, что крестьяне в своих хозяйствах и рабочие на фабриках могли увеличить свою продукцию в свою пользу, без опасения, что при ее увеличении у них будут отниматься излишки.

Мы рассмотрели необходимые условия решения социальной проблемы в капиталистическом обществе. Некоторые положения, например необходимость подчинения проблемы распределения проблеме производства кажутся настолько очевидными, что повидимому не нуждаются не только в доказательствах, но и в упоминании. Между тем опыт всех социальных революций, бывших до сего временя, в том числе и опыт русской революции показал, что именно эта сторона социальной проблемы менее всего усваивается и социалистами и народными массами. Как я уже упоминал, ради более равномерного распределения жертвуется продукцией. Непроизводительные затраты уже на самый распределительный аппарат достигают таких колоссальных размеров, что не уступают непроизводительным затратам капиталистического строя.

Накопляющийся капитал кооперации не может затрачиваться на неопроизводительное личное потребление, потому что он не принадлежит отдельному лицу, которое может безгранично расширять свои потребно-

сти в ущерб общему благосостоянию населения. Но на пути накопления кооперативного капитала стоит целый ряд препятствий, на которых следует подробнее остановиться именно потому, что накопление кооперативного капитала имеет огромное значение, а также и потому, что препятствием к накоплению кооперативного капитала являются сами кооператоры. Не только рядовые члены кооперации, но и идейные руководители ее, преследуя цели доставки предметов потребления для потребителей по наиболее дешевым ценам, склонны ради обслуживания текущих потребностей членов кооперации пожертвовать накоплением кооперативного капитала. В этой области экономической жизни происходит то—же самое, что и в борьбе за долю национального дохода между предпринимателями и рабочими. Стремление непосредственно удовлетворить потребности ближайшего момента не дает возможности правильно оценить значение накопления капитала (в данном случае кооперативного капитала). Это отчасти еще объясняется и тем, что до сих пор кооперация занималась, главным образом, обменом, представляя область производства частному капиталу А для обмена гораздо большее значение имеет увеличение числа членов кооперации, чем накопление капитала; поэтому кооператоры склонны объяснять слабость кооперации недостатком кооперативного сознания среди народных масс, а не недостатком накопленного капитала.

Хотя кооператоры стоят ближе к реальной экономической жизни, чем политики социалисты, но сознание значения накопления капиталов у них развито едва ли выше.

Из анализа социальной проблемы видно, что наибольшая трудность ее решения заключается в том, чтобы это решение не противоречило накоплению орудий и средств производства, имеющему первостепенное значение для развития производительных сил.

Между тем социальные реформаторы видят основную задачу социальной проблемы исключительно в проблеме распределения и в изменении социальной организации производства. Предполагается, что, например, передача предприятий в руки трудящихся уже решает

социальную проблему, потому что трудящиеся при этих условиях никем не будут эксплоатироваться.

Опыт 1918—1920 годов в России показал, что такое решение вопроса привело к сокращению орудий и средств производства и, в конечном счете, должно было привести к прекращению производства.

Конечно, всякие теоретические доказательства, которые могли быть приведены в пользу сокращения непроизводительного потребления—до этого опыта,—были бы бессильны, и социальные реформаторы в этих доказательствах усмотрели бы попытку защищать интересы капитализма против интересов рабочего класса.

Само по себе изменение социальной организации производства ничуть не решает проблемы накопления и увеличения продукции, а напротив делает его более затруднительным. При национализации предприятия даже при малом производительном труде, при „убыточности" этого предприятия, оно все таки может сохраниться, потому что будет поддерживаться на счет национального дохода При конкурренции частных предпринимателей убыточное предприятие с малопроизводительным трудом или с большими непроизводительными затратами просто погибает, отмирает, закрывается и такого рода непроизводительные затраты и малопроизводительный труд при капитализме исчезают. В национализированном предприятии этого корректива нет и непроизводительные затраты могут безгранично расти за счет государственного дохода. Мы достаточно привели иллюстраций этих непроизводительных затрат. Увеличение управляющего предприятиями административного и распределительного аппарата достигло таких размеров, что в мелких и даже средних городах этот аппарат по числу служащих значительно превышает число производительных рабочих, продолжает расти и разрушать производительные силы. Даже в кооперативных предприятиях, если они поставлены вне конкурренции, с частно-хозяйственным аппаратом, замечается также тенденция к увеличению непроизводительных затрат и к поддержанию „убыточных" предприятий*). Та-

*) Эта сторона деятельности кооперации является наиболее опасной для ее дальнейшего развития.

ким образом само по себе изменение социальной организации производства еще не решает социальной проблемы. Между тем у социальных реформаторов имеется лишь вера в изменение социальной организации, как в панацею от всех социальных бедствий: достаточно „экспроприировать экспроприаторов", национализировать орудия и средства производства,—и проблема будет решена.

Впрочем вера в формы и даже в формулы является вообще самой распространенной. Например, классовая борьба, независимо от ее форм, считается орудием прогресса и раздувается именно как такое орудие. Между тем уничтожение машин является также классовой борьбой; гражданская война, сопровождающаяся уничтожением орудий и средств производства, также является классовой борьбой. Уничтожение культуры древнего Египта, Греции и Рима также является в результате классовой борьбы: очевидно, не всякая форма классовой борьбы является прогрессивной, содействующей развитию хозяйства и его производительных сил.

Точно также и изменение социальной организации —более равномерное распределение национального дохода, связанное с социализацией —как мы видели, может повести к разрушению производительных сил.

Даже после опыта социалистического переустройства капиталистического строя критика этого опыта напр. Каутским, меньшевиками, эс-рами сводилась, главным образом, к критике политических основ советского строя, а не самой постановки социальной проблемы. И это понятно, потому что, как мы заметили, социальная проблема всеми социалистическими школами, начиная с основоположников социализма, рассматривалась исключительно, как проблема распределения, проблема же потребления и продукции казалась легко разрешимой вследствие обманчивого представления о необычайно высокой производительности современного хозяйства и необычайной легкости увеличить продукцию путем изменения организации производства, путем трестирования промышленности и введения машинного производства (очевидно, декретами).

Но наиболее опасны для хозяйства страны такие мероприятия, в основе которых лежит посылка, чтобы не производить те продукты, которые равномерно не распределяются. Мы приводили уже иллюстрации „огородной“ политики, при которой оказалось менее выгодным работать на своем огороде, так как эта дополнительная работа горожан не дает лично им абсолютно никаких результатов, а напротив, лишает возможности получить готовые, доставленные в город овощи с чужих огородов.

И экономическая литература и социальные опыты до сего времени показали, что указанные выше стороны социальной проблемы не были надлежаще освещены ни теорией, ни практикой.

О значении накопления для технической рационализации производства мы уже упомянули.

Поверхностному взгляду кажется, что в наиболее богатых капиталистических странах национальный капитал накоплен даже с излишком и следовательно сокращение непроизводительного потребления вовсе не необходимо, что напротив, без такого непроизводительного потребления накопленному капиталу не было бы места. Однако, стоит только вдуматься в положение каждого народного хозяйства, чтобы увидеть, что такой вывод неправилен. Правда из богатых стран капитал вывозится, англичане, французы, германцы до войны строили железные дороги в Африке и других странах, колоссальное количество национального труда затрачивали на армию,—но это не значит, что в стране был накоплен излишек капитала. Разве в самой богатой стране везде ручной труд заменен машинным, требующим накопления колоссального капитала? Разве во всех отраслях промышленности применяется последнее слово техники? Разумеется, нет. Если теперь капитал и вывозится из передовых стран, то потому, что вместо производительной, но менее выгодной затраты в этих странах, предприниматели находят более выгодным вывозить капитал в другую страну, заниматься изготовлением военного снаряжения, дающим колоссальные прибыли или просто удовлетворять личные потребности в предметах роскоши, так как целью накопления

капиталист ставит удовлетворение своих личных потребностей.

Представим себе, что капитал накоплялся в руках кооперативов. Хотя бы он измерялся миллиардами фунтов стерлингов, для него нашлось бы место, чтобы увеличить производительность труда и тем увеличить благосостояние народных масс.

Если теперь кажется что накопляется избыток капитала в руках капиталистов, то только потому, что предприниматель руководствуется не интересами народного хозяйства, а лишь своими личными, затрачивая капитал не туда, где есть наиболее хозяйственная потребность, а туда, где дается более высокая прибыль. Если англичанин эксплоатирует Индию, если европейские страны из за стремления эксплоатировать другие страны, содержат огромные армии, то это не значит, что нация от этого обогащается. Для накопляющегося капитала нашлось бы производительное назначение в каждой стране, но этим частный капитал не заинтересован. Наиболее же заинтересованные слои населения в производительном накоплении недостаточно оценивают его значение именно потому, что капитал накопляется в частных руках, потому что он при этом может быть затрачен и в значительной части затрачивается—на непроизводительное потребление. Таким образом, форма собственности является одним из препятствий к пониманию народными массам значения накопления национального капитала.

Преступны не те бедняки, которые пытаются иногда губительным для себя путем расширить свое потребление, а те, кто, имея в своем распоряжении национальный капитал, расхищают его на непроизводительное потребление, при чем государственная власть не только не обуздывает это расхищение национального дохода, а сама занимается тем же в милитаристических государствах. Так голодный бедняк за фунт украденного хлеба попадает в тюрьму, а богатый хищник считается столпом отечества Такие отношения, разумеется, не благоприятствуют правильному пониманию широкими массами значения накопления национального богатства страны.

Указывая на то, что при капиталистическом строе, в интересах развития народнаго хозяйства, нужно до минимума сокращать непроизводительное потребление, мы должны оговориться, что ничуть не питаем иллюзий по поводу возможностей этого сокращения до минимума при существовании капитализма. Если бы даже военные потребности были сокращены до минимума, если бы каждая квадратная сажень барской квартиры и особняков жестоко облагалась, если бы облагались жестоко лица, имеющие несколько прислуг, предметы роскоши и т. д., то все таки непроизводительное потребление останется, так как целью накопления для частного капиталиста является в конце концов не производительнсе, а личное потребление, даваемое богатством.

Но и при капитализме есть одна форма накопления капитала, при которой он идет исключительно на производительное потребление—это кооперативное накопление.

Пока проблема распределения не будет подчинена проблеме продукции, иными словами, пока классовые интересы трудящихся (т. е. проблема распределения в их пользу) не будут согласоваться с интересами развития производительных сил страны, до тех пор решение социальной проблемы не возможно

Из этого логически вытекает вывод, что и классовая борьба и классовые программы имеют прогрессивное значение постольку, поскольку они исходят из этой общей предпосылки.

Пересмотр экономических программ в направлении борьбы за сокращение непроизводительного потребления, выяснение значения и возможности накопления при иных, более справедливых формах распределения с участием широких народных масс в экономическом строительстве являются первыми и ближайшими задачами для социальных реформаторов во всех капиталистических странах.

Оценка прогрессивности или реакционности их должна основываться не на методах их борьбы за социальные реформы (революционный или эволюционный), а на том, поскольку эта борьба соответствует

изложенным выше принципам и целям, ибо и методы общественной борьбы, как средство, должны подчиняться цели и определяться их целесообразностью.

3

Постоянная опасность того, что при капитализме накопляющийся капитал может потребляться непроизводительно или самим предпринимателем или капиталистическим государством и трудность помешать такого рода потреблению (как мы видели, оно существует и при не капиталистическом строе), эта опасность побуждает признать наиболее целесообразной кооперативную форму накопления, охватывающую широкие массы. На ряду с этим рабочая кооперация в России, где слишком мало опыта профессион. движения может быть лучшей школой для выяснения рабочим значения производи-тельного накопления.

В предприятиях рабочего кооператива хозяевами и потребителями изделий являются рабочие, эксплоатирующие труд других рабочих, занятых в этих предприятиях. И для тех и для других это даст огромный хозяйственный опыт, который к сожелению игнорировался социалистами, как меркантилизм, „развращающий" рабочих, понижающий их „революционное самосознание" и ведущий к оппортюнизму Хозяйственный опыт даст понимание необходимости процесса производительного накопления, необходимости лично потреблять только часть производимых продуктов, оставлять часть прибавочной стоимости для развития производства и сокращать непроизводительное потребление.

Правда, до сих пор кооператоры смотрели на кооперативные организации исключительно как на средство получать более дешевые продукты за счет торговой прибыли, получаемой частными торговцами," а не как на средство более производительного накопления национального дохода, т е. смотрели на кооперацию с частно хозяйственной точки зрения. Эта точка зрения до сих пор является господствующей и разделяется как социалистами, так и их противниками. Опыт войны и революции дал достаточные уроки для понимания законов потребления, изложенных выше, и для понимания значения процесса накопления. **Этот опыт**

научит и кооперацию сметреть на производительное накопление, как на единственное средство успешной борьбы с частным капиталом в рамках капиталистического строя. Утопический социализм, боявшийся реализма, „меркантильности", как элементов враждебных ему, сменится научным лишь на почве экономического опыта.

Выше мы видели, что утопические, и неправильные воззрения проводились под ярлыком „научного" социализма, но этот ярлык служил лишь бронёй и защитой против научного анализа утопических воззрений и для укрепления в вере верующих прозелитов. Отделить элементы утопизма, имеющиеся в научном социализме и в прошлом рабочего движения, возможно только путем опыта, который дан, отчасти, войной и революцией,—отчасти будет дан практикой кооперативного строительства, но во всяком случае не практикой современной русской кооперации, в которой из за политических соображений, бесхозяйственности *) и отсутствия конкурренции непроизводительное потребление достигает колоссальных размеров, при которых кооперацию можно считать почти разрушенной; политическая возня, поднятая в ней, закончит разрушение.

4

Благодаря тому, что законы потребления и, связанные с ними законы распределения и перераспределения производительных сил, не входили в кругозор экономистов, а „политическая экономия" сводилась к формулировке экономических отношений при капитализме, делался из этого логический вывод, что при устранении капитализма устраняются и экономические законы. **) То, что было экономически необходимым

*) В руководящие круги кооперации в значительной части набились люди ловкие, но совершенно невежественные в экономике, так как сама кооперация превратилась лишь в средство для существования самих кооператоров. При нормальных условиях лиц претендующих на руководство, без знания изложенных мною экономических законов, в кооперацию просто не пустят, как не пускают неграмотного быть учителем в школе.

**) Для иллюстрации приведу следующие соображения Гильфердинга об обмене: „При товарном производстве в основе обмена лежит об'ективно общественный момент, определяющий меновые пропорции:

при капитализме, не будет необходимым при другом социальном строе и, таким образом, общество „из царства необходимости перескочит в царство свободы". Только этим можно дать научное об'яснение фантастическим проектам „электофикации" промышленности и земледелия при превышении непроизводительного потребления над производительным. Этим же можно только об'яснить веру в спасительную силу национализации и социализации, независимо от того, увеличивается ли при этом непроизводительное потребление. Создавалось мнение что для социалистов „закон не писан" за пределами капиталистического строя. Это в известной степени правильно, поскольку можно опираться на политическую экономию, занимавшуюся анализом междухозяйственных отношений при капитализме. Но мы видели, что есть законы потребления и распределения производительных сил, необходимые при всех формах хозяйства и не устранимые с устранением политического господства того или другого класса.

В „Теории развития народного хозяйства" я указал, каким образом происходит процесс накопления при капитализме: сначала производительные силы направляются в область обмена и средств передвижения товаров, потом постепенно переходят в область производства, руководствуясь принципом наибольшей экономии, т. е. наименьшей затраты для получения наибольших результатов.

Этот „закон" распределения и перераспределения производительных сил действителен и для капиталистического и для общественного хозяйства; к тем, кто не будет руководствоваться этими законами, применима и пословица, что для них вообще „закон не пи-

---

общественно-необходимое время, воплощенное в обмениваемых предметах. В коммунистических обществах в основе обмена лежит только субъективное приравнивание, оно определяется одинаково направленной волей. **Обмен здесь случаен**, он не может быть об'ектом теоретико-экономического анализа, его невозможно теоретически анализировать, — его можно понять психологически. („Финансовый капитал" стр. 4) Разумеется „закон не писан" для тех, кто его не знает и вне капитализма экономическая закономерность отсутствует только в представлении Гильфердинга. (См. «Теор. разв. нар. хоз.» глава „Образование меновой ценности").

сан". Экономические законы сильнее всякого класса и всякой власти. Какой бы класс, какая бы власть ни увеличили непроизводительное потребление за счет производительного, результаты получатся одинаковые. А так как для всякой власти, как бы она ни называлась, и какой бы класс она ни представляла, ее непроизводительные расходы **представляются ей необходимыми**, то сокращение их обыкновенно происходит лишь под давлением общественных классов, заинтересованных в сокращении непроизводительного потребления. Поэтому усвоение и понимание изложенных выше положений среди всех классов общества и в особенности среди рабочих является необходимым предварительным условием для обеспечения экономического прогресса при всяких формах хозяйства.

ГЛАВА XVIII.

Распределение как этическая проблема.

I.

Те экономические противоречия, которые присущи капиталистическому строю,—обогащение одних за счет разорения и эксплоатации других, избыток товаров на ряду с нищетой массы населения и т. д., беднейшим населением мыслятся и воспринимаются, как социальная несправедливость, требующая коренного изменения социальных отношений во имя справедливости.

Идеальными экономическими отношениями кажутся такие, при которых отсутствует эксплоатация одного человека другим и каждый получает продукты общественного труда сообразно своим потребностям. Однако, если вдуматься в те отношения, которые создаются и могут создаться на почве изменения экономических отношений и уничтожения капитализма, то не трудно увидеть, что одна форма социальной несправедливости может смениться другой формой, при которой масса трудящегося населения может видеть и чувствовать, что эксплоатация одного человека другим приняла лишь иные формы. Возьмем приведенный выше пример „равномерного" распределения огородных овощей. Часть населения затрачивала добавочный труд на посадку овощей и уход за ними. Когда овощи созрели, их „равномерно" стали распределять между теми, кто не затрачивал дополнительного труда и собрал там, где не сеял. С точки зрения работавших—это несправедливо и те, кто не работал, представляются тунеядцами, хотя они нуждаются в овощах. Если-у крестьянина, который посеял больше, сделав на это дополнительную затрату своего труда, отбирается большая часть для „деревенской бедноты" или для города, то такое распределение ему представляется несправедливым и он

сократит запашку до такой нормы, чтобы „излишков" не было.

Если рабочий, работая 10 час. в сутки, получает ничтожную плату, а значительная часть продуктов его труда идет на содержание огромного бюрократического аппарата, то он также будет чувствовать себя эксплоатируемым, как и при капитализме. Но с другой стороны и те, кто бегает по бюрократическим учреждениям или работает в них целые дни, хотя его работа сводится к порче бумаги на различные отписки, также будет чувствовать себя эксплоатируемым, хотя его работа при более целесообразной организации труда оказалась бы излишней.

Таким образом, „этический" вопрос о справедливом распределении, при его анализе, сводится к экономическому вопросу о целесообразной затрате труда и о производительном, необходимом и непроизводительном потреблении, рассмотренном нами при анализе законов потребления.

Во всех приведенных нами случаях подчинение принципа распределения принципу продукции при неравномерности распределения все-таки гораздо больше удовлетворяли бы чувству социальной справедливости, существующему при данных экономических отношениях, чем при скрупулезно правильном равном распределении.

Рассмотрим первый случай. С точки зрения максимальной продукции, при отсутствии капиталистической эксплоатации, дополнительные затраты труда на работу в огороде являются целесообразными не только с точки зрения заинтересованного в этом хозяйствующего субъекта, но и с точки зрения развития народного хозяйства. Вместе с тем эти дополнительные затраты труда ведут к увеличению необходимого потребления, хотя и к неравномерности его распределения. То же можно сказать и о крестьянском хозяйстве, производящем избытки против потребностей в производимых продуктах собственного хозяйства.

Рабочий, получающий низкую заработную плату, вследствие непроизводительного потребления продуктов его труда, именно потому и получает мало, что про-

дукты его труда в огромной части потребляются непроизводительно.

Допустим далее, что во всех приведенных выше случаях, сообразно принципу максимальной продукции и наиболее производительного потребления, непроизводительное потребление сократилось до минимума. Постольку, поскольку та или другая доля дохода каждого хозяйствующего субъекта мелкого ли собственника или рабочего, отчуждается на необходимое потребление в национальном хозяйстве, это отчуждение уже не будет мыслиться как социальная несправедливость именно потому, что для существования и благополучия каждого, такое отчуждение доли дохода является необходимым.

Правда, массой населения это не всегда осознается, тем не менее население более или менее удачно ориентируется в непроизводительных затратах и в нарушении принципа наибольшей продукции. На равномерное распределение в виде одинаковой заработной платы при различной продукции, рабочие отвечают общим сокращением производительности труда; служащие на бюрократическую неразбериху и нерациональную затрату,— общей апатией и бездельем, крестьяне на равнение по крестьянской бедноте,—сокращением запашек, скота и небрежной работой.

Конечно, у очень многих экономически угнетенных лиц, социальная справедливость формулируется фразой: „мы на вас поработали, а теперь вы на нас поработайте", но было бы глубокой ошибкой приписывать такое понимание социальной справедливости, как присущее трудящимся классам.

В момент обостренной социальной борьбы готтентотская мораль „когда я украл—это добро, когда у меня украли—это зло"—охватывает широкие слои населения. Достаточно указать на то, что убийства и жестокости „белых" вызывают моральное возмущение и негодование „красных" и обратно, не пробуждая чувства, что отвратительны жестокость и убийства со стороны и тех и других. Точно также и чувство социальной справедливости в такой момент выявляется в искаженных формах. Тем не менее, как я указал, в массах трудяще-

гося населения непроизводительное потребление национального дохода, кем бы оно ни делалось—бездельником ли из деревенской бедноты, под флагом коммунизма, или „буржуем“,—одинаково вызывает сознание социальной несправедливости и ту или иную реакцию

Поэтому предположение, что подчинение задачи продукции принципу равномерного распределения порождено стремлением к осуществлению социальной справедливости, является ошибочным: оно вызывается естественным стремлением каждого получить для себя больше при минимальной затрате своей энергии, пока это стремление не наталкивается на внутреннее противоречие, на невозможность потреблять больше, чем производится народным хозяйством.

На это внутреннее противоречие наталкивается и советская власть и оно заставляет постепенно, начиная пока с мелочей, подчинять принцип равномерного распределения задаче максимальной продукции, хотя проблема, во всем ее об'еме, еще не осознана. Но уже такие факты, как стремление получать из за-границы в первую очередь орудия и средства производства, а не предметы непосредственного потребления, показывают, что у руководителей современной экономической жизни, проникает в сознание значение производительного накопления за счет непосредственного потребления.

К этому сознанию коммунистам приходится подходить эмпирически, путем тяжелого опыта, потому что до последнего времени социалисты теоретики не интересовались законами потребления.)

Выше мы дали следующую классификацию накопления и потребления:

1) **Необходимое потребление**, обеспечивающее существование трудящихся масс. Оно может расти только в связи с ростом:

2) **производительного потребления** в виде орудий и средств производства;

---

*) Практически рабочие союзы Англии и Германии считались с необходимостью ограничения своих требований в борьбе с предпринимателями, учитывая рыночную конъюнктуру и прибыли предпринимателей, но профессиональные союзы всегда были под подозрением теоретиков ортодоксальных социалистов, как оппортюнисты.

3) **Непроизводительное потребление**, которое может существовать при всех формах организации хозяйства.

4) **Производительное накопление** в виде роста орудий и средств производства и

5) **Непроизводительное накопление**, присущее всем предшествующим, в особенности докапиталистическим экономическим отношениям.

С точки зрения социальной справедливости, противоречащими ей являлись и являются непроизводительное потребление и непроизводительное накопление. Правда, чувство социальной справедливости возмущалось и возмущается и производительным накоплением в руках капиталиста, потому что целью этого накопления, в конце концов, является его непроизводительное потребление, так как хозяйствующий субъект стремится увеличить свой доход не для общественного блага, а для личного непроизводительного потребления.

Из вышеизложенного ясно, что правильная постановка социальной проблемы, как проблемы экономической и этической, тесно связана с анализом законов потребления и распределения производительных сил в народном хозяйстве. (См. „Теориюразв. нар. хоз." ч. III—„Распределение производительных сил)".

Проблема распределения, как этическая проблема, подчиняется проблеме продукции и находится от нее в тесной зависимости. Из приведенных нами соображений видно, что основное противоречие высокого развития капитализма заключается вовсе не в том, как думал Маркс,—что рост производительных сил приведет к все большему и большему обострению кризисов вследствие перепроизводства. Мировая война показала, что потребление может превышать производство и создать недостаток продуктов ,а трестирование промышленности может ослаблять ее анархию.

Мы видели, что по мере развития капитализма развивается непроизводительное потребление и оно, угрожая экономическому прогрессу, вместе с тем является противоречием, развитие которого сделает капитализм

изжитой формой производства, как в свое время было с крепостным правом.—Рост непроизводительного потребления не только вступает в противоречие с необходимостью развития производительных сил, но и с этическим пониманием массой населения проблемы распределения, т. е. ведет к отрицанию самой формы производства, вызывающей данные формы непроизводительного потребления.

2.

Характер потребления имеет не только этическую, но и эстетическую оценку.

Огромная доля национального дохода, поглощаемая непроизводительным потреблением в России, свойственна не только периоду войны и революции.

В последнее время она только увеличилась настолько, что потребление стало превышать производство, но тенденция к увеличению непроизводительного потребления и к сокращению накопления была и до мировой войны: в России она была пережитком эпохи натурального хозяйства и крепостного права.

Натуральное хозяйство, как я упомянул при анализе распределения егопроизводительных сил, не может стремиться к постоянному накоплению и к техническому прогрессу, таккак увеличение продукции дальше известных пределов для него излишне. Хозяйство помещика -крепостника, обеспеченное подневольным трудом от конкурренции и необходимости накопления, также могло существовать без накопления. Поэтому создались и соответствующие бытовые условия и даже этические представления, которыми производительное накопление осуждалось так же, как и скопидомство, т. е. так-же, как непроизводительное накопление предметов потребления.

„Широкая русская натура"—продукт крепостного хозяйства точно также, как „мещанская мелочная натура" европейских общественных классов—продукт конкурренции и более развитого капитализма. Точно также „широкая натура" босяков М. Горькаго—остаток натурального хозяйства и „мещанская рассчетливость" за-

падно-европейских рабочих и крестьян результат „вываренки в капиталистическом котле".

Одним нравится, этически оправдывается и эстетически высоко оценивается первое, другим нравится последнее,—это дело вкуса; экономист же принужден считаться не со вкусами и не с этическими представлениями, а законами экономики. Его задача не оправдывать, не осуждать, не выхвалять, а прежде всего об'яснять экономические явления.

Хорошо ли это или дурно, но законы потребления и распределения производительных сил заставляют и заставят все классы общества в России сократить непроизводительное потребление, заставят русского с „широкой натурой" заняться расчетом своего потребления, сделаться в этом смысле „мещанином" и „европеизироваться". С началом войны и революции умирает старое барство не только в виде утонченной роскоши последышей дворян, но и в виде нижегородских купцов, разбивавших под пьяную руку зеркала и окна, будет отмирать и симпатичное хлебосольство и бескорыстие широких народных масс. Эта перспектива покажется, конечно, некрасивой, но еще некрасивее голод и холод, которые заставят людей пожертвовать „поэзией и красотой" для сохранения своего существования, тем более, что и теперь уже „широта натуры", может проявляться лишь у казнокрадов или грабителей, драпирующихся или не драпирующихся в идейный костюм, т. е. проявляется в самых некрасивых формах. Мещанский лозунг „накопляйте, накопляйте" по необходимости сделается всеобщим лозунгом, в какие бы формы ни вылилась экономическая жизнь страны, ибо законы потребления обязательны при всех формах хозяйства и им принуждены все подчиняться, нравится это или не нравится. К сожалению, этот период тщательного накопления закончится не скоро, так как он еще и не начинался. Лично мне, как человеку отживающей эпохи, он не нравится; но было бы ошибочно и крайне опасно отрицать какой нибудь факт только потому, что он не нравится и, как это свойственно большинству людей, ожидать от общест-

венного развития в будущем **только** того, что нравится. Законы потребления в человеческой жизни сильнее законов, творимых самими людьми,—это та греческая ананке, которой подчиняются и боги, ненавистная, поэтому, и людям и богам..

ГЛАВА XIX.

Заключение.

I.

Чтобы определить, может ли и как может капиталистический строй, который не способен разрешить социальной проблемы, смениться другим строем, другими экономическими отношениями, важно выяснить не только отрицательные, но и положительные стороны капитализма, т. е. те стороны, благодаря которым он столкнул и сменил предшествовавшие хозяйственные отношения и, благодаря которым, может оказать наибольшую силу сопротивления формам, идущим ему на смену. Если мы сравним те изменения, которые происходили в процессе накопления и в условиях производства в период предшествовавший капитализму и при капитализме, то увидим два главных преимущества капиталистического строя перед предшествовавшими периодами:

1. В процессе накопления. Предшествовавший период знал также процесс накопления. Великолепные здания до-капиталистического периода предметы роскоши и вообще предметы непосредственного потребления накоплялись господствовавшими классами, ремесленниками и крестьянами, но это было **непроизводительное накопление**, т. е. не накопление орудий и средств производства для дальнейшего производства, а накопление предметов непосредственного потребления. Благодаря этому не могло происходить быстрого развития производительных сил, расширенного воспроизводства и классы, не накоплявшие производительно, должны были уступить господствующее положение классу капиталистов благодаря конкурренции вынужденных большую часть накопляющегося национального дохода затрачивать в производство, т. е. заменить непроизводительное

накопление и потребление накоплением и потреблением производительным. Большая часть экономистов, даже марксистов, видит в машинном производстве то основное преимущество, которое дает капиталисту возможность убивать другие формы хозяйства. При этом машинное производство рассматривается независимо от процесса накопления, как будто машинное производство может существовать само по себе. О господстве этого взгляда можно судить уже по приведенным выше примерам, по надеждам заменить простые плуги тракторами, серпы жнейками и т. д. без процесса накопления. Между тем мы видим, что, несмотря на такие надежды, даже в индустрии, где машина имеет колоссальные преимущества, крупное производство распадается на мелкое, рабочие крупных фабрик превращаются в ремесленников и переходят к примитивным орудиям производства именно потому, что процесс накопления орудий и средств производства (в первую очередь машин) сменился превышением потребления над производством. Таким образом, общество и организаторы хозяйства могут знать все преимущества машин, и тем не менее, машинное производство будет сменяться ремесленным (кстати, в настоящее время газеты много шумят по поводу электрического освещения, введенного в мелких городах. Но, если принять во внимание, что при ограниченности средств производства, это освещение происходит за счет увеличения орудий и средств производства, то электричество может освещать людей не имеющих необходимой обуви, одежды и даже хлеба).

Итак, капиталистический строй имеет преимущество перед предшествовавшими формами производства усиленным производительным накоплением. Это давало ему возможность применять улучшенные орудия труда и, конечно, сильно увеличивать продукцию.

2. Второе преимущество капиталистического строя заключается в том, что путем конкурренции он максимально увеличивал напряжение лиц, принимавших участие в производстве для увеличения продуктивности труда. Каждый принимающий участие в производстве вынужден производить больше, чтобы больше получить. Этой подгонялкой предприниматели пользовались в

своих выгодах, но вызванное конкурренцией стремление к максимальной продукции заинтересованных в этом лиц, приводило к такому результату, что, несмотря на существовавшую анархию производства, кризисы и безработицы, несмотря на огромные непроизводительные затраты национального дохода в мирное время, производительные силы капиталистических стран чрезвычайно быстро развивались. Поэтому крепостное хозяйство, несмотря на усиленную эксплоатацию труда, не могло развивать своих производительных сил, а относительно более свободный труд крестьян и рабочих после отмены крепостного права, в огромной степени увеличил продукцию. Рассмотренные нами две стороны капиталистического строя, как мы видели, настолько сильны, что их положительная роль для развития производительных сил была значительно сильнее его отрицательных сторон, которые в мирное время мешали развитию хозяйства, сильнее разрушительного влияния анархии производства, кризисов и безработицы и огромных непроизводительных затрат. Только мировая война с ее колоссальными непроизводительными затратами оказалась сильнее тех факторов, которые содействовали развитию капитализма. Очевидно, что капитализм может смениться другой формой организации хозяйства лишь при условии, если новые формы хозяйства увеличат продукцию, т. е. увеличат и процесс производительного накопления и продуктивность индивидуального труда. Как мы видели, кризисы и безработица сами по себе еще не сокращают продукцию настолько, чтобы при нормальных для капитализма условиях остановить процесс развития производительных сил. Если новые формы производства усилят производительное накопление и сократят непроизводительное потребление, увеличивши продуктивность каждого индивидуального труда больше, чем капитализм с его отрицательными сторонами, то и эти новые формы производства будут более жизненны, чем капиталистическая форма. Но только при этих условиях возможен и технический прогресс и применение машин, а вовсе не потому, что новые руководители хозяйственной жизни проникнуты новыми идеями и очень высоко оценивают значение применения машин.

Значение последних не меньше понимает и капиталист. Если бы новые формы производства и обмена вынуждали каждого мелкого собственника, также как и рабочего, к максимальной продукции во имя собственных интересов, а не только во имя идеалистических, если бы процесс производительного потребления не только не замедлился, но ускорился, благодаря сокращению непроизводительного потребления, тогда явилась бы возможность максимального использования рабочих сил и планомерности производства, возможен был бы и быстрый технический прогресс и быстрое возрастание благосостояния общества. Но для этого необходимо не только правильное понимание социальной проблемы широкими народными массами, не только иные отношения к мелким собственникам, которые побуждали бы последних к максимальной продукции, вследствие больших ее выгод лично для них, но совершенно новое перераспределение производительных сил, вытекающее из потребностей максимальной продукции в каждый данный момент. Между тем осуществление всех этих условий постоянно наталкивается на стремление беднейших слоев населения к равномерному распределению и находится почти всегда в противоречии с ним. Поэтому попытки решения социальной проблемы наталкиваются на внутренние противоречия. Стремление к равномерному распределению национального дохода, в котором видят основную задачу социальной проблемы, ведет к разрушению производительных сил, а разрушение производительных сил в свою очередь мешает решению социальной проблемы, т. к. оно предполагает улучшение благосостояния народных масс, невозможное при падении производительных сил.

В условиях настоящего времени, когда социальная проблема стоит особенно остро и местами социальная борьба приняла характер гражданской войны, когда производительные силы падают, естественно ставится вопрос, какая форма организации хозяйства и господство какого класса способны возродить народное хозяйство. Для подавляющего большинства людей категорическая форма ответа—„да, да“, „нет, нет“,—является единственно понятной. Между тем, из изложенных вы-

ше соображений видно, что форма общественного хозяйства, как и форма частного хозяйства могут повести и к развитию и к разрушению производительных сил. Точно также господство буржуазии, как и господство пролетариата могут развивать или разрушать производительные силы. Таким образом, ответ на поставленные вопросы может быть только в виде ответа „поскольку, постолько". Поскольку класс буржуазии затрачивал больше на производительное потребление и меньше на непроизводительное, постолько производительные силы страны развивались и могли развиваться. Тоже можно сказать и о господстве пролетариата. В период мировой войны и революции ни в одной из воюющих стран, а в России ни при одном из правительств, до сих пор не происходило процесса развития производительных сил, а был лишь процесс разрушения.

Если анализировать причины, благодаря которым производительные силы страны падали и падают в западно-европейских странах и в России и при буржуазных правительствах при господстве капитализма и при советском строе, когда капиталистическая форма производства исчезла, то мы найдем, что некоторые причины падения производительных сил являются общими, но вместе с тем капиталистический строй имеет свои стороны, ведущие к сокращению продукции, а советский строй также свои, присущие только ему. Отрицательные стороны капиталистической формы производства ведущие к сокращению продукции, достаточно выяснены социалистической критикой, а на некоторые из них мы указали выше. Непроизводительные затраты на армию продолжают делаться в странах, уже истощенных войной, и этим еще более обостряется процесс разрушения. Кроме того частный капиталист, накопляя, вовсе не стремится к наиболее производительному потреблению своего дохода. Поэтому при общем обеднении населения европейских стран, при сокращении массового потребления еще резче бросается в глаза нищета массы населения, обогащение и роскошь немногих. Промышленные кризисы вызванные сокращением военной индустрии, при капитализме не устраняются планомерной организацией производства, направляющей рабочие

силы и средства производства в наиболее необходимые в данный момент отрасли промышленности. Поэтому при недостатке предметов потребления для массы населения существует безработица, избыток рабочих рук, которые некуда применить голодающим рабочим. В Советской России, как я указывал, точно также огромное значение имеет непроизводительное потребление, происходящее в других формах; но не менее, а может быть и более важное влияние, как причина падения продукции, оказывает политика, по отношению к индустрии и к крестьянству, потому что она подрывает самую возможность существования городского населения.

Выше мы отметили процесс превращения с одной стороны сельско-хоз. рабочих, а с другой стороны многосеющих крестьян в средняков, т. е. в крестьян ведущих производство продуктов для собственного потребления, а не для рынка. Правда обмен продуктов сельского хозяйства на предметы обрабатывающей промышленности необходим и для этой категории населения, но этот обмен не может вызываться стремлением к накоплению, т. е. к расширенному воспроизводству, т. к. увеличение продукции невыгодно: оно ничего не дает сельскому хозяйству, если у него избытки будет отбирать деревенская беднота. Для чего крестьянин будет производить лишних пять пудов, чтобы купить жнейку и молотилку, если все равно ему невыгодно и не нужно будет производить больше, если увеличением его продукции воспользуются соседи. Для развития продукции страны имеет особенно большое значение увеличение продукции большинства населения, а в России следовательно, крестьянского хозяйства. Увеличение продукции последнего возможно только тогда, когда такое увеличение каждому индивидуальному крестьянину выгодно. Таким образом, вопрос о возможности увеличения продукции в Советской России разрешается в зависимости от того, способна ли советская власть подчинить проблему распределения проблеме продукции в индустрии и сельском хозяйстве, т. е. в вопросе о распределении продуктов среди промышленных классов и крестьянских хозяйств, руководствоваться оплатой соответственно продуктивности труда, т. е. высту-

пить против всех, кто стремится только к уравнительному распределению и потреблению.

Проблема продукции важнее проблемы распределения просто потому, что если продукты не будут производиться в достаточном количестве, то нечего будет и распределять; поэтому изменение условий распределения с целью и ради увеличения продукции, рано или поздно, должно произойти. Решать вопрос о том, сумеет ли это сделать советская власть я не берусь, но должен заметить что власть генералов Колчака, Деникина и Врангеля оказалась не способной разрешить проблему продукции. Все эти власти настолько большую долю из национального дохода стремились взять на непроизводительное потребление, на армию, бюрократию и в особенности возвращаемым землевладельцам, что при такой экономике нельзя было расчитывать на развитие хозяйства и на решение проблемы продукции.

Таким образом, вопрос о возможности решения социальной проблемы нельзя ставить в плоскости исключительно политической и партийной. Все социалистические, так же как и буржуазные партии, до сих пор ставили вопрос, как проблему распределения и та партия, та политическая власть, которая сумеет решить проблему продукции, может расчитывать на длительное политическое господство, потому что хозяйственное развитие является необходимым условием для существования культурного народа.

Я заметил, что для решения вопроса о том, сумеет ли советская власть подчинить проблему распределения проблеме продукции у меня данных нет. Есть лишь суб'ективные данные прошлого опыта, которыми и поделюсь с читателем.

В. Ленин несомненно является наиболее ярким выразителем коммунистического, стоящего теперь у власти, течения. И вот что говорит мне опыт прошлого.

В 1892 г. мне пришлось вступить в полемику (в письмах) с Лениным (тогда В. Ульяновым) по поводу распределения прибыли по теории Маркса среди капиталистов. Ленин защищал наиболее простое повидимому решение. Через три года вышел третий том Марк-

са и спор сам собой решился в мою пользу. В 1896 году снова вспыхнула полемика с Лениным по поводу статей П. Б. Струве, в которой я указывал на односторонность понимания последним развития капитализма. Через четыре года Ленин сам отлучал Струве от марксизма. В 1902 году я выступал в печати против аграрной программы Ленина, принятой с.-д. партией в том же году. В 1906 году его программа была отвергнута. Все эти факты, которые остались у меня в памяти потому, что я в них был активным лицом, интересны в том отношении, что Ленина повидимому, непреклоного человека через три-четыре года сама жизнь заставляла принять противоположное тому, что он утверждал. И в большинстве случаев научает не полемика, а именно жизнь, факты жизни, которые сильнее теоретических доводов. В 1917 году я писал открытое письмо Советам Рабочих и Солдатских Дедутатов о необходимости развития производительных сил. Прошло три года. Срок для опыта достаточный и можно полагать, что он заставит сделать кое какие выводы более решительные, чем те, которые делались до сих пор теоретиками современного социализма. Некоторые факты современной действительности это показывают. Поэтому я и нахожу появление моей книги уже своевременным.

Все основные предпосылки выводов, изложенных здесь, читатель найдет в книге, написанной мною 10 лет тому назад („Теория развития народного хозяйства" часть 3-я), но тогда затронутые мною вопросы не стояли так остро и над ними не задумывались *). Теперь жизнь заставляет и заставит подумать над этими вопросами, и теоритически мыслимы такие изменения политики советской власти, что она проблему продукции поставит впереди проблемы распределения, даже и по отношению к мелкому хозяйству, но, разумеется, от

*) Любопытно, что Бухарин, один из "теоретиков" коммунизма, ничего не понял из этой книги и смешал анализ законов потребления, сделанный мною в книге, с теорией ценности австрийской школс. Как я заметил, жизнь заставит познакомиться с законами потребления и „теоретиков", ибо без этих законов, например, финансовая наука является лишь искусством взимания налогов, а не наукой о государственном хозяйстве.

коммунизма в том виде, в каком он существует в настоящее время, останется очень немного и экономическое возрождение крестьянского хозяйства сильно будет напоминать период капиталистического первоначального накопления в крестьянских странах, но.. другого выхода нет.

2.

При неправильном понимании социальной пробле, мы попытки ее решения приводят к обратным результатам чем те, к которым стремились социальные реформаторы. Увеличение непроизводительного потребления· сокращение продукции, уничтожение накопления и мотивов к накоплению, почти полное уничтожение вместе с буржуазией и накопленного ею капитала приве ло к такому сильному падению производительных сил, что не только их развитие, но и сохранение советская власть считает возможным путем привлечения иностранного капитала. В Россию иностранный капитал старались привлечь и привлекали с давних пор и он проникал в страну постольку, поскольку ему было выгодно ее эксплоатировать. Очевидно и теперь он будет приливать в страну при условии, если здесь он найдет более благоприятную почву для эксплоатации Теперь Россия представляет для ее эксплоатации иностранным капиталом более благоприятные условия, чем прежде. Благодаря разрушению производительных сил внутри страны и уничтожению в ней конкурренции частного капитала, благодаря низкой заработной плате, связанной с падением индустрии, иностранный капитал может эксплоатировать население монопольно, не опасаясь конкурренции капитала внутри страны, т. е. он будет иметь такие-же преимущества, как в Турции или Персии, так как без гарантии такой эксплоатации он и не явится в чужую страну. Но, обладая всеми недостатками национального капитализма, иностранный капитал имеет еще одну отрицательную сторону, опасную для экономического развития страны и делающую крайне нежелательным господство иностранного капитала. **Между тем, как национальный капитал, особенно в отсталой стране, накопляясь, реализуется в ней в виде орудий и средств производства, иностранный капитал**

вывозит прибыль из эксплоатируемой им страны, чем разумеется задерживает ее развитие. *) Иллюстрацией этого в миниатюре является положение дел в Дальне-Восточной Республике. Борьба с буржуазией уничтожила частную промышленность и торговлю крупных русских торговцев заменили мелкие торговцы—китайцы, которые, защищенные своим правительством, не опасаясь конкурренции русских, успешно их обсасывают и, быстро обогащаясь, увозят капиталы к себе на родину. К сожалению все сделано для того, чтобы облегчить экслоатацию России иностранным капиталом. „Концессионный" крупный капитал, конечно будет это делать в крупном масштабе, по последнему слову европейской коммерческой науки; но, без полной уверенности в возможности эксплоатации страны, он в нее, конечно не пойдет.

Благодаря игнорированию экономических вопросов, руководясь только политическими соображениями значительная часть социалистов была против обороны страны от внешней экономической ее эксплоатации. Потом, в силу политических соображений, перейдя одной рукой к обороне страны (революцион. завоеваний), другой рукой социалисты принуждены отдавать ее на эксплоатацию иностранному капиталу, т. е. утверждать власть иностранного капитала, чтобы он мог получать прибыль. **) Эти внутренние противоречия явились результатом того, что проблема распределения встала в противоречие с проблемой продукции и попытки решения социальной проблемы сопровождались разрушением производительных сил.

К сожалению все политические партии заняты поисками виновников такого результата и обвинением в этом противников, а не изысканием путей для выхода

*) Поэтому является величайшей нелепостью разрушение национального капитала и покровительство иностранному капиталу, как это происходило в Персии, Турции, а теперь в России.

**) При завоевании страны иностранный капитал гарантирует получение прибыли в завоеванной стране своим и ностранным штыком, а привлечение иностранного капитала в незавоеванную страну требует для получения прибыли иностранцами гарантии, обеспеченной собственным национальным штыком. Это жестоко, но иностран-ный капитал не знает сантиментальности и питается не иллюзиями, а прибылью!

из него. Может быть эта книга облегчит возможность найти выход, но разумеется, **среди политических деятелей различных партий не скоро еще явится сознание того, что невежество в экономике ведет неизбежно к ошибкам и в политике**, и еще долго даже самые искренние и честные пофессионалы политики и справа и слева, невежественные в экономике, будут самоуверенно заводить человечество из одного тупика в другой, обвиняя в этом своих противников и распиная их *).

3.

Оглядываясь на прошлую историю человечества, которая является историей бесконечного ряда насилий, разных видов эксплоатации человека человеком, историей постоянных и безуспешных попыток угнетаемых освободиться от гнета, мы видим, что ни одна попытка освобождения до сих пор не удалась, что человечество и до сих пор живет под гнетом нужды, взаимной борьбы и насилий Эти неудачи и об'ясняются тем, что до сих пор люди не умели сохранить процесс накопления, необходимый для их существования и культуры, иным путем, кроме пути насилия, что до сих пор процесс накопления происходил только путем принуждения. Когда трудящиеся создадут необходимые условия для накопления без тяжелых условий самоограни-

*) Обычно, неудачи тех или других политических и экономических шагов всеми правительствами и всеми партиями об'ясняются препятствиями, которые ставятся другими партиями и даже всем населением. Такое об'яснение дает основание не только обвинять противников и даже население в этих неудачах, но и для репрессий и даже полного уничтожения. Во время гражданской войны и справа и слева уничтожались целые поселения и их население, то за „революционность", то за „контр-революционность". Упускается из виду, что при всяких экономических и политических мероприятиях **должны приниматься во внимание** те условия, при которых проводятся эти мероприятия и **те препятствия, которые ставит им жизнь.** Даже при физическом уничтожении „спекулянтов", если условия жизни толкают на спекуляцию, если она является для многих единственным средством для существования, количество спекулянтов будет неизбежно увеличиваться. Этого не могут понять те, у кого партийный патриотизм и интересы одной группы населения закрывают интересы хозяйственного развития страны в целом. Точно также для большинства современной бюрократии, находящейся в постоянном „административном восторге", некогда думать об ограниченности силы административного воздействия.

чения, только тогда они и смогут освободить себя от эксплоатации и создать действительное царство свободы. Для этого необходима не только „сознательность" трудящихся и определенный уровень состояния производительных сил, но и уменье их сохранить и развить их при других социальных условиях Подготовлена ли к этому Россия и Западная Европа я решать не берусь, так как этот вопрос уже заходит в область политики. Во всяком случае я не уверен в том, что даже постановка мною социальной проблемы и ее анализ не будут признаны вредными, а изложенные в книге идеи без извращения дойдут до широких масс. *)

Как бы то ни было, но жизнь разбивает и разобьет иллюзии и укажет на неизбежность для человечества идти трудным путем накопления орудий и средств производства. И лучше при ясном свете сознания проходить этот путь, чтобы выйти к свету, к свободному и обеспеченному существованию и к новому социальному строю, чем блуждать в темноте с одной только верой, что эта вера ведет к спасению. После тяжкого опыта реализм неизбежно займет место утопизма.

Тяжкая и безотрадная жизнь большинства человечества делает необходимыми надежды, грезы и веру, без которых эта жизнь была бы еще более невыносимой. Поэтому заслуженно восхваляют тех поэтов, которые увлекают в мир грез; поэтому понятно также, если указания на реальную действительность и на ошибки фантазеров встречаются враждебно. Но следует ли из этого, что грезы нужно сохранять и не нужен научный анализ?

Нет, нужно только разграничить область веры, фантазий и грез от реальной действительности**). Поэту

*) Тем меньше я склонен ожидать научной оценки книги: в ней нет ни греческих, ни латинских цитат ни бесчисленных сносок, ведь она не затолкана ни в шаблонный ученый, ни партийный футляр, ведь она при всем напряжении совести быть об'ективным написана кровью сердца и соком нервов. А разве «ученые» книги так пишутся!?

**) Развитию продукции в значительной мере мешала наивная вера в производительную силу языка и революционной фразы. Верили, что „производственная", „продовольственная", „посевная" и т. д. пропаганда даст толчек развитию хозяйства и число „рабогающих" языком и пером, но ничего не понимающих в хозяйстве в огромной

и фантазеру почетное место на праздничном отдыхе, реалисту место в будничной работе и борьбе. К сожалению часто происходит обратное: поэт и фантазер **руководит** будничной работой и борьбой (экономической и политической), так как фантазия и грезаделают их привлекательнее, а реализм находит место лишь в минуты отрезвления и полной безнадежности, когда иллюзии и грезы исчезают, а факты и безотрадная действительность остаются...

4.

При анализе и оценке настоящего, исходя из него, естественно, является стремление заглянуть в будущее и выяснить, что оно обещает человечеству. Несомненно в настоящее время культурное человечество находится на распутьи.

Непримиримые противоречия создались в результате мировой войны: производительные силы упали, а между тем непроизводительные затраты на вооружение не сокращаются. Мир не избавился от опасности новых международных войн, а между тем ухудшение положения рабочих масс на ряду с роскошью и другими видами непроизводительного потребления грозит еще большим обострением социальных противоречий, вспышками гражданских войн и обостренной социальной борьбы, которая не менее опасна для развития производительных сил, чем международные войны.

Для сохранения своей власти и преимуществ буржуазия не умеет найти других путей, кроме увеличения непроизводительных расходов на армию.

С другой стороны рабочий класс не считается и при настоящих условиях суб'ективно едва ли может считаться с состоянием производительных сил: он стре-

---

степени увеличилось за счет работающих руками. В последнее время Ленин бросил крылатое слово, что один знающий „спец" стоит дюжины болтунов, но это только фраза. Любой „благонадежный" болтун может обобрать и попутно оторвать голову дюжине любых „спецев" только для доказательства своей благонадежности. При таких «классовых» отношениях группа первых будет расти за счет последних. Мимоходом брошенная фраза Ленина дает возможность указать на это без опасения, что такое указание будет признано «потрясением основ существующего строя»...

мится к увеличению своей доли независимо от того, что производительные силы страны будут падать в процессе ожесточенной классовой борьбы. Возможно, что создастся такое же положение, как и в России, а в результате этого дальнейшее сокращение накопленных орудий и средств производства и дальнейшее падение производительных сил, которое, несмотря на чудесные открытия и изобретения последних десятилетий, повело бы к техническому регрессу. Эти грозные опасности едва ли в состоянии предотвратить капиталистическая буржуазия, слишком занятая личной наживой Лишь надежда на то, что западно-европейский рабочий класс, имеющий больший социальный опыт, чем в России, сумеет оказать достаточное давление на сокращение непроизводительного потребления и за счет его улучшать свое положение, только надежда на это дает основание думать, что развитие человечества не остановится и оно в конце концов перейдет на следующую высшую ступень,—уничтожения социальных противоречий. Во всяком случае опыт русской революции показывает, что обнищание и обострение социальных противоречий, благоприятное для социальных потрясений, не благоприятно для решения социальной проблемы.

В заключение несколько слов pro domo sua. Читатель, конечно, заметил в книге некоторый элемент горечи и субъективизма.

На закате жизни и в конце научно-литературной деятельности дает горький осадок сознание, что без погони за успехом среди той или другой **группы, класса** или **партии**, ставящих свои интересы выше всего, в итоге работы будет полное одиночество, брань со стороны невежд и в лучшем случае общее равнодушие. И может быть это сознание побудило иногда резко критиковать всех без исключения. Тем болеший успех будет у тех, кто встретит эту книгу бранью...

Вместе с прежде написанными книгами „Социальная проблема“ является частью, как бы одной главой из моей незаконченной попытки изложить основные положения науки о народном хозяйстве или „политической экономии“, которая до сих пор подменялась в большей своей части наукой о частном хозяйстве. Эта

глава является, вероятно, и последней, так как современные условия ничуть не благоприятствуют научной работе. Но я уверен, что рано или поздно работа будет сделана другими и вместо отдельных отрывков создастся стройная система науки не о частном, а о народном хозяйстве*) Для большинства читателей экономистов эта надежда будет непонятной, т. к современную науку о **частном** хозяйстве они считают наукой о **народном** хозяйстве.

Post scriptum. Книга мною написана в 1919 году и рукопись была послана в некоторые города. За истекшие почти два года сделаны значительные дополнения, но возможно, что в своем первоначальном виде книга появилась на каком нибудь из иностранных языков.

Таким образом возможно, что она печатается теперь не первым, а вторым значительно дополненным изданием, но этого я не знаю. Может быть ее своевременное появление в свет кое кого предостерегло бы от ошибок, но, всего вероятнее, что и теперь, пока многое еще не испытано, некоторые положения покажутся непростительной ересью, особенно тем, кто непроизводительно потребляет. Было бы чудом скорое признание старым поколением идей, с которыми склонный к консерватизму ум не сжился. Это противоречило бы принципу экономии умственной энергии.

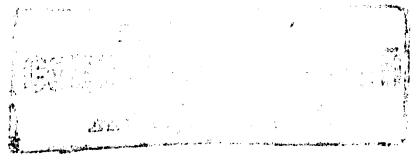
Тем не менее за истекшие полтора-два года многие иллюзии оказались изжитыми и часто под старыми словами скрывается уже новое содержание, потому что „факты остаются" и требуется только осознать их значение.

---

*) *Молодеж, работавшая со мной в университете, продолжая работу, несомненно, внесет много нового при анализе распределения и переспределения производительных сил в народном и в мировом хозяйстве, законов потребления на различных ступенях развития хозяйства и т. д.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Гл.		стр.
	Предисловие	1
I.	Элементы веры в социализме	5
II.	Постановка социальной проблемы	23
III.	Источники прибыли	28
IV.	Прибыль и социальная проблема	36
V.	Значение потребления	39
VI.	Распределение производительных сил . . .	44
VII.	Потребление в народном хозяйстве	71
VIII.	Потребление национального дохода	81
IX.	Современное понимание социал. проблемы .	88
X.	Значение проблемы потребления	129
XI.	Проблема продукции в понимании предпринимателей	136
XII.	Проблема производства и распределения . .	144
XIII.	Формы непроизводительного потребления .	162
XIV.	Перераспределение производительных сил .	187
XV.	Трудовая повинность	203
XVI.	Классовые интересы	207
XVII.	Продукция	224
XVIII.	Распределение как этическая проблема . .	245
XIX.	Заключение	253



Ц Е Н А:

В Россіи . 2 руб. — к.
За границу. 2 руб. 50 к.

Изданіе
Бюро Дальне-Восточныхъ Кооперативныхъ Организацій при Центросоюзе.
Г. Чита.